

~~1482~~

ВОСПОМИНАНІЯ
АННЫ ЕВДОКИМОВНЫ
ЛАБЗИНОЙ.

к-68/74

Наша историческая литература вообще не богата воспоминаниями о XVIII вѣкѣ, принадлежащими перу русскихъ женщинъ. Записки императрицы Екатерины II, княгини Е. Р. Дашковой, княгини Н. Б. Долгоруковой, графини В. Н. Головиной, Г. И. Ржевской, графини А. Д. Блудовой, М. С. Николовой ¹⁾,—вотъ, если не ошибаемся, все, наиболѣе крупное, что сохранили для потомства русскія женщины изъ запаса своей памяти. Всѣ перечисленные авторы, касавшіеся въ мемуарахъ своихъ XVIII вѣка, принадлежали исключительно къ высшему кругу русскаго общества; но у насъ до сихъ поръ не было обнародовано воспоминаній женщины средняго дворянскаго семейства, которая, на подобіе А. Т. Болотова, С. Т. Аксакова и многихъ другихъ бытописателей нашихъ, откровенно и безхитростно, съ своей точки зрѣнія, рассказала бы намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, воспитаніи, окружающей обстановкѣ и т. под. Поэтому-то, какъ намъ кажется, особенный интересъ должны представлять впервые публикуемыя здѣсь воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной, жены одного изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Александровой эпохи, извѣстнаго мистика, писателя, издателя «Сіонскаго Вѣстника» и вице-президента Академіи Художествъ Александра Федоровича Лабзина ²⁾.

Воспоминанія А. Е. Лабзиной, къ сожалѣнію, ею не законченныя, а обрывающіяся на полусловѣ, сохранились, по счастливой случайности, среди довольно жалкихъ остатковъ когда-то обширнаго и богатаго архива, находившагося въ имѣніи И. Е. Великопольскаго—селѣ Чука-

¹⁾ Не упоминаемъ „Разказовъ бабушки“, собр. Д. Д. Благово (С.-Пб. 1885 г.), какъ носящихъ специально-генеалогическій характеръ.

²⁾ О немъ см. изслѣдованіе Н. О. Дубровина: „Наши мистики-сектанты“—въ „Русской Старинѣ“ 1894 г., т. 82 и 1895 г., т. 83.

*

43464

винѣ, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи¹⁾, и переданы въ наше распоряженіе дочерью Ивана Ермолаевича—Надеждой Ивановной Чаплиной.

Биографія А. Е. Лабзиной во многихъ отношеніяхъ любопытна, и мы постараемся изложить ее съ наибольшими подробностями, насколько это удалось намъ сдѣлать.

Анна Евдокимовна Лабзина родилась 28-го ноября 1758 года. Отецъ ея—Евдокимъ Яковлевичъ Яковлевъ (род. въ 1692 г., ум. въ 1764 г.) почти всю жизнь свою провелъ на разныхъ горныхъ заводахъ. Онъ вступилъ въ службу въ 1721 году «къ приказнымъ дѣламъ»²⁾, былъ подканцеляристомъ и канцеляристомъ, въ 1732 г. былъ опредѣленъ генераль-лейтенантомъ Вил. Ив. Де-Геннивымъ и В. Н. Татищевымъ въ Сибирскій Оберъ-Бергъ-Амть протоколистомъ, въ 1733 г. былъ назначенъ «за-секретаря», въ 1739 г., по указу Генераль-Бергъ-Директоріума, занялъ мѣсто секретаря въ Канцеляріи Главнаго Правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ, 4-го ноября 1754 г. произведенъ въ оберъ-цегентеры, а затѣмъ состоялъ, въ чинѣ ассессора, присутствующимъ въ Екатеринбургской заводской канцеляріи³⁾. Въ началѣ 1760 года Яковлевъ сопровождалъ молодого графа С. Р. Воронцова въ поѣздкѣ по горнымъ заводамъ, только-что пожалованнымъ его отцу графу Роману Ларионовичу императрицей Елизаветой Петровной. Очевидно, Евдокимъ Яковлевичъ былъ хорошо знакомъ старику-графу, такъ какъ сынъ въ письмахъ своихъ упоминаетъ о немъ, какъ о чловѣкѣ, близкомъ къ ихъ семейству; кромѣ того, самъ Яковлевъ писалъ къ его отцу—графу, сообщая ему о состояніи его заводовъ⁴⁾, а тотъ, въ отплату за труды, выхлопоталъ ему, при отставкѣ, слѣдующій чинъ. «Вчерась по вечеру», пишетъ отцу графъ Семень Романовичъ изъ Симбирска 27-го марта 1760 г.: «получилъ я письмо отъ Евдокима Яковлича Яковлева, котораго я оставилъ на Егосихѣ⁵⁾, гдѣ онъ и по нынѣ обрѣтается. Онъ ко мнѣ пишетъ, что, по старанію вашему, милостивый

¹⁾ Нѣкоторые документы изъ этого архива сообщены нами въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 6, 7 и 8 и въ другихъ журналахъ.

²⁾ У Яковлева въ 1760 г. была недвижимая собственность въ Московскомъ уѣздѣ, куда и былъ онъ отпущенъ при выходѣ въ отставку (Арх. Минист. Юст. Книги Герольдмейстерской Конторы, № 494, л. 303); но было ли это родовое имущество, или пріобрѣтенное—неизвѣстно.

³⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы, кн. № 423, л. 546 и кн. № 494, л. 302—303.

⁴⁾ Архивъ кн. Воронцова, т. XVI, стр. 19, 20.

⁵⁾ Или Ягошиха,—мѣдные заводы, пожалованные въ 1754 г. графу Мих. Лар. Воронцову (Научно-историч. сборникъ, изданный Горнымъ Институтомъ, С.-Пб. 1873, стр. 9).

государь батюшка, онъ отставленъ съ награжденіемъ ранга¹⁾ и что повелѣно ему жить на Егосихѣ, объ чемъ осмѣлюся представить я свое мнѣніе: Евдокиму Яковличу лучше жить на Верхъ-Исецкомъ²⁾ заводѣ, для того, что всѣ заводскія требованія въ Екатеринбургѣ рѣшатся, какъ, напримѣръ, чтобы удовольствовать заводы слободами, также для отведенія новопріисканныхъ рудниковъ, также для приѣма въ Екатеринбургѣ Егосинской мѣди; да и сверхъ того, одинъ желѣзный заводъ болѣе требуетъ труда и попеченія, нежели шесть мѣдныхъ... А Евдокиму Яковличу можно будетъ каждой годъ мѣсяца три или четыре побывать на Егосихѣ³⁾. Изъ этого видно, что отецъ Анны Евдокимовны пользовался большимъ довѣріемъ у гр. Воронцовыхъ и предназначался ими въ управляющіе ихъ богатѣйшими заводами. Мы не знаемъ дальнѣйшихъ отношеній его съ Воронцовыми; впрочемъ, скоро (въ 1764 г.) Евдокимъ Яковлевичъ скончался, оставивъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей, изъ которыхъ дочь, Анна, была первенцемъ; ей тогда было всего пять лѣтъ, а потому она почти не помнила своего отца, но всегда сохраняла о немъ благоговѣйное воспоминаніе, привыкнувъ уважать его изъ рассказовъ матери. Дѣтство Анны Евдокимовны, о которомъ она съ такой теплотою рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, протекло въ мирной деревенской обстановкѣ, на собственномъ хуторѣ, гдѣ-то на границахъ тогдашнихъ Пермскаго и Уфимскаго намѣстничествъ, между Екатеринбургомъ и Челябинскомъ, подъ нѣжнымъ надзоромъ родителей, которые любили ее, по собственному ея признанію, больше, чѣмъ двоихъ другихъ дѣтей. Едва минуло Аннѣ Евдокимовнѣ 13 лѣтъ,—она была выдана замужъ. Александръ Матвѣевичъ, мужъ ея, съ которымъ читатель хорошо познакомится въ «Воспоминаніяхъ», былъ А. М. Карамышевъ, извѣстный уже тогда ученый, горновѣдъ и минералогъ. Онъ родился въ 1744 году, происходилъ изъ «сибирскихъ дворянъ»⁴⁾ и имѣлъ, какъ значится въ формулярномъ спискѣ, «13 мужеска пола душъ въ Челябинскомъ уѣздѣ, Екатеринбургской области, да въ Тобольскомъ уѣздѣ 6 душъ»⁵⁾; вы-

¹⁾ По указу Сената отъ 23-го февраля 1760 г. Е. Я. Яковлевъ былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника (Арх. М. Ю., Книги Герольдмейстерской Конторы, № 494, л. 302—303).

²⁾ Лежитъ на р. Исети, между Екатеринбургомъ и Кунгуромъ; до пожалованія его гр. Р. Л. Воронцову принадлежалъ казнѣ и назывался Анненскимъ (И. И. Лепехинъ. Продолженіе дневныхъ записокъ въ 1770 году. С.-Пб. 1772 г., стр. 208).

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, т. XVI, стр. стр. 23—24.

⁴⁾ Статья С. Н. Булибина о Карамышевѣ въ „Русскомъ Биографическомъ Словарѣ“. С.-Пб. 1897, стр. 514—515.

⁵⁾ Формулярный списокъ въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы, за 1788 г., кн. № 762, л. 296—297.

рось и воспитался онъ въ домѣ Е. Я. Яковлева, который въ 1756 году отдалъ его въ Московскую Университетскую Благородную Гимназію, гдѣ Карамышевъ, за успѣхи въ разныхъ наукахъ, неоднократно получалъ награды¹⁾; въ 1759 году (19-го апрѣля) онъ произведенъ былъ въ студенты Московскаго Университета и въ 1761 году былъ посланъ въ Швецію «для обученія горныхъ и плавильныхъ наукъ»²⁾, а также наукъ естественныхъ и химіи. Въ 1768 году, находясь еще за-границей, онъ былъ зачисленъ на службу въ вѣдомство Бергъ-Коллегіи. Научныя занятія свои въ Швеціи Карамышевъ велъ подъ руководствомъ знаменитаго Линнея и Валлеріуса въ Упсальскомъ Университетѣ; Линнею же онъ представилъ написанную подъ его наблюденіемъ диссертацию свою, озаглавленную «Dissertatio academica, demonstrans necessitatem promovendae historiae naturalis in Rossia», особенно богатую свѣдѣніями о сибирской флорѣ³⁾. Ее Карамышевъ напечаталъ въ 1766 году въ Упсалѣ и въ томъ же году, 16-го мая, защитилъ передъ медицинскимъ факультетомъ Упсальскаго Университета. Въ 1771 году онъ вернулся въ Россію⁴⁾ и 7-го декабря этого года былъ пожалованъ въ званіе маркшейдера «капитанъ-поручичья ранга»⁵⁾, а 23-го декабря—командированъ, по приказанію оберъ-прокурора Сената и главнаго правителя Бергъ-Коллегіи Мих. Ѳед. Соймонова, въ Петрозаводскъ, въ Канцелярію Олонецкихъ Петровскихъ заводовъ, на которыхъ долженъ былъ производить какія-то починки⁶⁾. Здѣсь онъ пробылъ, однако, не долго, и, вскорѣ же, въ первыхъ мѣсяцахъ 1772 года, былъ отправленъ Соймоновымъ въ Екатеринбургъ, въ Канцелярію Главнаго Правленія Сибирскихъ, Казанскихъ и Оренбургскихъ заводовъ, для спеціальнаго осмотра золотыхъ промысловъ («для вѣрнаго свѣдѣнія о золотыхъ рудникахъ», какъ сказано въ документѣ), получивъ, между тѣмъ (23-го марта 1772 г.) «за отличное въ горномъ искусствѣ знаніе и отнѣнное усердіе»⁷⁾, чинъ бергмейстера. Пріѣхавъ въ родные края въ началѣ апрѣля, послѣ 16-ти-лѣтняго отсутствія, Карамышевъ уже не засталъ въ живыхъ своего воспитателя и посва-

¹⁾ См., напр., „Моск. Вѣдомости“ 1758, приб. къ № 38 (въ этомъ году Карамышевъ былъ уже въ 4-мъ классѣ).

²⁾ Формулярный списокъ въ Архивѣ Горнаго Департамента, сообщенный намъ благодаря любезнымъ разысканіямъ Алекс. Коист. Монастырева.

³⁾ В. Лагусъ, „Эрикъ Лавсманъ“, С.-Пб. 1890 г., стр. 24.

⁴⁾ Еще будучи въ Швеціи, Карамышевъ написалъ латинскую оду на востество на престолъ Екатерины II: „In publica solemnia coronationis Augustae Catharinae Alexiewnae...“, Upsaliae, 1762.

⁵⁾ Формулярный списокъ.

⁶⁾ Архивъ Горнаго Департамента, Дѣла Бергъ-Коллегіи 1771 г., № 1321.

⁷⁾ Арх. Мин. Юст., Журналы и протоколы Правит. Сената Общаго Собранія за апр.—сент. 1776 г., кн. № 24, 6313, лл. 178—179.

тался на его дочеря, Аннѣ Евдокимовнѣ Яковлевой. Со стороны матери послѣдней и своей¹⁾ онъ встрѣтилъ согласіе,—и 21-го мая 1772 года состоялась уже ихъ свадьба. Аннѣ Евдокимовнѣ было въ это время, какъ сказано выше, всего 13 лѣтъ. Выросши въ глухой деревнѣ, въ полномъ незнаніи жизни, подъ надзоромъ любящей, но строгой матери, она безпрекословно отдалась во власть своего мужа, который въ самомъ непродолжительномъ времени, сбросивъ съ себя личину почтительно-скромнаго жениха, началъ тиранить свою беззащитную жену. Строгія наставленія матери о подчиненіи мужней власти, твердая вѣра въ высшую справедливость и надежда на лучшее будущее и исправленіе супруга заставляли Анну Евдокимовну съ кротостью и безропотно переносить все страданія и оскорбленія со стороны мужа и поправіе имъ самыхъ лучшихъ движеній сердца. Правда, этотъ безхарактерный человекъ временами, хотя и очень не на долго, перемѣнялся къ лучшему—и тогда Анна Евдокимовна бывала счастлива; но эти періоды просвѣтленія были слишкомъ рѣдки и кратковременны. Прочтя «Воспоминанія», читатель легко представитъ себѣ трагическое положеніе кроткой, богобоязненной и совѣмъ неопытной молодой женщины, попавшей въ неограниченное распоряженіе мужа буйнаго, безвразвственнаго, подчасъ жестокаго; по свидѣтельству хорошо знавшаго А. Е. Лавзину А. Л. Витберга, Карамышевъ «былъ человекъ безъ вѣры», онъ «сомнѣвался въ безсмертіи души» и вообще «принадлежалъ къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ»²⁾. Но все это стало извѣстно, къ сожалѣнію, уже нѣсколько поздно, когда сдѣланнаго нельзя уже было поправить. Между тѣмъ, мать Анны Евдокимовны черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы Карамышевыхъ скончалась (21-го іюля 1772 г.), лишивъ свою дочь послѣдней поддержки и защиты, которая у нея была. Около года еще провели молодые въ Екатеринбургѣ, а въ мартѣ или началѣ апрѣля 1773 г. отправились въ Петербургъ, но вскорѣ же должны были ѣхать оттуда въ Петрозаводскъ. Въ октябрѣ того же года Карамышевъ былъ посланъ изъ Петрозаводска въ ученую экспедицію на Медвѣжьи острова, «для разработки рудныхъ мѣстъ», гдѣ и провелъ 9 мѣсяцевъ³⁾, при чемъ молодая жена раздѣляла съ нимъ все трудности и лишенія этой командировки, а затѣмъ, въ серединѣ іюня 1774 года, былъ внезапно вытребованъ Соймоновымъ въ Петербургъ «по особому дѣлу», которое состояло въ томъ, что ему предложено было занять мѣсто преподавателя химіи въ только-что передъ тѣмъ основан-

¹⁾ О ней извѣстно только, что звали ее Авдотьею и что до этого времени проживала она въ Екатеринбургѣ.

²⁾ „Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 567—568.

³⁾ Архивъ Горнаго Департамента, Дѣла Бергъ-Коллегіи 1772 г., № 1324.

номъ Горномъ Училищѣ (нынѣ Институтъ). Должность эту Карамышевъ занялъ фактически съ начала іюля 1774 г. ¹⁾, — и при ближайшемъ же экзаменѣ горныхъ студентовъ обнаружилось, что онъ оказался весьма способнымъ преподавателемъ, хорошо обучившимъ своихъ питомцевъ ²⁾.

По приѣздѣ въ Петербургъ (30-го іюня 1774 г.) ³⁾, Карамышевы поселились въ домѣ вице-президента Бергъ-Коллегіи Михаила Матвѣевича Хераскова ⁴⁾, съ которымъ они, очевидно, были знакомы раньше. Михаилъ Матвѣевичъ, извѣстный своею добротой и ласковымъ сердцемъ, принялъ Анну Евдокимовну, какъ родную дочь, искренно полюбилъ ее за кроткій нравъ и заботился объ ея образованіи и воспитаніи (ей было тогда всего 15 лѣтъ отъ роду). Жена Хераскова — Елизавета Васильевна (рожд. Неронова), женщина просвѣщенная и извѣстная своею образованностью ⁵⁾, также приняла сердечное участіе въ судьбѣ своей новой питомицы и окружила ее нѣжными попеченіями. Такимъ образомъ, жизнь Анны Евдокимовны рѣзко перемѣнилась къ лучшему, и время, проведенное ею въ семьѣ Херасковыхъ, осталось навсегда свѣтлымъ для нея воспоминаніемъ. Карамышевъ, занятый службой и, быть можетъ, побаивавшійся Хераскова, какъ начальника, не обижалъ больше своей жены, а всѣ родные и домочадцы полюбили кроткую и привѣтливую молодую женщину; но, къ глубокому сожалѣнію ея, М. М. Херасковъ, уволенный 10-го іюля 1775 г. отъ должности вице-президента Бергъ-Коллегіи, въ скоромъ времени переѣхалъ на житье въ Москву, — и она опять оказалась во власти своего жестокаго и безпутнаго мужа; онъ, между тѣмъ, продолжалъ преуспѣвать по службѣ, былъ отличенъ всесильнымъ Потемкинымъ; начальство было на его сторонѣ, быть можетъ, дорожа его знаніями. Занимая, одновременно со службой въ Горномъ Училищѣ, мѣсто маркшейдера при Бергъ-Коллегіи ⁶⁾, Карамышевъ въ то же время принималъ участіе въ учрежденномъ при названномъ Училищѣ «Ученомъ Собраніи» ⁷⁾. Кромѣ того, онъ производилъ въ училищной лабораторіи химическіе опыты, а

¹⁾ Определеніе его состоялось 26-го іюня 1772 г. (тамъ же).

²⁾ Арх. Мин. Юст., Журналы и протоколы Правит. Сената и Общаго Собранія за апр.—сент. 1776 г., кн. № 24/6313, лл. 178—179.

³⁾ Архивъ Горнаго Департамента, д. № 1324.

⁴⁾ Этимъ объясняется сообщенное П. И. Бартеневымъ („Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 845) и повторенное М. Н. Лонгиновымъ (тамъ же, 1873 г., т. II, стр. 1464) преданіе о томъ, будто-бы Анна Евдокимовна „воспитывалась“ у Хераскова, не имѣвшаго своихъ дѣтей.

⁵⁾ О ней см. статью В. В. Сиповскаго въ „Русскомъ Биографическомъ Словарѣ“, С.-Пб. 1901 г.

⁶⁾ Мѣсяцесловъ на лѣто 1775, стр. 108.

⁷⁾ Ученый сборникъ Горнаго Института, С.-Пб. 1873 г.

въ 1778 г. вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ П. И. Хемницеромъ (извѣстнымъ баснописцемъ) проредактировалъ едѣланный В. Безпаловымъ переводъ книги Брикмана «Сочиненіе о драгоцѣнныхъ камняхъ», изданный въ Петербургѣ въ 1779 году. Несомнѣнно, что это былъ способный и образованный человѣкъ, могшій, при желаніи и подѣ хорошимъ вліяніемъ, успѣшно работать на пользу науки. Это доказывается и статьями его по химіи, технологіи, естествознанію и сельскому хозяйству, напечатанными въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества», какъ, напр.: «О пользѣ копченія ржи передъ посѣвомъ» (1774 г., ч. XXVI), «О причинѣ плодородія земли» (тамъ-же) и др., а также избраніемъ его въ члены ученыхъ обществъ. Такъ, въ 1774 г. Вольно-Экономическое Общество, членомъ котораго онъ состоялъ, присудило ему медаль, а въ 1779 году (21-го іюня) онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ ¹⁾, состоя, кромѣ того, членомъ Берлинскаго Общества любителей естествознанія и корреспондентомъ (adscriptus) Стокгольмской Королевской Академіи Наукъ. Получивъ, еще 12-го іюля 1776 года ²⁾, чинъ оберъ-бергмейстера, Карамышевъ до 1779 года состоялъ преподавателемъ Горнаго Училища ³⁾, а 28-го мая 1779 года былъ назначенъ директоромъ Банковой Конторы «для вымѣна государственныхъ ассигнацій» въ Иркутскѣ ⁴⁾, будучи одновременно съ тѣмъ пожалованъ въ надворные совѣтники ⁵⁾. Находясь въ Иркутскѣ и продолжая свою безпутную жизнь, Карамышевъ, однако, не прерывалъ своихъ научныхъ работъ ⁶⁾; онъ состоялъ въ это время въ перепискѣ съ академикомъ П. С. Палласомъ ⁷⁾ и вообще принадлежалъ къ числу лучшихъ представителей мѣстной умственной

¹⁾ „Протоколы засѣданій Конференцій Импер. Академіи Наукъ“, т. III, С.-Пб. 1900, стр. 415, 423 и 433.

²⁾ Въ этомъ же году онъ, съ января по октябрь, находился, по приказанію Соймонова, въ командировкѣ въ Москвѣ; въ Горномъ же Училищѣ его временно замѣняли, какъ преподавателя химіи, гиттенфарвальтеръ Шурлинъ и оберъ-бергъ-пробиреръ Ренованцъ (Архивъ Горнаго Департамента, 1. с.).

³⁾ Мѣсяцесловъ на лѣто 1779, стр. 123.

⁴⁾ Мѣсяцесловъ на лѣто 1780, стр. 174; также — „Протоколы засѣданій Конференцій Импер. Академіи Наукъ“, т. III, стр. 415 и „Списокъ чинамъ первыхъ 8 классовъ, въ статской службѣ находящимся на 1780 годъ“.

⁵⁾ Арх. Мин. Юст., Дѣла Герольдмейстерской Конторы 1788 г., кн. 762, лл. 296—297.

⁶⁾ Такъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, Г. И. Спасскій позже составилъ статью „Забайкальскія геогностическія замѣчанія“ („Сибирскій Вѣстникъ“ 1820 г., ч. XVI, стр. 406—418), заявивъ, что она заимствована имъ „большою частію изъ записокъ покойнаго А. М. Карамышева“.

⁷⁾ „Nova acta Acad. Scientiarum Petropolitanae“, t. III, 1783, p. 57 и 58; см. также P. S. Pallas. Neue nordische Beyträge“, t. V, St.-Petersb. 1793, S. 301—301.

жизни¹⁾. Вскорѣ же по прїѣздѣ въ Иркутскъ, онъ былъ назначенъ временно-завѣдующимъ Нерчинскими рудниками, на которые требовался ревностный и свѣдущій начальникъ, такъ какъ заводы Нерчинскіе были сильно запущены послѣ отъѣзда въ 1775 году завѣдывавшаго ими В. И. Суворова (отца генералиссимуса)²⁾. Здѣсь, въ Нерчинскѣ, Карамышевы пробыли полтора года; но и въ это сравнительно короткое время Александръ Матвѣевичъ достигнулъ кое-какихъ результатовъ: такъ, онъ развилъ производительность серебра на заводахъ съ 406 до 450 пудовъ, исправилъ рудники и открылъ 5 новыхъ мѣсто-рожденій³⁾. Затѣмъ Карамышевъ снова вернулся въ Иркутскъ (въ серединѣ 1781 г.), гдѣ прожилъ до 1789 года⁴⁾, когда, съ упраздненіемъ Банковой Конторы, возвратился въ Петербургъ; немедленно же онъ былъ опредѣленъ, для исполненія различныхъ порученій, въ Горную по Колывано-Воскресенскимъ заводамъ Экспедицію, состоявшую въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества, подъ управленіемъ П. А. Соимонова⁵⁾. Однако, Карамышевъ послѣ этого прожилъ уже не долго: 22-го ноября 1791 года онъ скончался⁶⁾, а 26-го былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ⁷⁾.

По смерти мужа Анна Евдокимовна, не имѣвшая дѣтей, проживала, по всей вѣроятности, въ Петербургѣ, гдѣ у нея, безъ сомнѣнія, были знакомые и друзья, недостатка въ которыхъ она, благодаря своему характеру, никогда не имѣла. Вдовѣла она всего около 3-хъ лѣтъ, такъ какъ, познакомившись съ молодымъ чиновникомъ Секретной экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта Александромъ Фодоровичемъ Лабзинымъ⁸⁾, она, не смотря на большую разницу въ лѣтахъ (ему было тогда 27, а ей—уже 35 лѣтъ), вышла за него замужъ. Свадьба ихъ

¹⁾ В. Лагусъ. Э. Лаксманъ. С.-Пб. 1890, стр. 170.

²⁾ Тамъ же; см. также у P. S. Pallas. Neue nordische Beyträge, St. Petersburg. 1783, t. IV, S. 205 и В. Лагусъ, назв. соч., стр. 152—153.

³⁾ „Русскій Біографическій Словарь“, С.-Пб. 1897, стр. 515, статья С. Н. Кулибина.

⁴⁾ 22-го декабря 1784 г. онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и около того же времени (нѣсколько ранѣе)—орденъ Владиміра 4-й степени.

⁵⁾ Въ 1790 году онъ помѣстилъ нѣсколько статей по химіи и технологіи въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“ и въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ (см. А. Н. Неустроевъ. Указатель къ Историческому розысканію о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, С.-Пб. 1898).

⁶⁾ „Nova acta Acad. Scientiarum Petropolitanae“, t. IX, 1795, p. 12.

⁷⁾ П. П. Каратыгинъ. Описаніе Смоленскаго кладбища:—рукопись въ библиотекѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

⁸⁾ Въ эту экспедицію Лабзинъ былъ опредѣленъ 6-го декабря 1789 года, а до того времени воспитывался и служилъ въ Москвѣ.

состоялась 15-го октября 1794 года¹⁾. Анна Евдокимовна сблизилась съ Лабзинымъ, несомнѣнно, подъ влияніемъ и на почвѣ тѣхъ мистическихъ идей и настроеній, къ которымъ она была всегда расположена и по воспитанію, ею полученному дома и у Херасковыхъ, и подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда лѣтъ жизни съ Карамышевымъ, исполненныхъ для нея тяжелыхъ нравственныхъ терзаній, и которыя въ Лабзинѣ, зародившись, вѣроятно, подъ влияніемъ Новикова, въ Москвѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ достигли такихъ рѣзкихъ крайностей. Мужъ и жена вполне подошли одинъ къ другому, и супружество ихъ, продолжавшееся 30 слишкомъ лѣтъ, можно назвать вполне счастливымъ. Когда Лабзинъ основалъ масонскую ложу²⁾, въ которой былъ великимъ мастеромъ, Анна Евдокимовна явилась ревностною его сторонницей, ученицей, помощницей и участницей во всѣхъ дѣлахъ «братства», искренно и глубоко печалась о всякихъ его неудачахъ, привлекая новыхъ членовъ, укрѣпляя колеблющихся и негодуя на отпадающихъ. Настроеніе ея и весь внутренний строй души ея прекрасно рисуется въ сохранившемся отрывкѣ изъ ея дневника за часть 1818 года, который мы печатаемъ, въ извлеченіяхъ, въ приложеніи къ настоящимъ воспоминаніямъ.

Общезвѣстенъ фактъ отставки Лабзина отъ должности вице-президента Академіи Художествъ и высылки его изъ Петербурга въ 1822 году за предложеніе избрать въ почетные любители Академіи, наравнѣ съ гр. Д. А. Гурьевымъ, гр. Аракчеевымъ и гр. В. П. Кучубеемъ—кучера Александра I Илью Байкова, какъ лицо, если не болѣе, то и не менѣе близкое къ государю, чѣмъ названные вельможи. Когда разжалованный вице-президентъ 13-го ноября 1822 г. покинулъ Петербургъ и отправился на житье въ уѣздный городокъ Симбирской губерніи—Сенгилей,—престарѣлая Анна Евдокимовна послѣдовала за мужемъ, чтобы дѣлать съ нимъ все тяжести ссылки³⁾. «На дорогѣ къ Москвѣ», рассказываетъ П. А. Безсоновъ въ біографіи Лабзина, «съ нимъ сдѣлался припадокъ [падучей болѣзни], а жена, при несчастномъ случаѣ, попортила ногу. М. Я. Мудровъ, нѣкогда обязанный ему помощію въ сту-

¹⁾ Число устанавливается изъ дневника Анны Евдокимовны, а годъ—изъ формулярнаго списка Лабзина, найденнаго нами въ архивѣ С.-Петербургскаго Почтамта (форм. списки 1795 г., связка 5), и изъ числа лѣтъ замужества А. Е., записаннаго ею въ дневникѣ подъ 15-мъ октября 1818 г.

²⁾ Изъ имѣющихся у насъ рѣчей, произнесенныхъ въ этой ложѣ разными лицами въ теченіе 1819 и 1820 г. видно, что ложа была основана 15-го января 1800 года.

³⁾ См. любопытные и трогательные стихи Лабзина „Къ женѣ моей“, написанные имъ въ Симбирскѣ 28-го ноября 1823 г.; они напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года и въ статьѣ Н. П. Лихачева о „Казанскомъ Вѣстникѣ“ въ журн. „Книговѣдніе“ 1894 г. (№ 6, прилож., стр. 67—72).

денчествъ¹⁾ и занятіяхъ за границей, кромѣ того—воспитаніемъ племянницы..., принявъ своего благодѣтеля въ Москвѣ»²⁾, не побоявшись того, что Александръ Федоровичъ былъ въ опалѣ, и испросилъ у московскихъ властей позволенія пріютить путешественниковъ у себя на три дня и даже иллюминировать по этому случаю свой Прѣсенскій домъ³⁾.

«Плохо было изгнанникамъ въ Сенгилеѣ», говоритъ М. А. Дмитриевъ: «въ этомъ городѣ не находили они самовужійшихъ потребностей жизни; но одинъ Симбирскій помѣщикъ, Петръ Петровичъ Тургеневъ, братъ Ивана Петровича⁴⁾, по старинной масонской связи, прислалъ имъ возъ домашнихъ припасовъ и другой—съ лѣкарственными травами, безъ которыхъ они были бы въ большомъ затрудненіи и по недостатку денегъ, и по неимѣнію никакихъ средствъ въ небольшомъ и бѣдномъ городѣ». Впрочемъ, въ половинѣ мая 1823 года Лабзину разрѣшено было переѣхать въ Симбирскъ, гдѣ онъ вскорѣ же снискалъ къ себѣ общее расположеніе и уваженіе. Здѣсь, на рукахъ своей жены и воспитанницы С. А. Мудровой⁵⁾, Лабзинъ и умеръ—26-го января 1825 года.

Похоронивъ мужа, Анна Евдокимовна пріѣхала на время въ Петербургъ⁶⁾, а затѣмъ, по приглашенію М. Я. Мудрова, поселилась у

¹⁾ См. объ этомъ „Словарь профессоровъ Московскаго Университета“, ч. II, М. 1855, стр. 120.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 836; по словамъ М. А. Дмитриева, Мудровъ „принявъ при посредствѣ Лабзина ученіе истиннаго благочестія, почиталъ его своимъ благодѣтелемъ“ (тамъ же, стр. 838).

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 838.

⁴⁾ Извѣстнаго масона, отца братьевъ Андрея, Александра, Николая и Сергѣя Тургеневыхъ, столь извѣстныхъ въ исторіи нашего обществен. развитія.

⁵⁾ Своихъ дѣтей Лабзины не имѣли; у нихъ было двѣ воспитанницы: 1) родная племянница Александра Федоровича—Екатерина Степановна Микулина (умерла 21-го декабря 1872 г. на 73 г., погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ), дочь его сестры Надежды Федоровны отъ брака ея съ инженеръ-генералъ-маіоромъ Степ. Данил. Микулинымъ (Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. VIII, М. 1901, стр. 422—423), въ началѣ 1819 г. вышедшая замужъ за Юрія Никитича Бартенева (род. 16-го февраля 1792 г., ум. 27-го ноября 1866 г., погребенъ съ женою) и 2) Софья Алексѣевна Мудрова, родная племянница извѣстнаго доктора М. Я. Мудрова (дочь брата его Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1801 году), раздѣлявшая со своими воспитателями ихъ ссылку. Она около 1830 г. вышла замужъ за Николая Петровича Лайкевича (тоже масона), проживала въ с. Глазовѣ, Можайскаго уѣзда, и въ Москвѣ и здравствовала еще въ 1866 году; см. статью нашу: „Изъ архива И. Е. Великопольскаго“, („Русск. Стар.“ 1901 г., № 7, стр. 178, а также „Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 845—846 и 1892 г., т. III, стр. 376.

⁶⁾ Архивъ Академіи Художествъ, дѣло 1825 г., № 60.

него въ семьѣ, въ Москвѣ¹⁾, вмѣстѣ со своей пріемной дочерью Софьей Алексѣевной, передавъ Матвѣю Яковлевичу, по завѣщанію мужа, всѣ его бумаги²⁾. Въ этой патриархальной семьѣ Анна Евдокимовна мирно доживала свои дни и скончалась 3-го октября 1828 года³⁾, до послѣдней минуты окруженная глубокимъ уваженіемъ всѣхъ ее знавшихъ.

Воспоминанія А. Е. Лабзиной, какъ значится на подлинной рукописи, написаны были въ 1810 году, когда мужъ ея былъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ и директоромъ Департамента министра морскихъ силъ и находился на верху своей извѣстности, какъ писатель и въ полной силѣ своего вліянія, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ, энергичнѣйшихъ и образованнѣйшихъ представителей нашего мистицизма. Судя по почерку, вездѣ ровному, спокойному и твердому, Анна Евдокимовна писала свои воспоминанія не торопясь, но въ теченіе небольшого промежутка времени, отдавшись единственно желанію вспомнить тяжелое прошлое и, откровенно рассказавъ о немъ, сравнить его съ счастливымъ настоящимъ. Потому-то, неся на себѣ отпечатокъ исповѣди, воспоминанія Лабзиной и дышутъ откровенностью, простотой и безыскусственностью, придающими имъ особую прелесть и цѣнность. Безхитростный рассказъ Анны Евдокимовны, мѣстами, правда, нѣсколько растянутый, но вездѣ одинаково чисто-сердечный, невольно привлекаетъ читателя и заставляетъ его сочувствовать ей и дѣлится съ ней ея богатую горестями и бѣдную радостями жизнь. Лабзина, повидимому, думала только о томъ, чтобы возможно полнѣе обрисовать свою внутреннюю жизнь, останавливаясь преимущественно на изложеніи своихъ и чужихъ разсужденій, разговоровъ по тому или иному случаю; потому-то воспоминанія ея такъ бѣдны фактами, совѣмъ лишены хронологическихъ датировокъ и почти не называютъ дѣйствующихъ лицъ; даже своихъ родныхъ и себя она

¹⁾ У Мудровыхъ она была уже въ сентябрѣ 1825 года (неизд. письмо Андрея Харит. Чеботарева къ С. Х. Мудровой). Пребываніемъ у Мудровыхъ и объясняется причина нахождения воспоминаній Анны Евдокимовны въ архивѣ И. Е. Великопольскаго, который былъ женатъ на дочери М. Я.—Софьѣ Матвѣевнѣ Мудровой (ум. въ 1897 г.).

²⁾ Большая часть ихъ погибла вмѣстѣ со многими бумагами архива И. Е. Великопольскаго.

³⁾ „Русск. Архивъ“ 1866 г., ст. 836; въ „Биографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета“, въ биографіи М. Я. Мудрова, написанной однимъ изъ его питомцевъ и друзей—П. Л. Страховымъ, сказано, что А. Е. Лабзина умерла въ октябрѣ 1827 года; мы принимаемъ болѣе позднюю и точную, а потому и болѣе вѣроподобную дату, сообщаемую П. А. Безсоновымъ.

не называется нигдѣ по фамиліи и запискамъ своимъ, въ первомъ ихъ наброскѣ, даетъ заглавіе «Описаніе жизни одной благородной женщины», а во второмъ—просто начинается: «Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить». Установить хронологію воспоминаній оказалось очень трудно, тѣмъ болѣе, что иногда память измѣняла пятидесятидвухлѣтнему ихъ автору, и историческая послѣдовательность событій оказывалась не всегда вѣрно въ нихъ сохраненной. Но, повторяемъ, воспоминанія Лабзиной цѣнны, главнымъ образомъ, съ бытовой точки зрѣнія, какъ памятникъ эпохи давно минувшей, какъ матеріалъ для исторіи русской культуры середины XVIII вѣка.

Портретъ А. Е. Лабзиной, прилагаемый при настоящемъ изданіи воспоминаній, воспроизводится съ рѣдчайшей гравюры, исполненной съ портрета, написаннаго А. Л. Витбергомъ¹⁾ въ 1810 году, то-есть, какъ разъ въ годъ составленія настоящихъ воспоминаній. Возможность воспроизвести его мы получили только благодаря любезности А. И. Кирпичникова, сообщившаго намъ, по просьбѣ Н. О. Дубровина, фотографическій снимокъ съ экземпляра гравюры, хранящагося въ коллекціяхъ Д. А. Ровинскаго въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеяхъ. Портретъ А. Е. Лабзина, писанный В. Л. Боровиковскимъ, хранится въ картинной галлерей Румянцевскаго Музея.

Б. Модзалевскій.

1810 года.

Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить.

Я осталась отъ отца²⁾ моего пяти лѣтъ, слѣдовательно, почти и не помню его. Имѣла я двухъ братьевъ³⁾ еще меньше меня: меньшого я страшно любила, а большого не такъ—по его жесткому характеру. Мать моя⁴⁾, оставшись отъ отца моего на тридцать второмъ году и

¹⁾ А. Л. Витбергъ, многимъ обязанный Лабзинимъ, и хранившій о нихъ благодарное воспоминаніе, написалъ портреты обоихъ супруговъ, которые одновременно и были награвированы П. И. Масловскимъ („Записки“ А. Л. Витберга въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., т. V, стр. 520).

²⁾ Евдокимъ Яковлевичъ Яковлевъ, родившійся въ 1692 г. и умершій въ 1764 году, въ чинѣ надворнаго совѣтника.

³⁾ Одинъ изъ нихъ, младшій—Александръ Евдокимовичъ, въ 1773 г. сопровождалъ Карамышевыхъ въ поѣздѣ въ Петрозаводскъ, а затѣмъ воспитывался въ I-мъ (тогда Шляхетномъ) корпусѣ и былъ затѣмъ офицеромъ.

⁴⁾ Она родилась въ 1732 г., ум. 21-го іюля 1772 г.

любя его страстно, была въ отчаяніи, потерявши его¹⁾. И сколько она роптала на Бога въ своей горести,—это она сама сказывала; и наконецъ до того отчаяніе ее довело, что ей стало мечтать (sic), и отецъ мой ей сталъ являться и сказалъ ей, чтобъ она ни подъ какимъ видомъ изъ деревни не выѣзжала и никого къ себѣ не пускала, даже и дѣтей, а иначе онъ къ ней ходить перестанетъ. Она все ему обѣщала и лежала въ комнатѣ съ закрытыми окошками и все разговаривала съ нимъ и была въ удовольствіи, забыла совѣмъ о насъ и не думала, есть ли у нея дѣти. И мы тогда были у тетки на рукахъ, которая за нами смотрѣла; и долго не примѣчали ужаснаго состоянія матери моей и считали, что она въ бреду. Наконецъ, стала примѣчать моя няня и подозрѣвать, что она никого къ себѣ не выпускаетъ и просить всѣхъ, чтобъ ее оставили одну: «а что мнѣ будетъ надо, то я позволю». Наконецъ она стала прислушиваться у дверей и услышала разговоръ, даже имя отца моего услышала, какъ мать моя его кликала и садилась подлѣ себя и говорила: «Ты меня никогда не оставишь? я для тебя все оставила, даже и дѣтей», но его отвѣта не было слышно. Узнавши, моя няня въ ужасѣ пришла къ теткѣ моей и рассказала. Она

¹⁾ Приводимъ первоначальную редакцію начала воспоминаній А. Е. Лабзиной, представляющую нѣкоторыя небезынтересныя подробности, опущенныя въ послѣдствіи.

1810 года.

Описаніе жизни одной благородной женщины.

Я родилась отъ честныхъ и благородныхъ родителей. Рожденіе мое принесло великую радость моимъ родителямъ: у нихъ хотя и были до меня дѣти, но живыхъ не было; я—первая, которая жизнью своею дѣлала удовольствіе; а сколько молитвъ приносили къ Богу, чтобъ Онъ оставилъ имъ меня на утѣшеніе! И я была для нихъ очень драгоценна; родители праздновали день моего рожденія не балами и обѣдами, а подаваніемъ нищимъ и помощію всѣмъ бѣднымъ и дѣлали по три дни обѣды для нищихъ. И самъ отецъ мой имъ служилъ, самъ ходилъ по тюрьмамъ и разносилъ имъ нужное, и которые содержались за долги, тѣхъ выкупалъ, взялъ двухъ сиротъ на воспитаніе. Вотъ чѣмъ ознаменовалъ почтенный мой родитель мое рожденіе! Послѣ меня еще было два брата, но родитель мой меня болѣе любилъ, говоря, что это первый даръ отъ Господа и „ея рожденіе мнѣ дало новую жизнь и новое чувство, и другія дѣти—дары Господа моего на старости лѣтъ моихъ, данные мнѣ, но дочь мнѣ любезнѣе, и я на нее призываю милосердіе Отца небеснаго, чтобъ Онъ устраивалъ ее благо и утверждалъ въ добродѣтеляхъ и далъ бы ей кроткое и смиренное сердце и любовь къ ближнимъ, а паче—къ бѣднымъ“.

Недолго я пользовалась счастіемъ и любовію родителя моего... Лишь только минуло мнѣ 5 лѣтъ—смерть похитила сего благодѣтельнаго отца и друга бѣдныхъ. Братъ мой остался одинъ 2-хъ лѣтъ, а другой—10-ти мѣсяцевъ. Мать моя потеряла съ нимъ все свое счастье и спокойствіе. Она оста-

не повѣрила ей, сама пошла и увѣрилась въ правдѣ. Не знали, что начать. Сколько ее ни уговаривали, чтобъ она позволила кому-нибудь съ собой быть, но не могли сдѣлать. Наконецъ, явно сама стала говорить и сказывать, что она не одна: «я съ мужемъ». Ей стали говорить, что этому быть нельзя,—мертвые не ходятъ, и симъ самымъ ее привели въ бѣшенство. Родныхъ не было никого, всѣ были въ отдаленности. И продолжалось сіе около трехъ лѣтъ; всѣ люди за нее молились; насъ заставляли, но мы не знали, за кого молить, потому что ее не видали. Она насъ возненавидѣла и имени нашего слышать не могла, только и говорила: «Они больше всѣхъ мнѣ мѣшаютъ». Наконецъ, къ счастью нашему и ея, возвратился изъ Петербурга дядя и тотчасъ пріѣхалъ въ деревню и увидѣвъ мать мою въ семъ страшномъ положеніи, сталъ ее звать, велѣлъ открыть окна и не хотѣлъ ее оставить. Она, видя все сіе, въ такое пришла бѣшенство и силу, что, бросаясь на дядю и браня его, хотѣла царапать и кусать, но дядя велѣлъ приготовить лошадей и людей, сказалъ ей, что онъ непременно ее увезетъ. И она пробовала его умолять, чтобъ онъ не разлучалъ ее съ супругомъ. Однако, дядя мой, взявши ее на руки, вынесъ и положилъ въ коляску,

ласъ отъ него 31-го года, а отецъ мой скончался на 73-мъ году, бывши боленъ только 8 дней. До сей болѣзни онъ не зналъ никакихъ болѣзней и вкусу въ лѣкарствахъ не зналъ, и мать моя тоже была крѣпкого и здороваго сложенія и болѣзни ея были только, когда она была беременна и родила. Жизнь ихъ была самая счастливая, и Богъ ихъ во всемъ благословлялъ. Любимы они были всѣми, имѣли друзей вѣрныхъ, родственниковъ добрыхъ, въ домѣ—видимое благословеніе было Божіе. Не было ни одного человека ни вора, ни пьяницы и не было распутныхъ женщинъ, и всѣ рабы любили своихъ господъ, какъ дѣти отца, и были вѣрны. И смерть такого добраго и благодѣтельнаго друга, отца и мужа, оставила горестъ неслыханную, какъ въ друзьяхъ его, а въ семействѣ—отчаяніе. При смерти своей, чувствуя ея приближеніе, позвалъ мою няню, которую сердечно любилъ, да она и стояла того. „Послушай, мой другъ: я близокъ къ концу и чувствую, что умираю. Съ женой моею говорить не могу, видя ее въ скорбномъ состояніи, но тебя прошу, какъ друга: скажи послѣ оставшейся моей женѣ и другу: воспитаніе моихъ дѣтей чтобъ было таково, чтобъ они познавали Бога и научались съ самаго младенчества любить Его всѣмъ сердцемъ; мать свою чтобъ любили и почитали и повинивались, къ старшимъ чтобъ имѣли почтеніе и уваженіе, не только кровнымъ, но и къ рабамъ добрымъ. Не допускайте ихъ, чтобъ они были въ худыхъ обществахъ, а показывайте имъ примѣры добрые и христіанскіе. Болѣе всего—пріучайте ихъ любить бѣдныхъ и несчастныхъ и заставляйте ихъ все съ ними дѣлить пополамъ. Бога ради къ роскоши не пріучайте ихъ и къ нѣжной нищѣ, а пріучайте къ суровой нищѣ и погодѣ и къ небогатому платью. Особливо прошу тебя, моего друга, о питомицѣ твоей, которая мнѣ столь была драгоценна и которая при самомъ ея рожденіи поручена тебѣ. Общай мнѣ при послѣднихъ минутахъ...“.

самъ сѣлъ на облучекъ, на другую сторону посадилъ людей. Она такъ кричала, что страшно было слышать. Привезъ ее въ городъ,—прямо къ себѣ въ домъ; тутъ шесть недѣль не отлучались отъ нея дядя и тетка и протопопъ; говорить съ ней было нельзя: она не слушала и не отвѣчала, то безпрестанно читала Евангеліе и между собой разговаривала. Четыре недѣли она ничего не говорила и глазами не смотрѣла, но вдругъ въ одну ночь вскочила и начала молится и просить протопопа, чтобъ онъ ее поскорѣй причастилъ, что и исполнили съ радостью. Послѣ сего она стала плакать и просить, чтобъ насъ привезли и дали бы видѣть. Это такъ обрадовало всѣхъ, ее окружающихъ, что тотчасъ послали за нами. Между тѣмъ, она рассказывала, что ей во снѣ приснился старичекъ и сталъ ей выговаривать, какое она страшное дѣлаетъ преступленіе противъ Бога, и какъ она могла думать, чтобъ мужъ ея къ ней ходилъ. «Ежели бы ты знала, съ какимъ ты духомъ бесѣдовала, то ты бы сама себя ужаснулась. Я тебѣ его покажу»,—и я увидѣла страшное чудовище. «Вотъ твой собесѣдникъ, для котораго ты забыла Бога и первый твой долгъ—дѣтей». И она упала ему въ ноги и закричала: «Помоги мнѣ, грѣшной, и неходатайствуй прощеніе моему преступленію. Я общаюсь съ сей минуты служить Господу моему, стану нищихъ, больныхъ, страждущихъ утѣшать и имъ помогать». Онъ отвѣчалъ: «Смотри же:—исполни, и тѣмъ заглуши свое преступленіе. Сейчасъ проси добраго пастыря, чтобъ онъ тебя пріобщилъ святыхъ тайнъ. Помнишь ли ты, сколько времени ты себя лишила сего драгоценнаго дара? Знай, что еще были такія добрыя дѣла твоя, которыя вспомнялись предъ престоломъ Отца небеснаго, и молитвы ближнихъ твоихъ и невинныхъ, оставленныхъ сиротъ твоихъ взшли къ престолу Его, и ты еще возвращаешься для покаянія и для услугъ несчастныхъ». И наконецъ она увидѣла въ семь старца своего отца, закричала и проснулась. Насъ привезли, и мы тутъ увидѣли нѣжную мать, которая насъ слезами обливала и подвела насъ къ дядѣ и сказала: «Вотъ вашъ отецъ и благодѣтель: онъ вамъ мать возвращаетъ, и вы теперь не сироты. И такъ переѣхала она въ свой домъ и не нашла въ немъ никакого безпорядка, потому что люди тѣ, на которыхъ возложена была какая должность, точно исполняли такъ же, какъ бы и при ней. Въ деревнѣ своей, по доброму и усердному смотрѣнію приказчика, мать моя нашла столько всякаго запасу, скота и птицъ, чего никакъ не ожидала. И такъ, распорядя дѣла свои въ городѣ, поѣхала съ нами въ деревню, и тутъ началось наше воспитаніе. Мнѣ ужъ было семь лѣтъ и грамотѣ уже была выучена, и сама мать моя учила писать, и начала образо(вы)вать сердце мое, сколько словами, а вдвое примѣрами. Она посвятила себя для содѣланія счастливыми своихъ крестьянъ, которые ее боготворили. У насъ въ деревнѣ когда бывали

больные, то мать моя, не требуя лѣкарской помощи, всё болѣзни лѣчила сама, и Богъ ей помогалъ. У отчаянныхъ больныхъ просиживала по цѣлымъ днямъ, гдѣ и я съ ней бывала и служила по ея приказанію больнымъ, сколько могла по лѣтамъ моимъ; на ночь отправляла мою няню, которая съ охотою дѣлала все то, что ей приказывали. У умирающихъ всегда бывала, и я съ ней, и все это время страданія умирающаго она, стоя на колѣняхъ передъ распятіемъ, съ рыданіемъ молилась, и ежели умирающій въ памяти, то подкрѣпляла его и утѣшала надеждой на Спасителя нашего,—и такъ больной дѣлался покоенъ, что не съ такимъ ужасомъ ожидалъ конца своего. Часто въ такихъ случаяхъ заставляла меня читать о страданіяхъ Христа Спасителя, что больныхъ чрезвычайно услаждало. И куда она приходила—вездѣ приносила съ собой миръ и благословеніе Божіе. И какъ сосѣди узнали, что мать моя лѣчитъ, то приваживали къ ней больныхъ, и она никакъ не отказывала и съ радостію принимала всѣхъ къ себѣ, и очень рѣдко случалось, чтобъ умирали. Между тѣмъ, меня учила разнымъ рукодѣліямъ и тѣло мое укрѣпляла суровой пищей и держала на воздухѣ, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногахъ, кромѣ нижнихъ чулокъ и башмаковъ, ничего не имѣла; въ самые жестокіе морозы посылавала гулять пѣшкомъ, а тепло мнѣ все было въ байковомъ капотѣ. Ежели отъ снѣгу промокнуть ноги, то не приказывала снимать и перемѣнять чулки: на ногахъ и высохнуть. Лѣтомъ будили меня тогда, когда чуть начинается показываться солнце и водили купать на рѣку. Пришедши домой, давали мнѣ завтракъ, состоящій изъ горячаго молока и чернаго хлѣба; чаю мы не знали. Послѣ этого я должна была читать Священное Писаніе, а потомъ приниматься за работу. Послѣ купанья тотчасъ начиналась молитва, оборотясь къ востоку и ставши на колѣни; и няня со мной,—и прочитаю утреннія молитвы; и какъ сладостно было тогда молиться съ невиннымъ сердцемъ! И я тогда больше Создателя моего любила, хоть и меньше знала просвѣщенія; но мнѣ всегда было твержено, что Богъ вездѣ присутствуетъ, и Онъ видитъ, и знаетъ, и слышитъ, и никакое тайное дѣло сдѣланное не останется, чтобъ не было обнаружено; то я очень боялась сдѣлать что-либо дурное. Да и присмотръ моей благодѣтельной и доброй няни много меня удерживалъ отъ шалостей. Мать моя давала намъ довольно времени для игры лѣтомъ и приучала насъ къ бѣганью; и я въ десять лѣтъ была такъ сильна и проворна, что нонче и въ пятнадцать лѣтъ не вижу, чтобъ была такая крѣпость и въ мальчикѣ. Только рѣзвость моя много огорчала мою почтенную мать. У меня любимое занятіе было бѣганье и лазить по деревьямъ, и какъ бы высоко дерево ни было,—то непремѣнно влѣзу. А какъ меня за это наказывали, то я уходила тихонько въ лѣсъ и тамъ дѣлала свое удовольствіе; и братьевъ съ собой уведу

и ихъ учу также лазить; и учительницѣ много за это доставалось! Пища моя была; щи, каша и иногда кусокъ соловины, а лѣтомъ—зелень и молочное. Въ постъ, особливо въ Великій, и рыбы не было. И самая грубая была для насъ пища; а вмѣсто чаю поутру—горячее сусло, или сбитень. Говаривали многіе моей матери, для чего она меня такъ грубо воспитываетъ, то она всегда отвѣчала: «Я не знаю, въ какомъ она положеніи будетъ; можетъ быть и въ бѣдномъ, или выйдетъ замужъ за такого, съ которымъ должна будетъ по дорогамъ ѣздить: то не наскучить мужу и не будетъ знать, что такое прихоть, а всѣмъ будетъ довольнона и все вытерпѣть: и холодъ, и грязь, и простуды не будетъ знать. А ежели будетъ богата, то легко привыкнетъ къ хорошему». Она какъ будто предвидѣла мою участь, что мнѣ надо будетъ все это испытать! Важивали меня верстѣ по двадцати въ крестьянской телѣгѣ, заставляли и верхомъ ѣздить, и на поле пѣшкомъ ходить—тоже верстѣ десять. И пришедши, гдѣ жнуть,—захочется ѣсть: то прикажетъ дать чернаго хлѣба и воды, и я съ такимъ вкусомъ ѣмъ, какъ будто за хорошимъ столомъ. Она и сама мнѣ покажетъ примѣръ, со мной кушаетъ и назадъ пойдетъ пѣшкомъ.

Бывали у насъ въ деревнѣ праздники для крестьянъ: столы посреди двора, и она сама ихъ потчивала и насъ заставляла имъ поднести пиво и вино; и когда пойдутъ по домамъ, то я ихъ провожаю за ворота и желаю имъ доброй ночи, а они меня благословляютъ. Часто очень сама мать моя ходила со мной на купанье и смотрѣла съ благоговѣніемъ на восходъ солнца и изображала мнѣ величество Божіе, сколько можно было по тогдашнимъ моимъ понятіямъ. Даже учила меня плавать въ глубинѣ рѣки и не хотѣла, чтобъ я чего-нибудь боялась,—и я одиннадцати лѣтъ могла переплывать большую и глубокую рѣку безо всякой помощи; плавала по озерамъ въ лодкѣ и сама весломъ управляла; въ саду работала и гряды сама дѣлывала, полола, садила, поливала. И мать моя со мной раздѣляла труды мои, облегчала тягости тѣ, которыя были не по силамъ моимъ; она ничего того меня не заставляла дѣлать, чего сама не дѣлала.

Зимой мы ѣзжали въ городъ. Тамъ была другая наука: всякую недѣлю ѣзжала или хаживала въ тюрьмы, и я съ ней относилась деньги, рубашки, чулки, колпаки, халаты,—нашими руками съ ней сработанные. Ежели находила больныхъ, то лѣчила, принашивала чай, сама ихъ поила, а болѣе меня заставляла. Раны мы съ ней вмѣстѣ промывали и обвязывали пластырями. И какъ скоро мы показывались въ тюрьму, то всѣ кричали и протягивали руки къ намъ, а особливо больные. Пища въ тюрьмы всякій день отъ насъ шла, а больнымъ—особо легкая пища. Всякую недѣлю нищихъ кормили дома, и она сама съ нами имъ служила у стола; и какъ расходятся, то одѣляла всѣхъ деньгами, рубаш-

ками, чулками, башмаками, или—лучше сказать—кто въ чёмъ нужду имѣлъ. И ни одинъ бѣдный не остался безъ ея помощи. У насъ былъ человѣкъ, на котораго возложена была должность отыскивать бѣдныхъ и страждущихъ, который вѣрно исполнялъ свою должность. Мать моя часто бывала больна, то въ это время бѣдныхъ и тюрьмы посѣщала я съ нянькой и отправляла должность ея и въ лѣченіи по предписанію ея. Когда умирали въ тюрьмахъ, то наши люди посланы были тѣло обмывать, и похороны были отъ насъ. Къ труднымъ больнымъ въ тюрьму ѣздила съ тѣмъ пастыремъ, который ее спасъ; и дѣлали долгъ христіанскій. Она часто съ пастыремъ просиживала въ тюрьмѣ до глубокой ночи,—и читали, и разговаривали съ больными; и часто случалось, что несчастные исповѣдывали при всѣхъ грѣхи свои и успокоивали совѣсть свою. Тогда-то у ней радость сіяла на лицѣ ея, и она меня обнимала и говорила: «Ежели ты будешь въ состояніи дѣлать добро для бѣдныхъ и несчастныхъ, то ты исполнишь законъ Христовъ, и миръ въ сердцѣ твоёмъ обитать будетъ, и Божіе благословеніе сойдетъ на главу твою, и умножится богатство твое, и ты будешь счастлива. А ежели ты будешь въ бѣдности, что и нечего тебѣ дать будетъ, то и отказывай съ любовью, чтобъ и отказъ твой не огорчилъ несчастнаго; и за отказъ будетъ тебя благословлять; но и въ бѣдности твоей ты можешь дѣлать добро,—посѣщать больныхъ, утѣшать страждущихъ и огорченныхъ; и помни всегда, что они есть ближніе твои и братья, и ты за нихъ будешь награждена отъ Царя небеснаго. Помни и не забывай, мой другъ, наставленія матери твоей».

Случается тамъ часто, что на канатѣ приведутъ несчастныхъ, въ желѣзахъ на рукахъ и на ногахъ,—то матери моей всегда дадутъ звать изъ тюрьмы, что пришли несчастные, и она тотчасъ идетъ, насъ съ собой [беретъ], несетъ для нихъ все нужное и обшиваетъ холстомъ желѣза, которыя имъ перетираютъ ноги и руки до костей. А ежели увидитъ, что очень въ дурномъ положеніи несчастные и слабы, то проситъ начальниковъ на поруки къ себѣ и залѣчиваетъ раны. Начальники никогда ей не отказывали, потому что всѣ ее любили и почитали. И сколько бѣдныхъ домовъ у ней было на содержаніи, сколько бѣдныхъ сиротъ выдавала замужъ! Словомъ сказать—она всю свою жизнь посвятила на дѣла христіанскія. Братъ ея отдала въ ученіе къ одному своему искреннему пріятелю; но большого брата упрямый и дравъ ее очень огорчалъ и она его жестоко наказывала. И онъ былъ девяти лѣтъ, какъ пріѣхалъ въ городъ одинъ нашъ благодѣтель, генераль Ирманъ¹⁾, который ѣхалъ главнымъ начальникомъ въ Барнауль. Онъ,

¹⁾ Андрей Абрамовичъ Ирманъ, состоявшій въ военной службѣ съ 1742 г., участвовалъ, въ чинѣ подполковника Вологодскаго пѣхотнаго полка, въ Семилѣтней войнѣ; 19-го марта 1764 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Горо-
 благодатскихъ и Камскихъ заводовъ, съ производствомъ въ генераль-майору, а съ 13-го января 1769 г. до 7-го марта 1779 г. состоялъ начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, будучи 21-го апрѣля 1773 г. произведенъ въ генераль-поручики. О немъ см. статью С. Н. Кулибина въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, С.-Пб. 1897, стр. 137.

любя мою мать много, уговорилъ ее отдать ему брата моего, и она тотчасъ согласилась и ввѣрила ему, какъ другу, и не ошиблась: ему они замѣняли отца и мать и любили какъ сына и сдѣлали его человѣкомъ; но и дравъ его все оставался жестокъ, хотя и меньше противъ прежняго. А меньшой былъ самаго кроткаго и тихаго и дравъ и былъ всѣми любимъ, особливо мною. Мнѣ казалось, что у меня съ нимъ одна душа и одно сердце. Когда онъ былъ чѣмъ недоволенъ или урокъ свой не выучить и тѣмъ огорчить мать мою и учителя, то я такое мученіе чувствовала въ сердцѣ моемъ, что и сама за себя, кажется, столько не страдала. Вся моя радость была въ его радости, и онъ мнѣ тѣмъ же платилъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и узнавалъ, чего я хотѣла. Я же о себѣ скажу, что мсей собственной воли ни мало не было: даже желанія мои были только тѣ, которыя угодны были моей милой и почтенной матери. Я не помню, чтобъ я когда не исполнила ея приказанія съ радостью. За то я была ею любима, хотя она и не показывала часто большихъ ласкъ; но ужъ за то сколько я цѣнила ея ласки, когда она меня ласкала за сдѣланное какое-нибудь доброе дѣло: у меня отъ радости слезы текли, и я цѣловала руки моей матери и обнимала колѣни ея; а она благословляла и говорила: «Будь, мое дитя, всегда такова».

Я не меньше и почтенную мою няню любила, такъ какъ я съ ней чаще бывала: потому, что управленіе деревней зависѣло отъ одной моей матери, то и занятія ея требовали много времени и отнимали часто ее у меня; но ее замѣняла нянька. Своими добрыми примѣрами и неусыпнымъ смотрѣніемъ не только что замѣчала мои дневныя дѣйствія, даже и сонъ мой, какъ я сплю; и на другой день спрашивала меня: «Почему вы сегодня спали безпокойно? Видно, вчера душа ваша не въ порядкѣ была, или вы не исполнили изъ должностей вашихъ чего-нибудь? Подумайте, моя милая, и скажите мнѣ; то вмѣстѣ помолимся и попросимъ Отца Небеснаго, чтобъ Онъ спасъ ото всего того, что бы могло васъ довести къ пагубѣ! И я тотчасъ ей со слезами во всемъ признавалась и просила ее скорѣй за меня вмѣстѣ со мною молиться и просить Создателя нашего о прощеніи меня. По окончаніи молитвы я обнимала ее и говорила, что мнѣ очень теперь весело и легко, а она мнѣ давала наставленія остерегаться отъ всего того,

лѣтней войнѣ; 19-го марта 1764 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Горо-
 благодатскихъ и Камскихъ заводовъ, съ производствомъ въ генераль-майору, а съ 13-го января 1769 г. до 7-го марта 1779 г. состоялъ начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, будучи 21-го апрѣля 1773 г. произведенъ въ генераль-поручики. О немъ см. статью С. Н. Кулибина въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, С.-Пб. 1897, стр. 137.

что можетъ совѣсть мою тягчить, и показывала многіе примѣры несчастные, которые много на меня дѣйствовали. И она умѣла изъ меня сдѣлать то, что не было ни одной мысли, которая бѣ не была ей открыта. На многое она давала мнѣ рѣшенія, а съ нѣкоторыми мыслями отсылала, чтобъ я сказала матери моей; и для меня не было тяжело и сіе сдѣлать. Сія неоцѣненная моя благодѣтельница и своихъ имѣла дѣтей, но она не оставляла возложеннаго на нее долга воспитывать меня. У дѣтей ея были даны женщины, которыя смотрѣли за ними, и сама моя мать за ними присматривала и держала ихъ возлѣ своей комнаты.

Хаживала я съ ней въ роцѣ съ работой, и она у меня часто спрашивала: «Удивляетесь ли премудрости Божіей и съ почтеніемъ ли смотрите на все Его твореніе? Видите, какъ Онъ любитъ человѣка, что все сіе сотворено для него: и въ пищу, и для удовольствія. Да и самъ человѣкъ сотворенъ по образу Его и по подобію; то можно ли же намъ жить такъ, чтобъ не стараться во всемъ Ему быть подобными? И можно ли Его не любить болѣе всего и не благодарить за всѣ тѣ милости, которыя Онъ намъ оказываетъ? А особливо тебѣ надо благодарить за Его неизреченныя къ тебѣ милости, что Онъ тебѣ далъ такую мать, которая тебя любитъ и добрыми примѣрами и наставленіями хочетъ сдѣлать тебя счастливой. Только повинуйся ей и исполняй ея волю, а я—ея помощница въ твоёмъ воспитаніи и хочу тебѣ всякаго добра. И сколько силъ моихъ есть — съ помощію Божіею, даю тебѣ наставленія, сколько разумѣю. И слава Богу, что ты меня слушаешь и любишь: а это одна моя награда, которую я отъ васъ ожидаю. Нѣтъ блага для меня болѣе, какъ видѣть васъ подобною вашей матушкѣ. Ты не помнишь родителя своего; и онъ былъ рѣдкій въ добродѣтеляхъ и, умирая, говорилъ: «Воспитаніе моихъ дѣтей чтобъ было то, чтобъ они познавали Бога и научались съ самаго младенчества любить Его всѣмъ сердцемъ, мать свою чтобъ любили и почитали; къ старшимъ чтобъ они имѣли почтеніе и уваженіе, не только къ равнымъ,—я къ рабамъ добрымъ. Приучайте ихъ любить бѣдныхъ и несчастныхъ; къ роскоши ихъ не приучайте, а болѣе—къ нуждѣ», и, повернувшись ко мнѣ, сказалъ: «Другъ мой, Константиновна, обѣщай мнѣ при концѣ жизни моей, что ты будешь все это выполнять и дай мнѣ спокойно умереть; дочь моя ввѣрена тебѣ съ самаго ея рожденія, то, конечно, ты ея не оставишь и заплатишь намъ за любовь нашу къ тебѣ». Я упала къ нему на колѣни и цѣловала руки его, ужъ половину охладѣвшія, и поклялась, что все сіе исполню. А матери вашей тутъ не было; она ужъ лежала въ другой комнатѣ. Онъ силился привстать, чтобъ меня обнять, и сказалъ: «Благодарю тебя, мой другъ, что ты успокоила послѣднія мои минуты. Еще тебя прошу о дочери моей; ей предстоятъ

великія трудности въ жизни ея: молись за нее. Жену побереги; я въ васъ во всѣхъ увѣренъ, что вы успокоите ее. Теперь выйдите и дайте мнѣ успокоиться; принесите дѣтей, чтобъ я ихъ благословилъ». Я пошла и, погода немного, привела васъ; и онъ благословилъ и, испрашивая отъ Отца небеснаго на васъ благословенія, сказалъ: «Господи мой! Ежели они будутъ жить въ добродѣтеляхъ, то не оставь ихъ своею помощію. Но ежели не будутъ хороши,—то возьми ихъ въ то время, когда они еще невинны». И, окончивши сіе, сказалъ: «Я все исполнилъ; теперь самому надо приготовиться въ путь: оставьте меня». И такъ мы съ рыданіемъ вышли. И онъ послѣ этого жилъ сутки и ужъ больше ни о чемъ не думалъ, какъ о приготовленіи себя; и до послѣдней минуты жизни своей былъ въ совершенной памяти; и на лицѣ его было спокойствіе: ни страха, ни ужаса не было въ немъ видно. И послѣднее его слово было: «Повергаюсь въ Твое неизреченное милосердіе, Спаситель мой! прими духъ мой и помилуй меня; и поддержи оставшихся моихъ и дай имъ силы, по потерѣ моей, чтобъ они не скорбѣли и не прогнѣвляли Тебя!»—перекрестился и что-то еще говорилъ, но такъ тихо, что мы не слышали, — и скончался¹⁾. Потеря сія для насъ для всѣхъ была велика: онъ былъ намъ отецъ и другъ, и съ нимъ, казалось, умерли всѣ наши надежды и радости».

Кончивши сіе, она горько заплакала и прижала меня къ себѣ и сказала: «Будь, мое дитя, такъ добродѣтельна, какъ родители твои, и поддержи труды мои, чтобъ я могла тебя представить и сама съ тобой предстать предъ Отца небеснаго безъ трепета и съ радостію сказать: «Вотъ мнѣ ввѣренный залогъ родителями ея».—Когда она учила меня вышивать, то говорила: «Учись, матушка, можетъ быть, труды твои будутъ въ жизни твоей нужны. Ежели угодно будетъ Богу тебя испытать бѣдностью, то ты, зная разныя рукодѣлія, не будешь терпѣть нужды и будешь доставать хлѣбъ честнымъ образомъ и еще будешь веселиться. Ежели сердце твое будетъ невинно и совѣсть будетъ ничѣмъ не отягчена, то и труды будутъ казаться легки, и за все будешь благодарить Господа твоего».

И такъ протекала моя счастливая жизнь до тринадцати лѣтъ, и я всѣми родными была чрезвычайно любима. Я въ тринадцать лѣтъ была,—и никто не вѣрилъ, а всѣ говорили, что мнѣ ужъ шестнадцать лѣтъ.

Мать моя жила чрезвычайно спокойно. Одно-было ее потревожило: татары противъ ея возстали и хотѣли землю отнять, будто ей не принадлежущую. Жилъ возлѣ насъ въ пяти верстахъ одинъ помѣщикъ

¹⁾ 1764 г.

Клеопинъ⁴⁾, который, прѣхавши, сказалъ матери моей, чтобъ она поспѣшила въ городъ уѣхать. Она сказала: «Что мнѣ отъ Бога определено, отъ того не уйду никуда; имѣніе мое и земля по всеѣмъ правиламъ мнѣ принадлежатъ и дѣтямъ, и меня не обидятъ и татары, когда Богъ—мой защитникъ: я давно ему предалась». И такъ, онъ не могъ ее уговорить ѣхать, и она осталась въ деревнѣ. Между тѣмъ, стала приготовляться къ принятію гостей, хотя и неприятныхъ: велѣла варить пива какъ можно больше; вино у насъ было свое, наливки разныхъ родовъ. И такъ, недѣли черезъ двѣ, точно, прѣехали банкирцевъ человекъ двѣсти, всеѣ верхами, и старшина ихъ съ пятьюдесятью человеками вѣхали прямо на дворъ. Мать моя призвала въ помощь Бога, взяла насъ за руки и вышла ихъ встрѣтить на крыльцо; привѣтствовала ихъ какъ невозможно ласково. Это было лѣтомъ, то они въ комнаты идти не хотѣли; то мать моя усадила всеѣхъ на ковры на дворѣ и приказала выкатить бочки съ пивомъ, виномъ и наливками и приказала готовить обѣдъ. Между тѣмъ, стала съ старшиною говорить, за что они ее, вдову, хотятъ обидѣть съ малыми дѣтьми. «У меня нѣтъ другого защитника, кромѣ Бога, котораго и вы знаете; Онъ одинъ нашъ отецъ, Онъ какъ меня сотворилъ, такъ и васъ, то не страшитесь ли вы Его правосудія? Куда жъ вы меня сгоните съ земли? Я у васъ же буду жить и посвящу вамъ же себя на услуги. Есть и между вами любящіе Бога, и я вездѣ буду спокойно жить. Меня не могутъ устрашить человекѣ, мнѣ равные, я всеѣхъ считаю ближними моими». И взяла насъ за руки и сказала: «Судьба сихъ спреть у васъ въ рукахъ: хотите ихъ сдѣлать несчастными или счастливыми?» Они начали между собой говорить, чего мать моя не разумѣла. Между тѣмъ, обѣдъ приготовили: мать моя начала сама ихъ потчивать и сказала: «Я васъ потчиваю, какъ друзей моихъ и ближнихъ сосѣдей; покушайте хлѣба-соли вдовы, которая всегда готова быть вамъ другомъ». И при концѣ обѣда старшина и со всеѣми подчиненными встали и подошли къ матери моей и со слезами сказали: «Будь спокойна, наша добрая сосѣдка и другъ: мы теперь не враги твои, а защитники; вся наша волость къ твоимъ услугамъ, требуй отъ насъ за причиненный тебѣ страхъ и безпокойство, что хочешь». Мать моя подошла къ старшинѣ, обняла его, заплакала и сказала: «Мнѣ ничего не надо, кромѣ дружбы вашей и вашихъ доб-

⁴⁾ Съ какимъ-то коллежскимъ совѣтникомъ Клеопиннымъ, находившимся въ 1760 году при Нерчинскихъ заводахъ, у Е. Я. Яковлева были недоразумѣнія передъ выходомъ его въ отставку (Арх. Мин. Юст., Дѣла Герольдмейстерской Конторы, кн. № 494, л. 302). Не былъ ли это оберъ-бергмейстеръ Григорій Никифоровичъ Клеопинъ (род. въ 1720 г., ум. послѣ 1790 г.), женатый на Натальѣ Александровнѣ Мордвиновой и въ 1774 г. находившійся уже въ отставкѣ?

рыхъ сердецъ». Они все въ голосъ закричали и открыли свои груди: «Вотъ они здѣсь!» И такъ, пировавши цѣлый день, уѣхали ужъ ночью. И съ тѣхъ поръ мать моя жила съ ними въ добромъ согласіи, и они со своей стороны дѣлали всевозможныя ей ласки. Всякій праздникъ прѣзжали къ ней въ гости, привозили къ ней гостинцы и ее къ себѣ звали, особливо на свадьбы. И мать моя никогда не отказывала имъ.

Еще въ то же лѣто былъ случай. Приходить вечеромъ приказчикъ и сказываетъ, что пришелъ въ деревню какой-то человекъ и просится ночевать, и что-то ему онъ показался подозрителенъ. А въ самое это время кругомъ насъ ходили славные два атамана съ партіями и грабили деревни и сжигали. Последнюю выжгли деревню отъ насъ въ двѣнадцать верстахъ. Но мать моя ничего не страшилась и была очень спокойна. По рапортѣ приказчика, она приказала мужика позвать къ себѣ, и онъ пришелъ. Мать моя спросила: «Откуда ты, мой другъ, и куда идешь?» Онъ отвѣтилъ, что «въ городъ съ Демидова завода, а теперь-де идти поздно, то я прошу позволить у васъ ночевать». Мать моя сказала: «Ночуй, мой другъ, у меня: избы крестьянскія всеѣ пусты, хозяева на работѣ, то прохожаго человека не накормятъ такъ, какъ должно». Призвавши мою няню, сказала: «Вотъ тебѣ, Константиновна, гость; накорми его и напои, чѣмъ Богъ послалъ, и постель ему дай; да пьешь ли ты водку, мой другъ?» И онъ сказалъ: «Пью». И мать моя встала и поднесла ему водки. И такъ онъ отправился съ няней въ ея комнату. Накормили его и постель постлали, и няня ему предложила ложиться спать. Онъ сказалъ: «Я на часъ схожу и скоро приду». Какъ онъ ушелъ, няня пришла и говоритъ: «Матушка, полно, добрый ли человекъ, котораго пустили ночевать? Онъ куда-то ушелъ». Мать моя сказала: «Мнѣ и самой онъ подозрителенъ, да что жъ дѣлать? Ежели бы я его не пустила, то могло бъ быть хуже. Молись, мой другъ: Онъ насъ защититъ; когда Онъ спасъ отъ двухсотъ человекъ, то отъ одного вѣрно спасетъ». Между тѣмъ, гость нашъ пришелъ и легъ спать; а мать моя по началу мало очень спала, однако легла, чтобъ намъ не дать знать о своемъ подозрѣніи. Поутру рано приходитъ мужикъ благодарить за хлѣбъ—за соль и за покой и просить, чтобъ при случаѣ его не оставить. Мать моя отвѣчала: «Да управитъ Господь путь твой, я никогда не отрекусь служить, чѣмъ могу». И такъ онъ отправился. И на дорогу ему дали, что ему было нужно.

Зимой мы прѣехали въ городъ и слышали, что атаманы оба пойманы, и, такъ какъ мать моя хаживала въ тюрьмы, то, по прѣздѣ изъ деревни, тотчасъ пошла навѣстить друзей своихъ—такъ она ихъ называла—и за нами понесли нужное для несчастныхъ. Входимъ въ тюрьму и видимъ человека, который кланяется и благодаритъ за хлѣбъ—за соль: мать моя узнаетъ въ немъ того, ко-

торый у насъ ночевалъ, и съ удивленіемъ спрашиваетъ, какимъ манеромъ онъ сюда попалъ. Онъ отвѣчаетъ: «По дѣламъ моимъ: я атаманъ; а что я къ тебѣ зашелъ, то я тебя спасалъ,—боялся, чтобъ другая партія къ тебѣ не пришла, и чтобъ ты не была разорена: безъ тебя не будетъ утѣшителя несчастнымъ, и я выходилъ въ то время на дорогу, которою я зналъ, что партія другого товарища будетъ проходить,—и не ошибся. Я ихъ отправилъ въ другое мѣсто, чтобъ тебя только сохранить. Да и впередъ не бойся, добрая питательница бѣдныхъ: пока жива,—тебя будутъ и самые разбойники и злодѣи щадить и хранить». Мать моя, пришедши домой, принесла Богу благодареніе за Его къ ней милосердіе и сказала мнѣ: «Не забывай, мой другъ, сего случая никогда и знай, что сдѣланное добро наградится не только что въ будущей жизни, но еще и въ здѣшней. Будь, моя дочь, добродѣтельна и люби дѣлать добро; избѣгай всѣхъ пороковъ, береги свое сердце отъ непопозволенной любви. А когда тебя Богъ благословитъ супружествомъ, то чти своего супруга, какъ главу, повинуйся ему, люби его всѣмъ сердцемъ, хотя бѣ онъ и дурень былъ противъ тебя. И знай, что онъ тебѣ данъ будетъ отъ Господа: добрый—для содѣланія тебя счастливой, а дурной—для испытанія терпѣнія твоего. Ежели ты все снесешь съ кротостью, то ты покоряться будешь волѣ Божіей, а не человѣческой; и не осмѣливайся никогда дѣлать упреки мужу твоему: изъ этого можетъ выйти раздоръ между вами. На всякаго злодѣя кротость можетъ подѣйствовать больше, нежели строптивость».

И мать моя начала чувствовать разныя болѣзни и частыя припадки, такъ что видимо приближалась ко гробу. И наконецъ ужъ и ходить съ нуждою могла, что меня чрезвычайно страшило,—и потеря сія для меня была ужасна. Въ самое это время пріѣзжаетъ Александръ Матвѣвичъ¹⁾, и такъ какъ онъ воспитанъ былъ у моего отца, то за долгъ счелъ къ первой моей матери пріѣхать въ первый день своего пріѣзда. И мать моя очень была ему рада, увидя его черезъ шестнадцать лѣтъ. И онъ просилъ познакомить его и съ нами, и я съ маленькимъ братомъ была позвана и представлены были. И я, увидя его, очень обрадовалась и такъ, что ноги подо мной дрожали. И я очень была довольна, что мнѣ позволено было идти къ себѣ въ комнату. Онъ, посидя немного, ушелъ, испрося позволенія бывать чаще. Его же почтенная мать была совершенный другъ моей матери, и ей всегда хотѣлось меня имѣть за сыномъ. Онъ, пришедши домой, сказалъ своей матери, что онъ бы былъ счастливъ, ежели бы меня за него отдали. Она, услышавъ сіе, чрезвычайно обрадовалась и сказала, что она ничего такъ не хочетъ, какъ имѣть меня дочерью. Между тѣмъ, онъ далъ препорученіе

¹⁾ Карамышевъ, будущій мужъ Анны Евдокимовны.

своей племянницѣ-дѣвушкѣ, чтобъ она меня спросила, съ удовольствіемъ ли я бы пошла за него и не противенъ ли онъ мнѣ. Она пріѣхала къ намъ на третій день его пріѣзда и, выбравши время, когда мы остались однѣ, мнѣ начала объ этомъ говорить и его хвалить. Я ей отвѣчала, что удивляюсь, какъ она взялась за сіе посольство, бывши сама дѣвушка молодая. «И какъ вы могли думать, чтобъ я вамъ отвѣчала безъ вѣдома матери, безъ которой я ничего въ мірѣ не предприму. А ежели бы у меня и отнялъ Господь ее, то у меня еще останется другъ—моя няня, то я и безъ нея бы не могла ничего сдѣлать. Или вы хотѣли воспользоваться моею молодостью, и неопытностью? То вы знайте, что мнѣ даны правила, какъ мнѣ поступать, и я отъ нихъ никогда не отступлю. А что вы его достоинства превозносите,—я не знаю, можно ли человѣка узнать въ три дни. Стало, вамъ только такъ угодно говорить и меня такъ, какъ ребенка, обманывать. Впрочемъ, скажу вамъ, что еще и лѣта мои таковы, что объ этомъ мнѣ и думать нельзя. А болѣе всего, что мать моя лежитъ больна,—и это скорбь сердца моего. И въ совершенныя лѣта не позволила бы думать о замужествѣ. И такъ, прошу васъ покорно мнѣ ничего не говорить, а теперешній нашъ разговоръ будетъ извѣстенъ моей нянѣ: матери моей потому не скажу, что это ее потревожитъ и увеличитъ болѣзнь ея». Наконецъ, она меня стала упрашивать, чтобъ я никому не говорила, но я твердо ей сказала, что не привыкла ничего тайтъ отъ тѣхъ, которые меня воспитали. И такъ она уѣхала отъ меня. Я, послѣ ея, сказала весь разговоръ моей нянѣ, которая, меня обнявши, сказала: «Будь всегда, моя милая, такъ искренна и не скрывай въ сердцѣ твоёмъ ничего. А когда она къ тебѣ опять пріѣдетъ, то старайся не быть съ ней наединѣ, чтобъ она не имѣла случая тебѣ говорить какихъ-нибудь вздоръ. Вы теперь видите причину, для чего вамъ было запрещено выбирать знакомство по своему вкусу, и для чего васъ рѣдко матушка вывозила въ гости и жила съ вами въ деревнѣ: чтобъ усовершенствовать ваше сердце и предохранить отъ всего неприятнаго. Научайтесь и будьте осторожны въ выборѣ друзей вашихъ и тогда, когда вы замужемъ будете. Никогда не думайте, чтобъ женщина была ужъ избавлена тѣхъ правилъ, которыя она имѣла въ дѣвушкахъ: они во всякое время хороши и отъ многого сохранять». Я, послѣ этого, обнявши мою няню, пошла къ матери и сѣла возлѣ ея кровати и, смотря на нее, почувствовала въ сердцѣ моемъ сильное трепетаніе и горько заплакала, думая, что мать моя спитъ. Но она увидѣла мои слезы и, протягнувши руку, которую я цѣловала и обмывала слезами, сказала: «Я чувствую, мой другъ, твою любовь ко мнѣ и знаю, какъ горько тебѣ со мной разставаться; но сей предѣлъ необходимъ для всѣхъ. Я не буду тебя обманывать, что чувствую: силы мои истощаются и я приближаюсь

ко гробу». Я зарыдала и упала къ ней на грудь. Она меня обняла и дала мнѣ успокоиться, но сама такъ была тверда, что я и горести не примѣтила на ея лицѣ. Она опять стала говорить: «Развѣ ты не надеешься на Того, Который тебя сотворилъ и хранитъ тебя до сихъ поръ? Онъ твой отецъ, мать, покровитель и другъ; Онъ тебя не оставитъ, только ты Его не забывай и прибѣгай къ Нему во всѣхъ нуждахъ. У тебя остается еще другъ истинный—твоя почтенная нянька, которая тебя любитъ, и ни ты, ни я въ этомъ не сумѣваемся. Только будь къ ней откровенна и безъ нея ничего не предпринимай. Остаются у тебя дяди и тетки, которыхъ ты должна любить и почитать, но не жить у нихъ, хотя бѣ они тебя и звали. Не оставляй своихъ упражненій и не нарушай того порядка, къ которому ты приучена. Помни мать твою, которая тебя любила и наставляла быть доброй христіанкой. Не забывай тюрьмы и бѣдныхъ и замѣни меня собой, чтобъ они не чувствовали потери. Да снидетъ на тебя Божіе благословеніе». Помолчавши немного, сказала: «Нынче наступаетъ Страшная недѣля: поди съ няней въ кладовую и приготовьте, чтѣ должно, для несчастныхъ». Я пошла и сказала нянѣ матери моей приказаніе; пошли въ кладовую и цѣлый день занимались приготовленіемъ вещей. Приготовивши все, я опять пришла къ ней и нашла у ней Александра Матвѣевича и съ матерью его, которая подошла ко мнѣ, обняла меня и спросила: «Здоровы ли вы, и чтѣ у васъ красивые глаза?» Я не могла ей ничего выговорить, а только показала на мать мою. Она сама заплакала и сказала: «Богъ милостивъ, мое любезное дитя, успокойся: у тебя остаются друзья, которые тебя любятъ». Я сказала: «Но матери моей не будетъ, и могутъ ли мнѣ замѣнить ее друзья?» И такъ разговоръ сдѣлался общій; и они у насъ обѣдали и цѣлый день сидѣли.

Мнѣ очень захотѣлось уйти въ свою комнату: какую-то я чувствовала непріятность, смѣшанную со страхомъ. Но нельзя было оставить мать мою, которой я давала лѣкарство и питье. Братъ мой пришелъ изъ школы, и Александръ Матвѣевичъ очень его ласкалъ; онъ былъ самъ ласковаго характера, и моя любовь къ нему была безпредѣльна, то мнѣ чрезвычайно было пріятно видѣть, какъ его ласкали. И послѣ этого всякій день былъ у насъ Александръ Матвѣевичъ; но мнѣ его посѣщенія были непріятны, а отчего—я и сама не знала.

Пришла Страшная недѣля, — и я съ няней отправилась въ пятницу вечеромъ въ тюрьмы, и за нами на лошади повезли все то, чтѣ приказано было раздать. Но пропорція была во всемъ двойная. Какъ будто предчувствовала мать моя, что это ужъ послѣдній разъ было дѣлано. Какъ скоро мы вошли въ тюрьму, то несчастные всѣ въ голосъ зарыдали и спрашивали, жива ли ихъ мать, и есть ли надежда къ выздоровленію. Я, зарыдавши, имъ сказала, что моя мать

опасна. «Молитесь, друзья мои, чтобъ Богъ ее спасъ!» Они всѣ замолкли и головы свои внизъ повѣсили. Одинъ со стономъ сказалъ: «Боже и Господи нашъ, неужто ты захочешь ее отъ насъ отнять и оставишь насъ, сирыхъ, безъ призрѣнія?» И, повернувшись ко мнѣ, спросилъ: «Будешь ли ты, милое дитя, подобна твоей матери и не оставишь ли насъ безъ нея?» Я со слезами сказала, что приказаніе ея и волю буду за законъ почитать и буду такъ же ихъ посѣщать съ моимъ другомъ, какъ и мать моя. Они всѣ сказали: «Богъ тебя благословитъ и дастъ тебѣ временное и вѣчное счастье». Наступило и Воскресеніе Спасителя нашего, — и мать моя, казалось, была въ этотъ день покрѣпче. Родные всѣ у насъ обѣдали, и Александръ Матвѣевичъ сказалъ: «Примите и меня въ ваши родные и позвольте съ вами провести день».

Всю Святую недѣлю мы провели не весело въ разсужденіи болѣзни матери моей; я не отходила отъ нея, читала ей Священное Писаніе; ночь спала возлѣ ея кровати, но и сонъ отъ меня убѣгалъ. А когда засыпала, то сны страшные меня безпокоили, и я опять просыпалась. На Оуминой недѣлѣ пріѣзжаетъ его сестра къ намъ и проситъ матушку, чтобъ позволила съ ней одной поговорить. И какъ я вышла отъ нея, она сдѣлала предложеніе отъ Александра Матвѣевича, что онъ желаетъ быть принять сыномъ. Мать моя отговаривалась моей молодостью, но сестра говорила, что ея молодость будетъ сохранена ото всего: у нея будетъ другая мать, которая ее любитъ и удержитъ въ тѣхъ правилахъ, которыя ей даны. Но страшила ее еще разлука со мной, зная, что ему нельзя долго жить; и тотчасъ она ничего рѣшительнаго не сказала. Оставшись одна, она позвала мою няню и бывши съ ней долго, которая вышла отъ матери моей вся въ слезахъ. Я, увидя ее въ такомъ положеніи, бросилась къ ней и спрашивала ее: «Видно, мы лишаемся ея, и ты вѣрно видишь, что она близка ко гробу?» Няня моя сказала: «Молись, матушка, Богу и испрашивай Его милости». Я вошла опять къ матери моей, которая показалась мнѣ встревоженной. И она велѣла послать за дядей, чтобъ онъ съ теткой пріѣхалъ. И по пріѣздѣ ихъ очень долго съ ними говорила. А мое сердце словно билось, не знаю отъ чего, и тосковало, видя ихъ тайные переговоры. Я понять не могла, чтѣ это значило. Кончивши разговоръ, вышли дядя и тетка расплаканы. И все сіе меня удивляло и страшило, но изъ почтенія я у нихъ не смѣла спрашивать.

И такъ дѣло было рѣшено безъ меня, и черезъ три дня дано было и Александру Матвѣевичу слово, но мнѣ не сказывали. И положено было ѣхать въ деревню, а ему, между тѣмъ, объѣзжать было надо рудники, и, объѣхавши, — быть къ намъ въ деревню и тамъ все совершить. Черезъ недѣлю повезли мою мать въ деревню въ такой слабости, что, я думала, мы ее не доведемъ. Сколько я ни спрашивала

ее, чтобъ не ѣздить и остаться въ городѣ для лѣченія, но никакъ не успѣла. Приѣхавши въ деревню, пошли разные приуготовленія, и на вопросъ мой: для чего это все дѣлается, отвѣчали, что будутъ гости изъ Челябины. И такъ мы прожили половину апрѣля.

Насталъ май ⁴⁾, и 13-го числа приѣхалъ Александръ Матвѣевичъ съ матерью и съ родными и остановился у дяди и тотъ день у насъ обѣдалъ. На другой день, поутру, мать моя позвала меня къ себѣ и начала говорить: «Другъ мой! Выслушай отъ меня все спокойно, что я буду тебѣ говорить. Ты видишь, что я такъ больна, что нѣтъ надежды къ моему выздоровленію, да и лѣкарь самъ мнѣ сіе объявилъ. Я не страшусь смерти и надѣюсь на милосердіе Спасителя моего, но горько мнѣ было тебя оставить въ такихъ лѣтахъ; но теперь есть у тебя другая мать и покровитель, только не откажи ихъ признать за таковыхъ. Согласіе твое мнѣ можетъ продолжить нѣсколько жизнь мою, и ты дашь мнѣ спокойно умереть». Я, никакъ не подозрѣвая, чтобъ это было мнѣ замужество, со слезами ей отвѣчала, что я никогда ея воли не противилась и всегда ставила закономъ ей повиноваться, — то можетъ ли она во мнѣ сумнѣваться? «Ну, такъ знай, что я тебя помолвила за Александра Матвѣевича и ты будешь скоро его женой». Я такъ одеревенѣла, что выговорить ничего не могла, и мать моя опасалась худыхъ слѣдствій. Наконецъ, я сказала: «Кто будетъ за вами ходить?» Она мнѣ отвѣчала: «Тебя со мной не разлучать, и ты будешь жить со мной». — «Ежели это такъ, то пусть ваша воля исполнится. Я повинуюсь вамъ во всемъ, но я — молода, не буду умѣть угождать имъ». — «Конечно, молодость твоя меня страшитъ; и ежели бы я не видѣла приближенія смерти моей, — я никакъ бы не помыслила тебя отдать. Но ты будешь счастлива за повиновеніе твое, и ты своимъ правомъ найдешь къ себѣ ихъ любовь. Мать же его ты знаешь: она тебя любитъ, а тебѣ только остается ей повиноваться и ничего безъ ея совѣтовъ не дѣлать. И я увѣрена въ тебѣ, что ты съ охотою сіе и безъ тягости исполнишь». Слушая мою мать, — у меня духъ спирался; и она, примѣтивши мою тягость, перестала со мной говорить, обняла меня, заплакала и сказала: «Необходимость меня заставляетъ сіе сдѣлать. Будь же спокойна и знай, что безъ воли Божіей ничего не дѣлается».

И я пошла отъ нея съ стѣсненнымъ сердцемъ; слезъ у меня не было, а только въ груди было тяжело, и сія тягость продолжалась до самаго того дня, въ который моя участь совершилась. Впрочемъ, могла ли я и знать еще сей великій шагъ къ моей новой жизни? — Мнѣ было тринадцать лѣтъ. Меня одно только и сгостило — разлука съ моей почтенной матерью, а прочаго я ничего не видѣла и ни о

⁴⁾ 1772 г.

чемъ не думала. И такъ, положена была свадьба 21-го мая. Въ это время я видѣла всѣхъ моихъ родныхъ унылыми, а друга моего — няню — всякій день въ скорби и слезахъ; и меня это чрезвычайно огорчало, но я думала, что она не будетъ отъ меня отлучена. И такъ, ласки моего назначеннаго мужа стали ко мнѣ открываться. Но онъ меня не веселили, и я очень холодно ихъ принимала, а была больше съ матерью моею; и сердце мое не чувствовало ни привязанности, ни отвращенія, а больше страхъ въ немъ дѣйствовалъ. И онъ, видя это, нѣсколько разъ спрашивалъ, по волѣ ли я иду за него, и не противенъ ли онъ мнѣ? Мой отвѣтъ былъ: «я исполняю волю моей матери», — и убѣжала, чтобъ не быть съ нимъ безъ свидѣтелей.

Наконецъ, насталъ тотъ день, въ который была назначена наша свадьба. И поутру рано мать моя посадила меня возлѣ себя и начала говорить: «Теперь, мой другъ, тотъ день, въ который ты начнешь новую совѣтъ и для тебя неизвѣстную жизнь. И ты ужъ не отъ меня будешь зависѣть, а отъ мужа и отъ свекрови, которымъ ты должна безпредѣльнымъ повиновеніемъ и истинною любовью. Ужъ ты не отъ меня будешь принимать приказанія, а отъ нихъ. Моя власть надъ тобою кончилась, а осталась одна любовь и дружескіе совѣты. Люби мужа твоею чистой и горячей любовью, повинуйся ему во всемъ: ты не ему будешь повиноваться, а Богу, — онъ тебѣ отъ Него данъ и поставленъ господиномъ надъ тобою. Ежели бы онъ и дурень бы былъ противъ тебя, но ты все сноси терпѣливо и угождай ему, и не жалуйся никому: люди тебѣ не помогутъ, а только ты откроешь его пороки и черезъ это его и себя въ стыдъ приведешь. Веди себя всегда такъ, чтобъ совѣтъ твоя была всегда чиста. Не предпочитай ему другого мужчину, хоть бы онъ въ коронѣ былъ; не слушай ласкательствъ мужчинъ: они никогда истинны не бываютъ. Кто прямо тебя любитъ — тотъ не станетъ въ глаза хвалить. Веди себя такъ, чтобъ никакой мужчина не могъ и не смѣлъ тебѣ сказать никакой неблагопристойности, и не имѣй въ молодости твоей тѣснаго обхожденія съ мужчиной тѣмъ, котораго тебѣ мужъ не одобритъ; но и тутъ будь осторожна. Въ выборѣ друзей не надѣйся на себя, а предоставляй выбирать новой твоей матери, которая, изъ любви къ сыну и тебѣ, дастъ тебѣ друзей добрыхъ и опытныхъ, отъ которыхъ ты будешь научаться. Не скрывай отъ нея ничего, что будетъ происходить въ сердцѣ твоёмъ, — чрезъ что ты избавишься отъ многихъ бѣдъ, могущихъ случиться съ тобой. Даже и того не скрывай, кто съ тобой что говорить будетъ: она будетъ изъ этого познавать людей и показывать тебѣ, съ кѣмъ ты можешь быть въ близости и съ кѣмъ не можешь. Сія твоя искренность отъ многаго тебя избавитъ. Ежели ты, по молодости твоей, и проступокъ какой сдѣлаешь — не стыдись его открыть: черезъ открытіе въ другіе не попадешь. Люби мать мужа твоего — она

есть и твоя: она—другая я. Общаешь ли ты мнѣ, другу твоему, все сіе дѣлать?» Я бросилась къ ней на колѣни и зарыдала. «Все исполню, хотя бы они врагами и мучителями моими сдѣлались!»—«О братъ твоему я ничего не говорю; любовь твоя его не оставитъ, и ты ему будешь мать и нѣжный другъ, а онъ тоже тебя любить и будетъ тебя слушать. Ежели ты будешь жить въ большомъ свѣтѣ, то во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ не забывай дѣлать помощи бѣднымъ и несчастнымъ; не будь въ праздности: праздность—есть мать пороковъ. Гордости избѣгай, будь ко всѣмъ ласкова и снисходительна. Избѣгай случаевъ, чтобъ съ кѣмъ ссориться: я во весь мой вѣкъ не имѣла враговъ и ни съ кѣмъ не была въ ссорѣ». Послѣ сего она обняла меня и благословила, призывая въ помощь Отца небеснаго, чтобъ меня укрѣпиль и утвердилъ въ терпѣніи и добродѣтели: она предвидѣла, что мнѣ должно много вытерпѣть. И такъ, день сей свершилъ мою участь мая 21-го числа¹⁾.

И жили мы въ деревнѣ недѣлю послѣ свадьбы, но болѣзнь увеличилась моей матери и принудила ее везти въ городъ: разстояніе не велико—90 верстъ. Но она была такъ слаба, что всякое малое движеніе причиняло ей жестокое мученіе. И тутъ началась первая моя горестъ, что мнѣ мужъ мой не позволилъ съ ней сѣсть въ карету, и я съ горестными слезами повиновалась ему, ни слова не говоря. И сія дорога была для меня мучительна: умерли во мнѣ всѣ радости, и я, кромѣ скорби душевной, ничего не чувствовала, и мысли мои безпрестанно были при больной. Кто ее теперь успокаиваетъ? Она привыкла быть со мной, и я облегчала ея болѣзнь. Этотъ жестокой человекъ лишаетъ ее сего послѣдняго утѣшенія при концѣ дней ея. Я такъ тогда мыслила. Однѣ слезы облегчали мою тягость; мужъ мой и за слезы на меня сердился и говорилъ: «Теперь твоя любовь должна быть вся ко мнѣ, ты теперь для меня живешь, а не для другихъ». Я спросила: «Развѣ можно кончиться моей любви къ той, которая мнѣ дороже всего въ мірѣ? Меньше ли ты любишь мать свою съ тѣхъ поръ, какъ женился? Все въ свѣтѣ для тебя сдѣлаю, кромѣ сего!» Онъ отвѣчалъ, что: «Ты еще не знаешь тѣхъ великихъ обязанностей, которыя ты должна имѣть къ мужу, то я тебя научу!» И сказалъ такимъ голосомъ, что у меня сердце замерло отъ страха. И я замолчала, но слезъ остановить не могла. Съ нами сидѣла его любимая племянница, которая смѣялась моей горести и ему говорила: «Я удивляюсь, что вы не уймете ее: мнѣ ужъ скучно смотрѣть на ея пустыя слезы!» Онъ сказалъ: «Погоди, мой другъ, будетъ еще время. Я въ дорогѣ не хочу начинать ничего». Что жъ я должна была ожидать послѣ сихъ разговоровъ? Но положила въ сердцѣ моемъ никому не сказывать и не жаловаться; а болѣе,—

чтобъ не примѣтила мать моя моею горестной участи. Наконецъ, пріѣхали мы на первую станцію. Я выскочила изъ кареты, побѣжала смотрѣть, жива ли моя мать,—и нашла ее въ такой слабости, что она не только говорить—и руки не могла мнѣ подать. Я дала ей выпить вина и вытерла ее укусомъ, послѣ чего она сдѣлалась покрѣпче и спросила меня: «Здорова ли ты, мой другъ? У тебя блѣдность въ лицѣ необыкновенная?»—«Я здорова, но пугаетъ меня ваша болѣзнь».—«Чего жъ пугаться? Конечно, я чувствую сама, что скорымъ шагомъ приближаюсь къ вѣчности». Я видѣла, что нельзя ея везти, не давши отдохнуть, просила, чтобъ ночевать на станціи, но мужъ мой сказалъ мнѣ: «Ты не ночуешь здѣсь, а поѣдешь со мной», сколько я ни упрашивала, чтобъ онъ не отнималъ у меня удовольствія быть при матери: «по крайней мѣрѣ, я увижу, какова она будетъ, и можно ли ее будетъ везти». Онъ отвѣчалъ: «И безъ тебя все здѣсь сдѣлаютъ». Я пошла къ свекрови моей. Она, увидя мою блѣдность и опухшіе глаза, обняла меня и спросила: «Что тебѣ сдѣлалось?» Я отвѣчала, что мы сейчасъ ѣдемъ, а больная останется, то я боюсь, чтобъ она не кончила жизнь,—и упала къ ней на колѣни. «Сдѣлайте первую мнѣ милость: останьтесь при ней—я спокойнѣе буду!» Она заплакала и сказала, что ежели бы я и не просила ее, то она не оставитъ ее безъ себя и будетъ сохранять покой ея, сколько возможно. Няни моей съ нами не было: она отправлена была напередъ въ городъ для пріуготовленія тамъ нужнаго. И такъ мы, оставя нашу мать, поѣхали въ городъ. Мнѣ казалось, что я ее ужъ не увижу, и я почти не помнила, какъ эта дорога кончилась. Пріѣхали мы въ городъ къ ужину. Няня насъ встрѣтила и приготовила ужинъ. Я ничего не могла ѣсть, только плакала. И мои горькія слезы болѣе дѣлали смѣха въ его племянницѣ, нежели участія, которое бы она должна принять: мать моя была ея благодѣтельница.

Послѣ ужина мы пошли спать. Она стала съ дядей прощаться и заплакала. Онъ встревожился и сказалъ ей: «Отчего ты, моя милая, огорчаешься? Я знаю: твоя любовь ко мнѣ такъ велика, что тягостно для тебя и ночь проводить, не видавши меня. А жена моя съ радостію бы осталась бы при матери своей: вотъ какая разница между вами,—то я не допущу, чтобъ ты гдѣ-нибудь спала, кромѣ нашей спальни». Я молчала, а няня моя зарыдала и вышла вонъ, сказавши: «Вотъ участь моего ангела!» Мужъ мой чрезвычайно разсердился и сказалъ мнѣ: «Ты съ ней навсегда разстанешься и запрещаю тебѣ съ ней говорить, и чтобъ она при тебѣ никогда не была!» А племянница ему сказала «Я боюсь, чтобъ она не сказала вашей матушкѣ, то не лучше ли будетъ ее отправить въ деревню тотчасъ?» Я сказала, что сего сдѣлать нельзя—она одна остается, которая можетъ быть около больной: я вижу, что мнѣ быть—только тогда, когда позволятъ, то нельзя отнять послѣд-

¹⁾ 1772 года.

няго спокойствія отъ умирающей.—«А въ разсужденіи того, что вы опасаетесь, чтобъ она не сказала, то, я васъ увѣряю,—будьте спокойны: она никогда и никому не будетъ говорить; но для меня мудрено, чего тутъ бояться, когда вы любите вашего дядю? Я и сама моихъ дядей люблю и не боюсь, ежели весь свѣтъ узнаетъ о моей привязанности». И я сіе истинно и отъ добраго сердца говорила, не зная порочной любви. И такъ мы пошли спать. Няня моя хотѣла войти меня раздѣть, но ей сказали, что ни услугъ ея, ни совѣтовъ больше для меня не надо, и чтобъ она не осмѣливалась входить туда, куда ей было запрещено. Вотъ другая горестъ для моего ужь угнетеннаго сердца! Я спросила: «Скажите, Бога ради, чѣмъ она васъ прогнѣвала, что вы такъ жестоко съ ней поступаете? Я льстила себя надеждою, что вы за меня будете ей благодарны, что она меня воспитала. Видно, я во всемъ обманута! Мнѣ сказали, что мужъ меня будетъ любить не меньше, какъ мать меня любила, и будетъ меня беречь, но я не знаю, что это за любовь мудреная? Скажите мнѣ, любите ли вы меня?» Онъ спросилъ у меня то-жъ. Я ему отвѣчала: «Я бы васъ любила, ежели бы вы не отнимали у меня того, что мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе, и не разлучали меня съ тѣми, кто мнѣ любезенъ. Я у васъ у самихъ спрашиваю: что-бъ вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, ежели бы съ вами было поступлено такъ жестоко, какъ со мной?» Говоривши, я горько плакала и бросилась обнимать его: «Не мучьте меня, вы мнѣ для того даны, чтобъ улаждали мою горестъ и любили меня, а отъ меня вы увидите любовь, почтеніе и повиновеніе». Онъ самъ тронулся и сказалъ: «Я тебя люблю».—«Ежели вы меня любите, то дайте мнѣ слово не запрещать мнѣ быть съ матерью и няней. Я ничего не буду съ ними говорить такого, которое вамъ не угодно. Вы сами мнѣ предпишете, что говорить и что не говорить. Я вамъ общаю никогда съ ними не быть наединѣ, а буду въ присутствіи вашей матери, которая будетъ слышать мои разговоры и видѣть мои поступки. Я теперь скорѣй откроюсь ей, ежели моей матери: мнѣ такъ сказано, что она застѣла мѣсто моихъ друзей». Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и сказалъ: «Вы не должны говорить и моей матери все. Я не хочу, чтобъ она знала все то, что происходитъ въ твоёмъ сердцѣ и между нами». Я сдѣлалась точно деревянная и молчала нѣсколько времени; даже и слезы мои остановились, духъ у меня заняло и дыханіе становилось очень тяжело. Онъ испугался, побѣжалъ за водой, и няня его увидѣла встревоженнаго, спросила, что съ нимъ сдѣлалось (онъ только кричалъ: «Воды!») и сама побѣжала ко мнѣ, сказавши: «Теперь меня никто не удержитъ!» Пришедши ко мнѣ и увидя меня блѣдную и расплаканную, затряслась и дала пить воды. У меня и вода не проходила: я глотать не могла. Она бросилась на колѣни передъ мужа моего и просила, чтобъ онъ не

отсылалъ ее отъ меня: «Вы еще не знаете ея, каковы у ней чувства: она умретъ!» Нечего ему было дѣлать! Онъ сказалъ: «Смотри за ней и помогай: я не могу быть съ ней — я и самъ не въ лучшемъ положеніи»,—и ушелъ съ племянницей въ другую спальню, которая была приготовлена для матери моей. Она сѣла возлѣ меня и спрашивала, что со мной сдѣлалось? Я посмотрѣла на нее и сказала: «Вы меня учили быть искренней и ничего въ сердцѣ моемъ не скрывать. Вы же мнѣ сказали, чтобы мужа любить и повиноваться во всемъ и исполнять его волю,—то я спрошу у тебя теперь: точно ли это есть мой долгъ?» Она мнѣ сказала: «Безъ любви и повиновенія не можетъ быть человѣкъ счастливъ, а особливо къ мужу». — «Но о искренности что ты мнѣ скажешь?»—«И это необходимо, но надо дѣлать съ разсмотрѣніемъ, къ кому быть искренней,—а не ко всякому». — «Кого жъ вы мнѣ назначаете и съ кѣмъ я должна быть откровенна?»—«Къ мужу и болѣе ни къ кому, къ его матери, которая истинно васъ любить, и она вамъ подастъ совѣтъ добрый и полезный». — «Видно, я теперь совѣмъ въ другой школѣ: первое мое ученіе принесло сердцу моему радость и спокойствіе, а нынѣшнее—дѣлаетъ скорбь и уныніе. Еще вы меня научали терпѣть и молчать, то сіе послѣднее ученіе мнѣ полезнѣе теперь будетъ. Ты—мой другъ, и я тебя много люблю и почитаю, и болѣе у меня ничего не спрашивай». Она заплакала и просила меня лечь, но я сказала: «Я спать не хочу и не могу». Пошла я посмотрѣть, покоенъ ли мой мужъ, и нашла его покойно спящаго на одной кровати съ племянницей, обнявшись. Моя невинность и незнаніе такъ были велики, что меня это не тронуло, да я и не секретничала. Пришедши къ нянѣ, она у меня спросила: «Что, малушка, каковъ онъ?» Я сказала: «Слава Богу, онъ спитъ очень спокойно съ Вѣрой Алек., и она его дружески обняла». Няня посмотрѣла на меня очень пристально и, видя совершенное мое спокойствіе, замолчала, только очень тяжело вздохнула. Я, посидѣвши у окна, мыслила, что—сама не знала: думала и о матери моей, жива ли она, но утѣшалась тѣмъ, что она не одна.

Въ это время начинало восходить солнце, и я вспомнила мое спокойное время, въ которое я сживала на берегу съ матерью моею или съ няней, и какое я чувствовала иногда спокойствіе, и сравнила съ теперешнимъ мучительнымъ моимъ состояніемъ. Слезы неволью полились, и я сказала: «Не знаю, лучше ли вы сдѣлали, давши мнѣ мужа, вывели меня изъ самаго счастливаго состоянія и дали мнѣ очень рано чувствовать горестъ». Она, смотря на меня, сказала: «Успокойся, моя неоцѣненная, и вспомни: развѣ нѣтъ Бога, Который внимаетъ моленіямъ сердца чистаго и невиннаго? Поручай Ему всѣ твои скорби—Онъ утѣшитель твой; Онъ дастъ силы и крѣпость къ снесенію всего неприятнаго, только вѣрь и надѣйся и люби Его: Онъ любящихъ Его никогда

не оставляетъ. Кажется, довольно утѣшенія для сердца твоего,—не жалуясь на насъ: мы никогда тебѣ не желали несчастья; а ежели бы возможно, то жизнью бы своею купили для тебя счастье. Сегодня къ вечеру будетъ ваша матушка; старайтесь себя, сколько можно, успокоить, чтобъ она не замѣтила горести вашей: вы ей можете ускорить и приблизить смерть». Въ это самое время вошелъ мой мужъ. Я подошла съ нимъ поздороваться и спросила, здоровъ ли онъ и какъ спалъ. Онъ у меня спросилъ: «А ты какова? Здорова? Пила ты чай?» — «Я не пью чаю, а мнѣ дадутъ молока». Няня пошла готовить чай, а онъ сѣлъ подлѣ меня. Я хотѣла ему показать, что я имъ интересовалась, и съ веселымъ лицомъ сказала: «Я ходила тебя смотрѣть, покойно-ль вы почиваете, и нашла васъ въ пріятномъ снѣ съ Вѣрой Алек.; и такъ я, чтобъ васъ не разбудить, ушла въ спальню». И вдругъ на него взглянула: онъ весь поблѣднѣлъ. Я спросила, что ему сдѣлалось? Онъ долго молчалъ и, наконецъ, спросилъ, одна я была у него или съ нянькой? Я сказала: «Одна»,—и онъ меня сталъ чрезвычайно ласкать и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза. Я такъ стыдилась, что и глазъ моихъ на него не поднимала. И сказалъ: «Я не знаю, хитрость-ли это, или точно невинность». Я посмотрѣла на него и заплакала. «Почему жъ вы думаете обо мнѣ такъ? Какую я сдѣлала противъ васъ хитрость? Я, право, сему не учена, а что думаю, то и говорю». Я совѣмъ не поняла, къ чему онъ говорилъ. Между тѣмъ, подали чай; я стала разливать и послала звать и племянницу. Она пришла, и я съ ней ласково поздоровалась. Напивши ихъ, пошла одѣться. Няня мнѣ сказала: «Не сказывайте вашему мужу, что вы были ночью у нихъ». Я съ удивленіемъ спросила: «Для чего? Я не могу отъ него ничего скрыть. Я ужъ и сказала ему». — «Да не сказали ли вы, что я знаю?» — «Нѣтъ!» — «Такъ я васъ прошу—не говорите, ежели вы меня любите». Я взглянула на нее и сказала: «Боже мой, какъ вы всѣ меня мучите! И я сама не знаю теперь, что мнѣ дѣлать; чему-нибудь надо быть такому, котораго вы мнѣ не хотите сказать, а я сама ничего не понимаю, да и вѣчно не пойму! Изволь,—я тебѣ обѣщаю и не скажу, что ты знаешь, а тебя прошу, какъ друга: научай меня теперешней мудреной и скучной для меня жизни. Вамъ бы должно прежде меня научить, какъ жить съ мужемъ, да потомъ выдавать. Вы до того меня довели въ короткое время, что я не знаю, что дѣлать!» Она заплакала и сказала: «На кого вы жалуетесь? На мать? Ту, которая васъ много любитъ и которая ничего не щадила для васъ? Можетъ-ли человѣкъ предвидѣть, что съ нимъ будетъ? О, ежели бы была извѣстна впередъ участь всякаго человѣка, то не было бы несчастныхъ! А всякій человѣкъ долженъ быть готовъ на всякіе кресты и все надо съ покор-

ностью сносить. Нельзя пользоваться все сладкимъ,—надо вкусить и горькаго. Будьте тверды—васъ Богъ не оставитъ».

И такъ день прошелъ. Насталъ вечеръ, и мать мою привезли въ жестокой слабости, принесли въ комнату и положили на приготовленную для нея постель. Лѣкарь ужъ у меня ее дождался, и, давши ей лѣкарства, она поободрилась нѣсколько, а мое сердце успокоилось, что я съ ней. И съ тѣхъ поръ время мое было въ заботахъ о больной. Я просила мою добрую свекровь, чтобъ она упростила моего мужа, чтобъ онъ позволилъ мнѣ быть при матери моей и не сердился бы на меня за мою любовь къ ней. Она спросила меня: «Развѣ онъ тебѣ запрещаетъ, мой другъ?» Я слезами отвѣчала. Она обняла меня и сказала: «Будь спокойна и люби меня, и будь со мной чистосердечна. Я тебѣ буду доставлять всевозможныя радости, какія я только могу».

Мать моя день-о-то-дня становилась хуже и видимо приближалась къ смерти. Последнюю недѣлю ея жизни я не отходила отъ нея: и день, и ночь была возлѣ нея. Наканунѣ ея смерти, поутру рано, она посмотрѣла на меня и сказала: «Какъ ты, мой другъ, перемѣнилась. Непростительно тебѣ такъ себя убивать. Ты давно была приготовлена со мной къ вѣчной разлукѣ; я отъ тебя не скрывала, что жизнь моя не долга, и самое это и понудило меня, чтобъ отдать тебя замужъ. Я не знаю, какова твоя будетъ жизнь, но какова бъ она ни была—не сѣтуй, моя любезная, на меня!» Я бросилась ея руки цѣловать и только рыдала. «Мнѣ кажется, мужъ твой горячаго здраву, да можетъ быть и еще есть что-нибудь въ немъ, котораго я прежде не замѣтила. Но дѣло сдѣлано. Одна моя надежда на моего друга—мать его; и я ее просила и увѣрена, что она одна можетъ тебя поддержать и слабую твою юность. Будь только добродѣтельна, кротка и терпѣлива, сноси все безъ роптанія на милосерднаго Отца нашего. Моя любовь къ тебѣ велика, а Его и сравниться не можетъ. Когда я, по любви своей, тебѣ ни въ чемъ не отказывала, то можетъ ли Онъ тебѣ отказать въ своемъ милосердіи,—только люби Его и будь во всемъ послушна. Ахъ, мой милый другъ! И мужа надо любить и сносить его слабости... Не могу больше говорить,—духъ занимается...» Я ей сказала: «Будьте спокойны,—я буду счастлива». Она, помолчавши, сказала: «Константиновна съ тобой не поѣдетъ, потому что мужъ твой не хочетъ ея имѣть, то ты волѣ его не противься». Я со вздохомъ сказала: «Боже мой! И послѣдняго друга отъ меня отнимаютъ! И такъ, я буду во всемъ мнѣ одна: безъ помощи, безъ совѣтовъ! О, мать моя! думали ли вы когда-нибудь, что я, будучи молода и неопытна, и буду оставлена сама себѣ? Но успокойся, милая матушка, я буду жить и одна по твоимъ наставленіямъ и не забуду тѣхъ правилъ, которыя вы мнѣ давали». Она такъ была слаба и горька, что и слезъ у нея ужъ не было. Входитъ моя свекровь, и мать

моя, меня взявши за руку, отдала ей и только сказала: «Вручаю Богу и тебѣ. Будь ея другомъ и наставникомъ юности ея!» Мужъ мой ходилъ рѣдко, отговариваясь дѣлами. Вечеромъ она сказала нянѣ, чтобъ послать поранѣе къ духовнику, чтобъ послѣ ранней обѣдни ее исповѣдать и приобщить. Она спросила: «Развѣ вы чувствуете что-нибудь?» Она отвѣчала: «Конечно, мой другъ; я очень скоро съ вами разстанусь». Няня заплакала. Мать моя посмотрѣла и сказала: «Не плачь! Ты будешь покойна за всѣ твои услуги, любовь и дружбу». Она отвѣчала: «Можно ли мнѣ быть покойной, потерявши ту, которая была мнѣ не госпожа, а мать, и цѣнила мои малыя услуги и почтила именемъ друга? Гдѣ жъ я найду это благо, которое у меня отнимается на-вѣки? И не будетъ душа моя покойна до гроба: хоть бы этимъ была утѣшена, чтобъ могла быть еще полезна оставшейся дочери твоей! на край бы свѣта за ней пошла, оставила бы мужа и дѣтей; но и этого лишаютъ меня!» Она отвѣчала: «Сего ужъ сдѣлать нельзя. Я бы сама этого хотѣла. Теперь поздно поправлять испорченное, а предоставить Богу: Онъ одинъ можетъ все поправить». Въ это самое время вошелъ мужъ мой и сказалъ нянѣ, чтобъ она вышла со своими глупыми слезами. Мать моя сказала: «Не тронь ея, мой другъ, и прости. Она разстается съ двумя друзьями: съ одной вѣчно, а съ другой—хоть и временно, но надолго. Въ ея горестъ никто не можетъ войти, кромѣ меня. Эти слезы не льстивыя—я ее знаю и очень цѣню ея дружбу и услугу. Оставьте ее при мнѣ, пока я жива. Прошу васъ и послѣ меня ей дѣлать всевозможное успокоеніе и заклинаю васъ не огорчать ее и дать ей хоть сколько-нибудь пожить съ оставшеюся юностью. Это самое ее облегчить, и мой прахъ успокоите!» Мужъ мой очень былъ недоволенъ сими, но обѣщалъ исполнить ея волю и вышелъ вонъ. Вечеромъ меня позвали ужинать именемъ мужа. Я пошла и сѣла за столъ, но ѣсть я ничего не могла. Отужинавши, подошла проститься съ мужемъ, который мнѣ сказалъ: «Скоро ты потеряешь мать: она худа, но ужъ кончатся скорѣе слезы твои, которыя мнѣ становятся несносны». Я пришла къ больной и сѣла. Свекровь моя не отходила отъ нея. И цѣлую ночь она мало очень говорила и какъ будто спала, только по временамъ читала молитвы. Настало утро, и въ шесть часовъ пришелъ духовникъ, исповѣдалъ и приобщилъ, и соборовалъ. Послѣ сего мать моя была покойна, но просила, чтобъ духовникъ къ ней поскорѣе пришелъ. И какъ онъ вошелъ, то она просила, чтобъ ей прочиталъ отходную, и велѣла себя посадить и поставить передъ себя Распятіе и просила свекровь мою, чтобъ она меня отвела и поставила такъ, чтобъ меня ей было не видно. Кончивши все, подозвала меня и брата, поцѣловала насъ и благословила; свекровь мою поцѣловала и няню, и всѣхъ людей призвала, и всѣхъ благодарила за вѣрность и послушаніе. Послѣ

всего сего она легла и начала молиться и ужъ болѣе никуда не смотрѣла, какъ на Распятіе. Тогда было іюля 21-е число [1772г.], десять часовъ утра. Перекрестилась три раза и что-то сказала невнятно, вздохнула,—и этотъ вздохъ былъ послѣдній; но на лицѣ не было никакого прискорбія. Я смотрѣла на нее и не воображала, чтобъ я такъ скоро ее потеряла, но свекровь моя подошла ко мнѣ, обняла, взяла за руку и сказала: «Ну, мой другъ, все кончилось: ея ужъ нѣтъ!» Я вырвалась и бросилась на тѣло, обливала лицо и руки ея слезами, кликала ее... И меня насилу оторвали отъ тѣла и унесли въ другую комнату. Я не знала, чтѣ я, и гдѣ я. Слезы остановились, лихорадка жестокая сдѣлалась, а къ ночи жаръ и бредъ. Поутру, на другой день, опомнилась, и первое слово было: «Гдѣ мой оставшійся другъ?» Свекровь моя сказала, что она тотчасъ будетъ. И въ самомъ дѣлѣ, она пришла. Такая у ней на лицѣ горестъ была, что я смотрѣть на нее не могла. И, подавши ей руку, только сказала: «Она насъ оставила, все кончилось!» И тутъ пошли у меня слезы и облегчили стѣсненное мое сердце, и я просила свекровь мою, чтобъ позволили мнѣ сходить къ тѣлу. Мужъ мой вошелъ и сказалъ, чтобъ меня не пускать, но мать его сказала ему: «Это невозможно, чтобъ она не была у тѣла своей матери! Войди въ ея горестъ: она въ ней все потеряла; у ней рѣдкая была мать,—пусть она у тѣла облегчить горестъ свою; оставь, мой другъ, на мое попеченіе,—я, конечно, ее сохраню; и будь увѣренъ, что она мнѣ очень дорога: это залогъ, ввѣренный мнѣ дружбой, и теперь моя жизнь соединена съ ея жизнью, и ея спокойствіе—собственное мое спокойствіе; и покойная—мой другъ и благодѣтельница—для меня еще живетъ въ дочери ея и сынѣ, который мнѣ также дорогъ». Тутъ привели и брата ко мнѣ; онъ бросился меня обнимать и съ горькими слезами сказалъ: «Ты больна? И ты такъ же меня оставишь, какъ маменька?» Я встала для него, хотя и насилу на ногахъ держалась, и сказала: «Не плачь, мой другъ, я здорова; это не болѣзнь, но горестъ принудила меня лечь въ постель». Мужъ мой смотрѣлъ на все это очень неприятно и, пошедши, сказалъ своей матери: «Дѣлайте, чтѣ вамъ угодно, а я займусь приуготовленіемъ лошадей и всего нужнаго—везти тѣло въ деревню». Вторая моя мать не отходила отъ меня. Принудила меня выпить чашку чаю, пошла со мной къ тѣлу и съ братомъ. Вошедши, я зарыдала, увидя ее бездыханну, цѣловала руки ея и сѣла подлѣ стола, на которомъ она лежала. И вся моя будущая жизнь представилась въ самомъ неприятномъ видѣ, и я себя видѣла съ сиротой братомъ моимъ—однихъ въ цѣломъ мірѣ безпомощныхъ. Кто насъ утѣшитъ, кто дастъ совѣты, къ кому я прибѣгну? И съ этими горестными мыслями цѣлый день сидѣла на одномъ мѣстѣ, сколько меня ни уговаривали отойти.

Къ вечеру собрались нищіе и бѣдные, ею облагодѣтельствованные, и такое было стеченіе, что въ комнатѣ мѣста не было; и такой былъ стонъ, что ужасъ наводило! Подъ окнами всѣ ночевали, узная [sic], что поутру повезутъ тѣло. Поутру, на другой день, приносятъ мнѣ записку изъ тюрьмы, въ которой просятъ, чтобъ я испросила у начальника послѣдней милости для нихъ: чтобъ позволено было тѣлу ихъ матери поклониться. Я поѣхала сама къ начальнику, человѣку доброму и любящему насъ. Какъ скоро я вошла къ нему въ комнату, онъ горько заплакалъ и удивился моему приѣзду въ такое время и, какъ скоро узналъ причину, сказалъ: «Я сдѣлаю вывозъ тѣла общей матери и благодѣтельницы великолѣпнымъ: я самъ буду съ несчастными у васъ, которые неутѣшны по потерѣ своей благодѣтельницы». Какъ скоро я приѣхала домой, то ужъ начали готовить лошадей, и черезъ два часа все было готово. Отпѣли мою мать и стали выносить, ставить на роспуски. И только-что отворили ворота, то сдѣлался страшный шумъ и стонъ и брякъ цѣпей, и всѣ бросились къ гробу и упали на землю и закричали: «Прости, наша питательница и мать! Оставила ты насъ, осиротѣвшихъ бѣдныхъ! Боже, прими наше сердечное моленіе и упокой душу ея!» Во дворѣ не было и мѣста отъ бѣдныхъ и нищихъ, и насилу могли вывезти тѣло за тѣснотой. И сія церемонія и брякъ цѣпей продолжались пять верстъ. И какъ начальникъ оставилъ гробъ и велѣлъ имъ послѣдній разъ проститься,—то я не могу изобразить этого ужаснаго стона и крика, который они произнесли въ одинъ голосъ; многіе не могли стоять—и упали. Самъ начальникъ не въ силахъ былъ ничего выговорить. Мужъ мой выскочилъ изъ кареты и, подошедши къ начальнику, просилъ его, чтобъ кончить поскорѣе. Онъ ему сказалъ: «Не удивляйтесь сему и не спѣшите ихъ, несчастныхъ, оторвать отъ гроба той, которая ихъ называла друзьями: они все потеряли, что ихъ несчастную жизнь услаждало! Дайте имъ опомниться, я уведу ихъ и дамъ вамъ покой. Вы его найдете, а они—нѣтъ!» Я сидѣла или, лучше сказать, лежала въ коляскѣ. Они бросились ко мнѣ, цѣловали мои руки и ноги и кричали: «Дочь нашей благодѣтельницы, не оставь насъ, несчастныхъ, пока здѣсь! Но и тебя отъ насъ отнимаютъ, и не останется никого, кто бъ облегчилъ нашу участь!» Я насилу могла приподняться и сказала: «Вы, мои друзья, не будете оставлены. Это будетъ приказано приказчику, и мать моя, умиравши, обѣ васъ пеклась. Константиновна будетъ все то дѣлать, что для васъ надо». Мать моя за два дня до своей смерти дала мнѣ 500 рублей на собственные мои расходы. И они были со мной. Я вынула 300 и отдала имъ. Они отдали начальнику и сказали: «Береги ты, нашъ отецъ, на наши вужды».—«Дайте же намъ послѣдній разъ проститься!» Свекровь моя имъ сказала: «Поберегите, друзья, оставшую дочь ея,

которая послѣднія силы потеряла!» И такъ мы поѣхали, и они велѣдъ кричали: «Поберегите оставшуюся дочь матери нашей! Да будетъ съ нею благословеніе Божіе!»

За сорокъ верстъ встрѣтили тѣло крестьяне, которые остановили лошадей и несли гробъ на рукахъ до самой деревни. Съ какииъ уныніемъ и горестію я смотрѣла на всю эту церемонію! Что за отчаяніе на лицахъ крестьянъ я видѣла: кто рыдалъ, кто и плакать не могъ, а глухіе стоны слышны только были! Наконецъ погребли тѣло, и весь этотъ день вся деревня была какъ точно пустая: никто не показывался на улицѣ, только ходили въ церковь на гробъ дѣлать поминовеніе. На третій день пришелъ приказчикъ къ мужу моему съ крестьянами, гдѣ мать его и я были. Онъ бросился въ ноги, зарыдалъ и сказалъ: «Тебѣ вручаемъ нашей матери право надъ собой! Сдѣлай распоряженіе и наставь насъ, что намъ дѣлать? У насъ остались господа, но малолѣтніе; одного здѣсь нѣтъ, а другой тебѣ врученъ, котораго будетъ воспит[ыв]ать наша добрая барышня,—и она, конечно, намъ дастъ добраго господина: какъ ее воспитали, такъ и она его будетъ воспитывать». Мужъ мой сказалъ, что все останется на томъ основаніи, какъ и прежде было. «Я оставлю послѣ себя опекуна, къ которому вы должны относиться обо всемъ». И пошли вонъ.

Мы жили въ деревнѣ двѣ недѣли, и мнѣ хотѣлось прожить шесть недѣль, но мужъ мой сказалъ, что «И безъ тебя отправятъ поминовеніе дядя и тетка» (которые тутъ жили). И такъ, велѣли готовить лошадей, чтобъ на другой день выѣхать¹⁾. Я пошла проститься съ дядей. Они, увидя меня всю въ слезахъ, узнали, что завтра мы рано ѣдемъ. Тетка горько заплакала и сказала: «Ну, мой милый другъ, поѣзжай, Господь съ тобою! Это для тебя еще первый разъ, что прекрасное время не будешь жить въ тихомъ нашемъ уѣзжцѣ, а будешь пользоваться городскими весельями, къ которымъ ты еще не привыкла. Но надо, моя милая, ко всему привыкать и не надо огорчаться. Мужъ твой самъ больше любить общество, нежели уединеніе, то и тебѣ тоже надо любить и такъ жить, какъ ему угодно. Не привыкай дѣлать частые отказы мужу, а скорѣе—соглашайся съ нимъ: никакой мужъ не будетъ требовать того, чего бъ ты сдѣлать не могла. Еще тебѣ скажу: мужъ твой приходилъ вчерась ко мнѣ и просилъ, чтобъ подъ какимъ-нибудь видомъ оставить здѣсь твоего друга—Константиновну. Я ей ужъ и сказала; она, хотя и съ горестію, но согласилась. И тебя прошу—будь благоразумна и не проси, чтобъ она ѣхала съ тобой. Надо непременно съ покорностью подвергнуть себя всѣмъ опытамъ, которые на тебя налагаетъ мужъ. Самымъ твоимъ послушаніемъ и повиновеніемъ ты выиграешь любовь

¹⁾ Августъ 1772 г.

его къ себѣ. Лучше тебѣ скажу: онъ и намъ даль знать, чтобъ мы остались лучше здѣсь. Это видно, что онъ хочетъ тебя ото всего отдалить, что можетъ напомнить о матери твоей. Вижу, что тебѣ горько, и участвую въ твоей горести, но, другъ мой, ты ужъ должна жить подъ его законами. Мы сами такъ дѣлали для мужей; ты ужъ знаешь, сколь долгъ твой великъ и священъ къ мужу, то ты, исполняя его, будешь исполнять и законъ Божій. Главная твоя должность будетъ состоять въ томъ, чтобъ безъ воли его ничего не предпринимать. Вторая твоя должность—любить и почитать мать его и во всемъ требовать отъ нея совѣтовъ и быть къ ней искренней; она добра и умна и будетъ тебѣ давать правила тѣ, которыя и мать твоя, покойница, давала. Старайся, какъ можно, время свое не убивать и не быть въ праздности. Ежели тебѣ будутъ предлагать книги какія-нибудь для прочтенія, то не читай, пока не просмотритъ мать твоя. И когда ужъ она посовѣтуетъ, тогда безопасно можешь пользоваться. Не будь дружна съ племянницей его и не открывай своего сердца ей; и что она будетъ съ тобой говорить, и ежели тебѣ покажется сумнительно или неприятно, то сказывай тихонько матери. Ко всѣмъ его роднымъ старайся быть ласкова и учтива, хотя бъ они къ тебѣ и не таковы были хороши. Не требуй отъ мужа насильно любви къ твоимъ роднымъ: довольно для насъ твоей любви; и не огорчайся, ежели ты увидишь или услышишь, что онъ будетъ отзываться объ насъ при тебѣ невыгодно: оставь это и не защищай; повѣрь, мой другъ, что я это опытомъ все знаю, что теперь тебѣ говорю. Поступай по симъ правиламъ и веди себя такъ, чтобъ совѣсть твоя ничѣмъ тебя не укоряла,—то ты будешь Богу любезна, который тебя во всемъ защититъ и не оставитъ. Ежели захочешь узнать объ насъ, то спросись у мужа, велитъ ли онъ тебѣ къ намъ писать, и, написавши письмо, показывай ему или свекрови, чтобъ и въ этомъ ты себя оправдала. Но ежели, по какимъ-нибудь причинамъ, нельзя тебѣ будетъ писать, то не тревожься: мы всегда будемъ увѣрены въ твоей любви къ намъ, и мы о тебѣ всегда будемъ знать; но ты не предпринимай тихонько къ намъ писать, не дѣлай никакой отъ мужа тайны, а лучше проси свекровь твою,—она можетъ лучше придумать, какъ сдѣлать».

Я все слушала и, наконецъ, сказала: «Какую вы мнѣ сказываете тяжкую должность! Для чего вы прежде моего замужества все это не сказывали? Что за законъ, вышедши замужъ,—и лишиться всего любезнаго? И какъ будто я и не должна ужъ удѣлять любви моей къ моимъ роднымъ! Для чего жъ я ему не запрещаю любить? Ежели бъ онъ не любилъ своихъ ближнихъ, я бъ худыхъ объ немъ была мыслей. Вотъ что вы со мной сдѣлали: сами меня съ собой раздѣлили! Ужъ мнѣ бы гораздо было легче ухъать скорѣе отъ васъ: пусть бы насъ раздѣляла отдаленность и необходимость [не] видѣться съ вами! Но я всѣ ваши на-

ставленія исполню; но тягость съ сердца моего вы снять не можете,—это не въ моей и не въ вашей власти!» Тетка моя встала, обняла меня и сказала: «Теперь пора ужъ намъ съ тобой проститься, мой кроткій ангелъ! Да благословитъ тебя Господь своею милостью и терпѣніемъ!» Дядя ничего не могъ говорить и сидѣлъ все это время, опушта голову. Я поглядѣла на него и увидѣла текуція слезы по щекамъ, бросилась къ нему: «Не плачьте обо мнѣ: я буду счастлива, только молитесь за меня!» Онъ только что прижималъ меня къ себѣ и обливалъ слезами. Тетка меня насилу оторвала отъ него и сказала: «Лучше благословляй ее, а не дѣлай ей горькою разлуку». И такъ я ушла домой.

Вмѣсто того, что положено было ѣхать поутру, мы поѣхали въ ночь, какъ всѣ спали, и никто нашего отъѣзда не видалъ, кромѣ моей бѣдной и горькой няни, которая, прощавшись со мной, была больше мертва, нежели жива, на лицѣ страшная была блѣдность. Она и плакать не могла, и я видѣла, что она шаталась и насилу держалась на ногахъ; глаза были мутные и дикіе, и я жестоко боялась самыхъ дурныхъ послѣдствій. Мужъ ея подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Прости, наша милая и кроткая душа! Дай Богъ, чтобъ ты была столько счастлива, сколько мы тебѣ желаемъ! Пойдемъ, жена, и не будемъ ее больше тревожить!» Прибѣжалъ мальчикъ-пастухъ съ крикомъ: «Дайте мнѣ съ ней проститься! Ежели не дадите, то я умру!» Мужъ мой не хотѣлъ-было, но свекровь сказала: «Это стыдно отнимать отъ нея послѣднее удовольствіе. Мнѣ больно видѣть твою нечувствительность къ ея страданію!» Я въ это время оглянулась и увидѣла мою бѣдную няню, лежащую безъ памяти середь двора. Я закричала: «Пустите меня, Бога ради, послѣдній разъ ее обнять! Я самымъ этимъ возвращу ей жизнь!» Свекровь моя подошла со мной къ ней и привела ее въ чувство, но она говорить не могла. Я ее поцѣловала и сказала: «Береги себя для меня» и подкликала пастуха и просила его, чтобъ онъ пошелъ къ дядѣ и дожидалъ, какъ проснется тетка, и сказалъ бы ей, чтобъ она взяла больную къ себѣ и утѣшила бъ ее, и сохранила бъ: это сдѣлаютъ не ей, а мнѣ и тѣмъ докажутъ мнѣ свою любовь; и чтобъ непременно увѣдомили меня черезъ нарочнаго, въ какомъ она будетъ состояніи. И такъ отправилась я изъ мирнаго моего убѣжища съ полнымъ сердцемъ горести и больше ужъ не была.

Приѣхали въ городъ, начались веселья у насъ въ домѣ, въ которыхъ я не могла участвовать. Племянницу свою взялъ къ себѣ жить. День всѣ вмѣстѣ, а когда расходился спать, то ночью приходила къ намъ его племянница и ложилась съ нами спать. А ежели ей покажется тѣсно, или для другихъ какихъ причинъ, которыхъ я тогда не понимала, меня отправляли спать на канапе. Я же, такъ какъ не могла еще опомниться отъ потери моей, рада была, что я одна и могу на

свободѣ мыслить и рано вставать по привычкѣ моей, чего мнѣ мужъ не позволялъ и велѣлъ не ранѣе съ постели вставать, какъ въ одиннадцатомъ часу. И для меня это была пытка и тоска смертельная—не видѣть восхода солнца и лежать, хотя бѣ я и не спала. И эта жизнь меня довела до такого озлобленія, что я точно потеряла сонъ и аппетитъ, и ни въ чемъ вкусу не имѣла, сдѣлалась худа и желта; и въ такомъ положеніи была недѣли четыре. Свекровь моя сокрушалась обо мнѣ и сама сонъ потеряла, и въ одну ночь захотѣлось ей посмотрѣть, сплю ли я. Вошедши очень тихо, нашла меня лежащую на канапе, а мужа моего съ племянницей; она, увидя, задрожала и вышла вонъ. На другой день пришла ко мнѣ, потому что я ужъ и встать не могла отъ боли головной. И какъ осталась со мной наединѣ, то спросила у меня, почему я сплю на канапе. Я отвѣчала: «Мнѣ сказано, что тѣсно Вѣрѣ Алек. и безокойно, то я и оставляю ей быть покойной, не думая о себѣ». Она заплакала и укорила меня неискренностью моею, что я ей до сихъ поръ ничего не говорила. Я ей отвѣчала, что я сочла сіе лишнимъ. «Да я бы васъ просила, какъ мать и благодѣтельницу мою, чтобъ вы оставили меня здѣсь, когда поѣдете въ Петербургъ. Я ни на что вамъ не надобна, а для другихъ я могу еще быть полезна; и увѣряю васъ, что не буду и жаловаться на вашего сына, а буду винить себя, что я не умѣю ни любить, ни угождать мужу. Какая вамъ будетъ радость видѣть въ мученѣ ту, которую вы любите и которая никакого худа вамъ не сдѣлала и могла бы любить сына вашего, ежели бы онъ захотѣлъ? Сдѣлайте милость,—отвезите меня въ деревню, чтобъ я тамъ умерла въ глазахъ друзей моихъ! И вы, конечно, не откажете въ послѣдней милости побить со мной; мнѣ очень приятно васъ всегда видѣть, и я васъ не меньше люблю моей матери. Вспомните, что при смерти матери моей я вамъ вручена, и, кромѣ васъ, въ мѣрѣ никого у меня нѣтъ: родные мои и друзья всѣ отъ меня отдалены и разлучены со мной!» Она горько плакала и сказала: «Что жъ ты, мой другъ, такъ себя убиваешь? Богъ милостивъ, все можетъ поправить! Будемъ молиться и надѣяться. Мнѣ кажется, мужъ тебя любить; иначе,—на что жъ бы ему и жениться? Его никто не принуждалъ!» — «Мудреная для меня эта любовь! Не всѣ ли такъ любятъ тамъ, куда онъ меня везти хочетъ, и не это ли воспитаніе, которое называютъ лучшимъ и просвѣщеннымъ? На что вы меня вывели изъ моего блаженнаго состоянія и дали такъ рано чувствовать горести сердечныя? Вы знали меня коротко, и знали, что я жила среди друзей и ихъ любовью возростала и веселилась. Что жъ теперь со мной будетъ? Ахъ, какъ бы я желала съединиться съ моей почтенной матерью! Одно еще есть, которое заставляетъ биться сердце мое—любовь къ брату, который во мнѣ все видитъ. Посмотрите за нимъ, милая матушка, и не давайте хоть

ему чувствовать потерю всего!» Она обняла меня и сказала: «Успокойся же, моя неопѣнная дочь и другъ! Ты во мнѣ все найдешь: я все буду съ тобой раздѣлять!» И тотъ день она отъ меня не отходила.

Къ вечеру сдѣлался у меня жаръ и бредъ и, говорятъ, ничѣмъ больше не бредила, какъ звала мать мою и всѣхъ моихъ друзей, чтобъ они меня взяли къ себѣ. Свекровь моя сидѣла цѣлую ночь въ страхѣ и даже въ отчаяніи возлѣ меня, а мужъ мой уѣхалъ на рудники. Поутру позвали штабъ-лѣкаря, который сказалъ, что у меня жестокая и опасная горячка, и онъ сумнѣвается, перенесу ли я. Свекровь бросилась на колѣни передъ нимъ: «Спасите, Бога ради, и употребите всѣ способы къ выздоровленію ея! Вы—другъ ея матери, и надо вамъ знать причину болѣзни ея: сильное потрясеніе во всей, сдѣланное потерей матери ея, и отлученіе друзей сдѣлали эту болѣзнь». И я была двадцать дней безъ надежды! Свекровь моя послала въ деревню, чтобъ привезли няню и чтобъ дядя съ теткой пріѣхали. И я была окружена моими друзьями и не чувствовала, сколько я имъ дѣлала горести! Исповѣдывали меня и пріобщили Святыхъ Таинъ. Въ двадцать первый день я пришла въ память, и первое, что представилось мнѣ,—это была няня и я подумала, что это сонъ, вздохнула и закрыла глаза. На другой день я слышать стала и понимать, что говорятъ. Лѣкарь сказалъ, что теперь есть надежда къ жизни. И, признаться, мнѣ очень неприятно было сіе слышать: я съ радостью бы тогда оставила сей свѣтъ. Увидѣла я и мужа моего, сидящаго въ ногахъ и плачущаго горько. Меня такъ это тронуло, что я силилась поднять руку и подать ему. Онъ примѣтилъ мое движеніе, подошелъ ко мнѣ. Я посмотрѣла на него, взяла его руку и прижала къ сердцу. Онъ упалъ на колѣни и зарыдалъ. Мать моя и родные его уговорили, чтобъ онъ не возобновилъ моей болѣзни своей скорбью. И такъ ужъ я узнала, что всѣ любезные сердцу моему со мной. Спросила о братѣ¹⁾, котораго ко мнѣ тотчасъ и привели. Онъ обнялъ меня и спросилъ: «Теперь ужъ ты не умрешь, и Саша твой не будетъ сирота?»

И такъ, выздоровленіе мое было очень медленно: два мѣсяца я не могла сама ходить; худоба была страшная, и желчь по всей разлилась, и кашель былъ сильный. Лѣкарь опасался чахотки, однако, время-отъ-времени становилось лучше, и въ декабрѣ [1772 г.] я была ужъ совсѣмъ здорова. Мужъ мой во все это время очень мало отлучался отъ меня, и меня его заботы обо мнѣ много успокоивали, и я, сколько могла, старалась ему показать мои чувства: съ какой я радостью принимала его услуги и сколько я благодарна ему. Свекровь и всѣ мои родные радовались моему спокойствію и совершенному выздоровленію.

¹⁾ Александръ Евдокимовичъ Яковлевъ.

Дядя съ теткой уѣхали въ деревню, а няню свекровь моя не пустила; и такъ она съ радостью осталась при мнѣ. Въ одинъ день я спросила у свекрови: «Гдѣ Вѣра Але.?» Она мнѣ сказала: «Не говорите объ ней мнѣ: я не хочу ее видѣть!»

Но не долго продолжалось мое спокойствіе. Вечеромъ я сидѣла въ своей комнатѣ, читала. Мужъ мой пришелъ ко мнѣ и очень ласкалъ меня и спросилъ: «За что ты сердилась на бѣдную Вѣру Але.?» Я ему сказала: напрасно онъ думаетъ, чтобъ я на нее сердилась. «Я даже [у] вашей матушки спрашивала объ ней: она приказала мнѣ замолчать и не поминать объ ней, сказавши, что ее и видѣть не хочу; то вы спросите у ней причину, чѣмъ ее Вѣра Але. прогнѣвала, а я даже не знаю, давно ли она у насъ не была, и почему». Мужъ мой сказалъ. «Съ самаго начала твоей болѣзни она была прибита и выгнана ни за что моей матерью». Меня чрезвычайно удивило сіе. «Зная кротость и добрый нравъ моей свекрови, удивляетъ меня очень сказанное вами, и безъ причины матушка на поступила бѣ съ ней такъ жестоко, а болѣе тѣмъ, что она любимая была ея внучка. Вы бѣ постарались узнать причину и заставить у матушки просить прощенія». Онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я это сдѣлала и просила бѣ за нее, чтобъ позволено было ей жить у насъ до нашего отъѣзда. Я сказала, что мнѣ запрещено объ ней говорить, то я и не смѣю. Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердитымъ видомъ и сказалъ: «Я требую, чтобъ это было исполнено, иначе не получишь отъ меня ни любви, ни ласки, и опять все будетъ отъ тебя отнято. Я сейчасъ ѣду къ ней и ночь тамъ проведу пріятнѣе, нежели здѣсь. Ты думаешь, я не знаю, что это твой затѣи?» Я, заплакавши, отвѣчала, что въ мысляхъ моихъ не было, объ чемъ онъ мнѣ говорилъ: «И вы сами же мнѣ сказываєте, что въ мою болѣзнь она выгнана, то могла ли я тутъ участвовать?» Онъ, ни слова не говоря, уѣхалъ. Свекровь моя дождалась насъ долго и, не дождавшись, вошла ко мнѣ, и, увидя меня одну и расплакану, стала спрашивать. Я ей все разсказала. Она было разгорячилась, но я сказала: «Что жъ вы со мной сдѣлаете, и опять отнимете спокойствіе. Вѣдь онъ будетъ же къ ней ѣздить; онъ и сегодня хотѣлъ тамъ почевать,—то я не знаю, лучше ли вы сдѣлаете? Люди могутъ разгласить о его поведеніи, то вамъ же непріятно будетъ. Ахъ, любезная матушка, на что вы торопились меня сдѣлать несчастной, не узнавши прежде его характера? Къ несчастью моему я вижу, что у него нѣтъ ничего святого. Я боюсь, чтобъ онъ и къ вамъ не потерялъ уваженія; тогда что вы будете дѣлать? Находите теперь средства спасать меня, сколько можно». И я ужъ не знаю, какъ и что было, но черезъ нѣсколько дней явилась Вѣра Але. и совѣмъ жить до нашего отъѣзда, а моя жизнь была вся въ страданіяхъ. Мужъ мой приставилъ за мной смотрительницу свою племянницу, чтобъ безъ нея нигдѣ не

была и ни съ кѣмъ ничего не говорила, думая, что я буду жаловаться. Но у меня и въ намѣреніи не было сего. Свекровь моя ей велѣла, чтобъ она только день съ нами была, а послѣ ужина тотчасъ приходила бѣ въ ея комнату. Но и въ день, гдѣ мы сживали одни, бывали такія мерзости, на которыя невозможно было смотрѣть. Но я принуждена была все выносить, потому, что меня не выпускали. Я отъ стыда, смотря на все это, глаза закрывала и плакала. Наконецъ, и плакать перестала. Я твердое предприняла намѣреніе не жить съ моимъ мужемъ, а остаться въ Сибири, но я молчала до тѣхъ поръ, пока не собиравшись.

Наступилъ Великій постъ, и я, по обыкновенію моему, велѣла готовить рыбу, а для мужа мясо, но онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я непременно ѣла то же, что и онъ ѣстъ. Я его упрасивала и говорила, что я никакъ ѣсть не могу,—совѣсть запрещаетъ, и я считаю за грѣхъ. Онъ началъ смѣяться и говорилъ, что глупо думать, чтобъ быть въ чемъ-нибудь грѣхъ. «И пора тебѣ всѣ глупости оставлять, и я тебѣ приказываю, чтобъ ты ѣла!» И налилъ супу и подалъ. Я нѣсколько разъ приносила ложку ко рту,—и бѣненіе сердца и дрожаніе руки не позволяло донести до рта; наконецъ, стала ѣсть, но не супъ ѣла, а слезы, и получила отъ мужа моего за это ласки и одобреніе; но я весь Великій постъ была въ безпокойствѣ и въ мученіи совѣсти. Настало время приготовляться къ дорогѣ, и положено было по послѣднему пути доѣхать 600 верстъ, гдѣ жили его сестра и зять, и чтобъ тутъ встрѣтить праздникъ и прожить до просухи. Племянница съ нами же просилась и со слезами его упрасивала, и говорила, что она безъ него умретъ. И онъ ей далъ слово, что съ ней не разстанется. Родные мои съѣхались, узнавъ [sic] скорый нашъ отъѣздъ.

Въ одинъ вечеръ мужа моего не было дома. Я пришла къ свекрови и сказала, чтобъ она ничего моего не укладывала. «Я съ ними не поѣду, хотя мнѣ и не легко сіе сдѣлать. Но божусь вамъ, что силъ моихъ не достанетъ къ перенесенію всѣхъ мерзостей! Я столько молода, что боюсь себя, чтобъ не увѣриться, что нѣтъ ни въ чемъ грѣха и ни въ чемъ себѣ не отказывать. Что жъ тогда со мной будетъ? И каково вамъ будетъ смотрѣть на стыдъ вашей дочери и сына? Это васъ можетъ убить. Я вижу, что онъ будетъ показывать обо мнѣ сожалѣніе, но не вѣрьте. Пусть онъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ! Увѣряю васъ, что не буду никому жаловаться, и всѣ будутъ думать больше обо мнѣ и винить меня по молодости моей. Я же знаю, что вы достатку не имѣете и жалованье малое, то я вамъ дамъ вѣрующее письмо къ Демидову, отъ котораго вы получите изъ шестнадцати тысячъ половину. Болѣе я ничего для васъ сдѣлать не могу, а вы мнѣ сдѣлаете вѣчное спокойствіе и докажете, сколько вы милостивы ко мнѣ, что безъ

прекрословія и безъ огорченія оставите ту, которая васъ никогда не перестанетъ любить и почитать и называть своею доброй матерью. Теперь онъ можетъ исполнить свое обѣщаніе, данное Вѣрѣ Ал., чтобъ никогда съ ней не разлучаться. За что же вы хотите меня мучить? Я, кромѣ моей любви и почтенія, вамъ ничего не сдѣлала, но прошу васъ ему за меня не выговаривать, чѣмъ докажете мнѣ послѣднюю вашу любовь. Пусть онъ думаетъ, что я его не люблю, въ чемъ я признаюся вамъ. Не вините меня, что я столь чистосердечно съ вами говорю. Вы сами меня оправдаете, что такого мужа любить невозможно. Вы мнѣ скажете, что я могу себя принудить любить? Этого невозможно. Я вамъ и лстить не хочу такимъ манеромъ: никого нельзя заставить любить. Вотъ, моя почтенная мать, я вамъ все сказала, что было въ сердцѣ моемъ и нарочно говорю при моихъ родныхъ, чтобъ рѣшеніе мое и имъ было извѣстно». Они всѣ стояли, какъ деревянные, а свекровь моя сѣла и молчала, только плакала. Первый дядя мой началъ говорить, что онъ не одобряетъ моего поступка, и чтобъ я вспомнила данное матери моей слово при концѣ жизни ея, «что все будешь выносить и терпѣть». «И ты знаешь ли, мой другъ, противъ кого ты идешь?—противъ Бога. И можешь ли ты разорвать тѣ узы священныхъ, которыми ты соединена на вѣки? И кто тебѣ далъ сіе право располагать твоею участію? Тебя всегда учили предаваться въ волю Спасителя нашего и въ Немъ одномъ искать своего утѣшенія и крѣпости силъ твоихъ. И почему ты знаешь, оставя мужа твоего, будешь ли ты спокойна и счастлива, и не станетъ ли совѣсть твоя тебя укорять? И чему ты подвергаешь свою молодость?—стыду и нареканію. И твои родные будутъ слышать и страдать. И ты безпокоишь прахъ родителей твоихъ. Думаешь ли ты, что они не будутъ страдать, видя тебя нарушающею всѣ должности брака? Это одно должно быть для тебя ужасно, и правосудіе Божіе постигнетъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты одна въ свѣтѣ терпишь такъ много? Повѣрь, моя любезная, гораздо несчастнѣе и хуже есть супружества, и есть такія жены, которыя оставлены самимъ себѣ, безъ друзей, безъ подпоры, а къ тебѣ еще милосердъ Создатель нашъ—далъ тебѣ друга истиннаго въ свекрови твоей,—и ты еще жалуешься!» Мать моя вдругъ бросилась передъ меня на колѣни: «Умоляю тебя прахомъ матери твоей и моей горестью: не веди старость мою во гробъ съ мученіемъ! Я тебя увѣряю, что не поѣдетъ съ нами Вѣра Але. Ежели онъ будетъ усиливаться и я не буду въ силахъ что сдѣлать, то обѣщаю тебѣ не ѣхать съ нимъ, и съ тобой остаться здѣсь». И я сама бросилась къ ней и съ горькими слезами обѣщала ее не оставлять. Дядя и тетка меня обнимали и благословляли за доброе намѣреніе. И такъ, всѣ успокоились, кромѣ меня. Осталась одна недѣля до нашего отъѣзда, и мужъ мой пришелъ къ

матери, поцѣловаль у ней руку и сказалъ: «Я васъ хочу просить объ одной вещи, въ которой не откажите мнѣ». Она сказала: «Въ возможномъ никогда не откажу». Онъ началъ просить, чтобъ Вѣру Але. взять съ собой, которая столько къ намъ привязана. Она отвѣчала, что этого сдѣлать нельзя, и не годится ее везти отъ матери, которая стара и слаба. «Я думаю, она и сама не согласится оставить мать». Онъ сказалъ: «Вы позвольте, а у матери ужъ я выпрошу». Свекровь моя сказала, что она не позволяетъ. Онъ сказалъ: «Ежели вы не соглашаетесь, то я самъ рѣшусь взять: она можетъ тамъ найти свое счастье и за хорошаго человѣка выйти замужъ». Мать моя сказала: «Я тебѣ не могу запретить; ежели ужъ ты прямо говоришь, что безъ нея не поѣдешь, то и я тебѣ объявляю, что я остаюсь здѣсь и жену твою съ тобой не пушу: она безъ меня нигдѣ не можетъ жить. Вотъ тебѣ мое рѣшеніе, и знай, что оно твердо!» Мужъ мой вышелъ очень разсердившись, и что-то они говорили съ племянницей очень долго, и она вышла расплакавши. Мать моя послала за ея матерью и спросила у ней, развѣ она соглашается отпустить дочь свою съ дядей? Она отвѣчала, что ни подъ какимъ видомъ не отпустить. «И съ какой стати ей ѣздить вездѣ съ дядей, оставя мать въ старости!» Позвали племянницу, и, увидя, что она расплакана, спросили, отчего она такъ горька, и мать ей сказала, чтобъ она и не думала о своихъ пустыхъ затѣяхъ и сейчасъ чтобъ собиралась ѣхать съ ней домой. И такъ ее увели. Вечеромъ мой мужъ у меня спрашиваль, знаю ли я рѣшеніе матушки? Я сказала: «Знаю».—«И ты съ ней останешься?»—«Я вамъ не хочу лгать, что я безъ нея нигуда не поѣду, иначе какъ развѣ крайность меня заставить». Онъ усмѣхнулся и сказалъ: «Я знаю, для чего ты здѣсь съ удовольствіемъ остаешься: у тебя былъ женихъ прежде меня, за котораго тебѣ хотѣлось и тебя не отдали, а ты и до сихъ поръ его любишь; то, конечно, тебѣ и пріятнѣе здѣсь остаться». — «Я васъ увѣряю моею искренностью, что я сего не знаю жениха, а кто вамъ сказалъ—тотъ солгалъ, и какъ вы могли повѣрить и утвердиться на этой лжи! Вы спросите у матушки вашей обо мнѣ: она лучше меня знаетъ, нежели другая кто. Я знаю, кто вамъ сказалъ: она судить и говорить по своимъ чувствамъ, но я ничего не боюсь—совѣсть моя чиста предъ Богомъ и передъ вами. Въ томъ только я буду всегда виновата, что не отступлю отъ правилъ вашей матушки и буду поступать такъ, какъ она прикажетъ, бывши увѣрена, что она не пожелаетъ зла сыну и дочери». Онъ, разсердившись, ушелъ со двора.

Какъ бы то ни было, но мы собрались и отправились въ путь ¹⁾, и я не помню, какъ разсталась съ моими друзьями. Бѣдная моя

¹⁾ Мартъ—апрѣль 1773 г.

няня и ходить не могла — такъ ее горестъ ослабила. Наконецъ, мы пріѣхали къ его зятю и сестрѣ, которые насъ приняли очень хорошо, и я ихъ любви и ласки никогда не забуду, особливо зятя, который, видя мою молодость и простоту, старался всю ласку мнѣ показать и мужу моему говорилъ: «Люби ее и береги: она тебѣ будетъ жена добрая и послушная». И точно, мужъ мой началъ дѣлаться время отъ времени лучше и ко мнѣ ласковѣе, и я его начала любить. Въ четыре мѣсяца, которые мы тутъ прожили, я отъ него косога вида не видала, и любовь моя часъ-отъ-часу къ нему умножалась, и онъ это видѣлъ; и добрая моя свекровь радовалась, видя начинающуюся нашу жизнь счастливую. Я столько радовалась своему спокойствію, что и родныхъ своихъ и друга моего ужъ не съ такой горестью вспоминала, а иногда жалѣла только о томъ, что они не видятъ моего благополучія. Братъ мой ¹⁾ меня чрезвычайно утѣшалъ своей привязанностью, и всѣ его чрезвычайно любили, и мужъ мой столько его любилъ, что болѣе и требовать было нельзя, а о матушкѣ и говорить нечего. И его къ ней привязанность была велика.

Оттуда мы поѣхали въ Олонецъ. Пріѣхавши, мужа моего откомандировали на Медвѣжій островъ ²⁾, и я отъ него не отстала. Ѣхали моремъ, заѣзжали къ Солове[цкимъ] чудотво[рцамъ]. Пріѣхавши на островъ, я—женщина одна и безъ дѣвки, но любовь моя къ мужу всѣ препятствія и скуки превозмогала. И дорога была очень безпокойна: шли въ одномъ мѣстѣ пѣшкомъ 12 верстъ, лодки люди на себѣ тащили; по мхамъ, называемымъ «тундра» (сверху мохъ, а внизу вода), то по колѣно ноги уходили въ воду; и я съ радостью всѣ трудности дѣлала съ нимъ! А сей трудный вояжъ былъ по причинѣ большихъ пороговъ, черезъ которые никакъ нельзя было ѣхать въ лодкахъ. И я чрезвычайно утѣшалась, видя мужа моего обо мнѣ заботившагося; и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ ужъ очень было дурно идти, онъ самъ меня на рукахъ несъ. И жили мы на островѣ девять мѣсяцевъ ³⁾, и я ни разу не поскучала, ѣвши гнилой хлѣбъ, пивши соленую воду, стиравши сама бѣлье, и варила на всѣхъ рыбу. Учитель мой былъ одинъ старикъ изъ работниковъ, который оставался со мной, пока выучилъ меня всему. И какъ я ужъ умѣла сама все дѣлать, то и онъ уходилъ на работу, отъ землянки нашей верстахъ въ полтора. Я и одна была весела, сживала въ хорошее время на берегу моря съ книжкой или съ ра-

¹⁾ Александръ Евдокимовичъ; онъ имѣлъ въ это время званіе унтеръ-пиктмейстера и, вмѣстѣ съ двумя другими: Андреемъ Дерябиннымъ и Григоріемъ Петровымъ, былъ прикомандированъ къ Карамышеву (Архивъ Горнаго Департамента).

²⁾ Октябрь 1773 г.

³⁾ До іюня 1774 г.

ботой и дожидалась обѣдать. Увидя ихъ, шедшихъ домой, я съ радостью на встрѣчу бѣжала и обнимала мужа моего, который отвѣчалъ на мои ласки самымъ дружескимъ привѣтствіемъ, что меня болѣе всего занимало и утѣшало. По вечерамъ-то это сѣверное сіяніе; я такого величества никогда не видѣла: являютя на небѣ разные ландшафты—строевія, колонны, дерева разныхъ цвѣтовъ, и въ тихомъ морѣ все это, какъ въ зеркалѣ, видно. И я часто, смотря, вспоминала: «Ахъ, ежели-бы теперь со мной были друзья мои: какъ бы они представили мнѣ величество Божіе, и я бы больше чувствовала радостей»; иногда эта мысль заставляла меня плакать. Одинъ разъ примѣтилъ мой мужъ, что у меня красные глаза и спросилъ, объ чемъ я плакала? Я тотчасъ ему сказала мои мысли: не были онѣ никогда скрыты во внутренности моей отъ него.

Наконецъ, пришло время намъ ѣхать съ острова. Привели намъ оленей; и иначе нельзя было ѣхать, какъ одинъ человекъ въ саняхъ долженъ сидѣть и править оленями. И я одна сѣла, но не умѣла править, часто опрокидывалась, однако, скоро научилась управлять. И такъ мы пріѣхали въ Петрозаводскъ ¹⁾, нашли матушку и брата ²⁾ здоровыхъ. По пріѣздѣ нашемъ мужъ мой отъ дороги хотѣлъ отдохнуть, и начальникъ ³⁾, бывши ему другъ, самъ къ нему пришелъ и вмѣстѣ разсматривали планы, которые сняты были съ рудника, и отчеты, какъ шло дѣло, какія были машины для отливки воды; и не могли ни въ чемъ успѣть, потому что вода натекала изъ моря, и работа была только лѣтомъ, когда солнце не закатывается, а всегда на горизонтѣ, только на четверть часа лучи теряетъ и тогда, значить, ночь. Но осенью и зимой не видно солнца, а тьма ужасная, и четверть часа продолжается день, но и то, какъ темныя сумерки. Это время очень скучно, особливо въ землянкѣ, которая почти вся размокла; и спали вмокрѣ, но я была во все это время такъ здорова, какъ лучше желать нельзя. Людей никого не видали, кромѣ тѣхъ, которые были съ нами лѣтомъ. Пріѣзжалъ къ намъ священникъ, живущій за 60 верстъ, а какъ сдѣлались бури, то и тотъ не ѣздилъ; во всю бытность видѣли одного лопаря, и тому я такъ обрадовалась, какъ будто онъ мой ближній былъ.

По пріѣздѣ, сдѣлалась съ начальникомъ ссора, и мужъ мой грубо съ нимъ говорилъ и ослушался,—то и хотѣли его взять и арестовать, но онъ взялъ пистолеты и сказалъ: «Кто притронется—перваго за-

¹⁾ Въ іюнь 1774 г.

²⁾ Александра Евдокимовича Яковлева и Авдотью Карамышеву.

³⁾ Начальникомъ Олонецкихъ Петровскихъ заводовъ въ это время былъ оберъ-бергмейстеръ Аникита Сергѣевичъ Ярцовъ; онъ умеръ въ 1819 г. въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника.

стрѣлю!» И на другой день онъ былъ въ гостяхъ и оттуда его взяли и свели на гауптвахту. Я за нимъ же пошла и сидѣла съ нимъ недѣлю. Между тѣмъ, рапортовалъ начальникъ въ Петербургъ, и прислано, чтобъ мужа моего отправить самого къ главнымъ начальникамъ и отдать ему шпагу. Стали мужу моему отдавать шпагу и объявили, чтобъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ и чтобъ въ 24 часа выѣхалъ и сдалъ бы команду и находящагося при немъ унтеръ-офицера Деря[бина]¹⁾. Онъ отвѣчалъ: «У меня его нѣтъ, а онъ отправленъ въ Петербургъ съ планами», а они были увѣрены, что онъ у насъ. И такъ его спрятали въ шкафъ, подъ платье. Пришли обыскивать и искали, гдѣ только можно, и мужъ мой не запрещалъ, но нигдѣ не нашли и поставили караулъ, чтобъ смотрѣть, какъ будемъ укладываться. Это было лѣтомъ; и уложили все въ коляску и въ кибитку. Солдаты тутъ стояли и смотрѣли. Последнее осталось нести постель, въ которую и завернули Деря[бина] и благополучно положили въ коляску и уѣхали. Свекровь моя осталась съ братомъ въ заводѣ.

Пріѣхали въ Петербургъ²⁾ прямо въ домъ Михаила Матвѣевича³⁾, который былъ вице-президентомъ Бергъ-Коллеги. За ссору мужу моему дальняго ничего не было и за увозъ унтеръ-офицера. Начальники обоихъ любили и видѣли, что оба неправы, и унтеръ-офицера опредѣлили при Александрѣ Матвѣевичѣ, который назначенъ былъ⁴⁾ въ Горный Корпусъ по химической части.

И такъ, началась для меня совсѣмъ новая жизнь, и мои благодѣтели, увидя мою молодость, взяли меня, какъ дочь и начали воспитывать. Начались мои упражненія, и мнѣ совѣтовали, чтобъ все мое время было въ занятіи, да и назначили мнѣ, когда вставать и когда приниматься за работу. Раннее вставанье было ужъ для меня сначала тяжело, потому что мужъ мой приучилъ ужъ поздно вставать и, не умывшись, въ постели пить чай. Даже я отучена была и Богу молиться,—считывали это ненужнымъ; въ церковь мало ходила; данныя мнѣ правила матери моей совершенно стала забывать; о бѣдныхъ и несчастныхъ ниже когда вспомнила, да мнѣ и не представлялись даже случаи къ тому. Живши у моихъ почтенныхъ благодѣтелей,

¹⁾ См. выше; не былъ ли это Андрей Федоровичъ Дерябинъ, впоследствии известный горновѣдъ, директоръ Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а потомъ—Горнаго Корпуса, д. с. с.; умеръ 26-го іюня 1820 г. въ г. Гомелѣ, гдѣ управлялъ фабриками кавцлера гр. Н. П. Румянцева.

²⁾ 30-го іюня 1774 г.

³⁾ Хераскова, (род. 1733, ум. 1807 г.). О частной жизни его см. любопытныя подробности въ „Москвитянинѣ“ 1850 г. (перепечатаны въ Русск. Архивѣ 1879 г.).

⁴⁾ 26-го іюля 1774 г.

все было возобновлено. Приучили рано вставать, молиться Богу, утро заниматься хорошей книгой, которыя мнѣ давали, а не сама выбирала. Къ счастью, я еще не имѣла случая читать романовъ, да и не слышывала имени сего. Случилось, разъ начали говорить о вышедшихъ вновь книгахъ и помянули романъ, и я ужъ нѣсколько разъ слышала. Наконецъ, спросила у Елизаветы Васильевны¹⁾, о какомъ она все говорить Романѣ, а я его у нихъ никогда не вижу. Тутъ мнѣ ужъ было сказано, что не о человѣкѣ говорили, а о книгахъ, которыя такъ называются; «но тебѣ ихъ читать рано и не хорошо». И они, увидя мою дѣтскую невинность и во всемъ большое незнаніе, особливо, что принадлежитъ къ свѣтскому обхожденію, начали меня удалять; когда у нихъ бывало много гостей,—и я сиживала у моего благодѣтеля и отца, хотя мнѣ сначала и грустно было. Въ гости никуда не брали, ни въ театры, ни на гулянья. Мужъ мой тогда никакой власти надо мной не имѣлъ, и онъ былъ цѣлый день въ Корпусѣ; такъ какъ онъ заводился вновь, то и дѣла было много.

Для меня сіе воспитаніе было совсѣмъ новое: говорили, что не все надо говорить, что думаешь; не вѣрить слишкомъ тѣмъ, которые ласкаютъ много; не слушать тѣхъ мужчинъ, которые будутъ хвалить, и ни съ какимъ мужчиной не быть въ тѣсной дружбѣ; не выбирать знакомства по своему вкусу; любить больше тѣхъ, которые будутъ открывать твои пороки, и благодарить. «И эти-то прямые твои друзья. Ты теперь здѣсь, кромѣ насъ, никого не имѣешь — и мы твои друзья. И я, видя тебя, что ты воспитана въ благонравіи,—ндравъ твой, кажется, кроткій и мягкій,—то я увѣренъ, что ты меня будешь любить и открывать мысли свои, намѣренія и даже самыя малѣйшія движенія сердца твоего, разговоры твои съ кѣмъ бы то ни было, особливо съ мужчинами. Не страшись моей строгости: ты найдешь во мнѣ нѣжнаго отца и друга, который что и будетъ тебѣ дѣлать неприятное, то это все для твоего же блага и будущаго счастья. О учтивости и ласкѣ ко всѣмъ я тебѣ не говорю, потому что въ тебѣ это есть». Спросилъ у меня, какъ я воспитана и какія даны мнѣ правила, чѣмъ я занималась и какъ мое время было распределено. Я ему все рассказала. Онъ обнялъ меня и сказалъ: «Благодари твоихъ добрыхъ и почтенныхъ наставницъ и молись за нихъ и не забывай никогда ихъ наставленіевъ; старайся непременно всякое утро молиться, испрашивая Его милосердія; и вечеромъ приноси благодарность за проведенный день; начинай всякое дѣло, испрося у Создателя своего помощи. Твое шестивіе въ мірѣ теперь только начинается, и путь, по ко-

¹⁾ Хераскова, супруга Михаила Матвѣевича, рожд. Неронова (род. 1737 † 1809 г.), писательница.

тому ты пойдешь, очень скользокъ; безъ путеводаителя упадешь, мой другъ. Теперь—я твой путеводаитель, данный тебѣ Богомъ. Счастливъ тотъ человекъ, который въ молодости не самъ идетъ, а есть проводникъ! Избираешь-ли ты меня въ свои друзья и вѣришь ли этому, что я тебѣ буду нѣжнымъ отцомъ?» Я заплакала и взяла его руку, которую прижала крѣпко къ сердцу моему: «Пока оно будетъ биться, не перестанетъ васъ любить и называть милымъ отцомъ и наставникомъ юности моей!»

Тогда мнѣ былъ пятнадцатый годъ, и съ самаго того дня я была въ полной его власти. И сказано мнѣ было, что отъ меня будутъ требовать непосредственного и неограниченнаго повиновенія, покорности, смиренія, кротости и терпѣнія, и чтобъ я не дѣлала никакихъ разсужденій, а только бѣ слушала, молчала и повиновалась. Я все обѣщала...

Тогда, какъ мы пріѣхали, они жили на дачѣ; семейство ихъ было превеликое, но согласіе между ими такое, какого я не только видѣть,—но не слыхала. Старшій въ семействѣ былъ тотъ, котораго я называла отцомъ¹⁾. На дачѣ мнѣ было весело; еще со мною работы настоящей не начинали, а знакомили со всѣми родными и друзьями. Сіе продолжалось три мѣсяца, и я всѣмъ сдѣлалась любимицей; меня не могли больше родные любить, и я, кромѣ радостей, ничего не видѣла. Отписала къ моей свекрови, гдѣ я и что со мною происходитъ,—и все подробно было ей описано. Она была чрезвычайно рада и писала къ моимъ благодѣтелямъ самое чувствительное письмо и вручала меня ихъ покровительству. «Я теперь спокойна», говорила она: «обстоятельства мои, можетъ быть, и на долго меня съ ней разлучать, но я знаю, что она въ добрыхъ рукахъ». Наконецъ, мы переѣхали въ городъ, гдѣ ужъ прямо началось мое воспитаніе, и было для меня чрезвычайно тяжело, такъ что я—хоть бы и оставить ихъ. Это и видѣлъ мой благодѣтель, но не терялъ надежды и не оставлялъ меня исправлять. У нихъ же часто очень бывали гости и было очень весело, но меня тутъ не было никогда, а только я ихъ и видѣла, какъ за обѣдомъ и за ужиномъ. Развѣ, когда были чьи именины или званый балъ,—тогда мнѣ позволялось быть, но не далѣе, какъ до двѣнадцати часовъ. И это ужъ было очень поздно для меня; и какъ я начинала прощаться со всѣми, то они жалѣли обо мнѣ, и я съ огорченіемъ скорѣе уходила. Бывали такія времена и я такъ была зла, что желала смерти моему благодѣтелю. Любить его я долго не могла, а страхъ заставлялъ меня и стыдъ дѣлать ему угодное. Онъ часто меня стыдилъ при всѣхъ, рассказывая мои глупости, но черезъ семь или восемь мѣсяцевъ я начинала чувствовать

¹⁾ М. М. Херасковъ.

къ нему любовь,—и дель-ото-дня—возрастала моя привязанность и чистосердечіе. Наконецъ, я ужъ и говорить стала, что мнѣ хотѣлось бы выйти туда, гдѣ гости. Онъ съ кротостью мнѣ говорилъ: «Для чего ты, мой другъ, этого хочешь? Ежели бы это было для тебя полезно,—я самъ бы тебѣ предложилъ. Будетъ время, въ которое дадутся тебѣ всѣ удовольствія, которыя ужъ тебя не развлекутъ, и ты будешь ими наслаждаться. Кто рано начинаетъ жить въ вихрѣ, тотъ скоро закружится. Не препятствуй мнѣ дѣлать то, что я лучше знаю и далѣе тебя вижу!» Я съ удовольствіемъ ужъ соглашалась на все и безъ огорченія, и, наконецъ, такъ привыкла, что меня ужъ и не прельщало то, что я видѣла. И очень долго ужъ я была въ этомъ опытѣ, и онъ увѣрился совершенно въ моей любви и искренности, и первый разъ самъ меня вывезъ въ театръ, гдѣ все меня удивляло и веселило. Пріѣхавши домой, у меня все живо было, и наполнена голова моя была тѣмъ, что я видѣла и слышала. Тогда играли «Честнаго преступника»¹⁾, а игралъ Дмитревской²⁾,—и надолго у меня это веселье осталось. И опять долго очень никуда не возили, однако, ужъ я чаще бывала съ людьми и сживалась съ работой тамъ, гдѣ и всѣ, и пріучалась къ обхожденію, разговаривала съ мужчинами и должна была все пересказать, что съ кѣмъ говорила и при томъ получала самыя полезныя для меня замѣчанія и наставленія. И такъ время мое протекало въ самыхъ наиприятнѣйшихъ занятіяхъ.

Я ужъ жила около двухъ лѣтъ, какъ сдѣлалось турецкое замиреніе³⁾,—и возвратилось много родныхъ изъ похода, которые и жили въ одномъ домѣ съ нами. Благодѣтели мои меня рекомендовали, какъ дочь,—такъ они меня называли, и я была счастлива во всѣхъ.

¹⁾ „Честной преступникъ, или дѣтская къ родителямъ любовь, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненная Фальберомъ Фалбриджемъ“, переведена съ французскаго языка И. А. Дмитревскимъ и издана въ Петербургѣ въ 1772 году. „Сколь она почтенна на російскихъ театрахъ, каждой охотникъ извѣстенъ, паче же славной нашъ придворной російской актеръ г. Дмитревской, къ пущей красотѣ піесы изобразилъ первой характеръ въ чрезвычайности; представлена была въ первый разъ на Московскомъ театрѣ 1771 г. въ сентябрѣ“ „Драматическій Словарь“, изд. СПб. 1880, стр. 155—156.

²⁾ Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій, извѣстный актеръ, писатель и переводчикъ (род. въ 1736 г., ум. 27-го октября 1821 г.).

³⁾ Анна Евдокимовна немного ошибается: не „около двухъ лѣтъ“, а съ небольшимъ годъ прошелъ къ этому времени: она повѣствуетъ про 1775 г.; а „турецкое замиреніе“, т. е. Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ, состоялось еще 10-го іюля 1774 г.; такъ какъ это было тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, то здѣсь слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть торжества, бывшія въ Москвѣ и Петербургѣ 10-го іюля 1775 года по случаю ратификаціи договора султаномъ 13-го января 1775 года.

Все меня сердечно полюбили; мужъ мой не меньше былъ любимъ всею семействомъ. И тогда, могу сказать, что я была слишкомъ счастлива,— и желать мнѣ ничего не оставалось. Я тогда только была печальна, когда кто-либо изъ моихъ благодѣтелей нездоровъ, а особливо мой отецъ. Тогда, какія бы веселости ни были, я никакъ не хотѣла ѣхать, чтобъ онъ не одинъ дома былъ. И мнѣ гораздо пріятнѣе было съ нимъ болынымъ быть, нежели въ большой компаніи. И я видѣла его сердечное удовольствіе, какъ онъ радовался и утѣшался моею привязанностью къ себѣ и оказывалъ мнѣ самыя отеческія ласки и любовь. Когда же я бывала больна, то его безпокойство ни съ чѣмъ нельзя сравнить было тогда, и, лучше сказать, всего семейства, хотя я никогда не бывала опасно больна, живши у нихъ. Но по любви ко мнѣ имъ ужъ казалось, что всякая болѣзнь моя къ смерти, и я, видя ихъ безпокойство, ужъ часто и не сказывала, когда у меня болитъ голова или желудокъ. Но и тутъ не могла имъ доставить спокойствія: или на лицѣ примѣтять блѣдность, или жаръ и томность въ глазахъ, то и начнутъ спрашивать: «Ты вѣрно больна и намъ не сказываешь?» Мужъ мой часто смѣивался ихъ безпокойству и говорилъ: «Вы ее у меня такъ избалуете, что мнѣ послѣ съ ней не сладить». И благодѣтель мой всегда на него разсердится и скажетъ: «Ты глупъ и не знаешь цѣны этому ангелу!» И часто у меня спрашивалъ: «Любить ли тебя мужъ?» Я ему говорила: «За что жъ ему меня не любить? Я сама его очень люблю»— и я говорила правду: тогда онъ велъ себя очень хорошо и меня любилъ. Знакомство его было только съ тѣми, кто къ нимъ ѣздилъ.

Случилось въ одинъ день, поутру, мнѣ сидѣть въ гостиной съ работою. Входитъ одинъ изъ племянниковъ¹⁾ и, подошедши ко мнѣ, поздоровался и, не помню, что-то сказалъ на ухо, не хотя говорить при лакеѣ. Я ему сказала, чтобъ впередъ этого не дѣлалъ—батюшка не любить, чтобъ шептали. «Да, вѣдь, его здѣсь нѣтъ!»—«Мнѣ все равно, здѣсь ли онъ, или нѣтъ, я и безъ него не хочу дѣлать ему неудобнаго!»

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ.

«Ваше повиновеніе и осторожность меня удивляютъ».—«Кажется, дивитесь нечему. Вамъ тому только можно бы было удивляться, ежели бы я не вела себя такъ, какъ должно, и не поступала по тѣмъ правиламъ, какія я въ здѣшнемъ домѣ получила». Входитъ Елисавета Васильевна и тутъ же садится. Племянникъ ея что-то съ ней началъ говорить очень тихо, а я, примѣтя, что могу помѣшать, вышла вонъ и

¹⁾ Или старшій сынъ его брата Петра Матвѣевича Хераскова Романъ Петровичъ (род. 18-го окт. 1760, ум. 5-го дек. 1826 г., погребенъ въ Черемнецкомъ монастырѣ, въ Лужскомъ уѣздѣ), арміи маіоръ, затѣмъ коллежскій ассесоръ, депутатъ Лужскаго уѣзда (1816 г.), женатый на Авд. Степ. Рыкачевой; или мужъ одной изъ племянницъ, которыхъ у М. М. Хераскова было много.

черезъ нѣсколько времени опять пришла и сѣла за работу. Елисавета Васильевна подошла ко мнѣ и, ни слова не говоря, начала меня обнимать и цѣловать и называла меня неоцѣненной своей дитятей; и я, отвѣчавши на ея материнскія ласки, со слезами сказала: «И вы—моя неоцѣненная мать и благодѣтельница!» Наступилъ часъ обѣда, и сѣли за столъ. Я примѣтила, что мой благодѣтель на меня непріятными глазами смотритъ. Я тотчасъ догадалась, что вѣрно онъ какъ-нибудь видѣлъ, какъ мнѣ на ухо говорили. Отобѣдавши, я обыкновенно ходила къ нему въ кабинетъ. Вошедши за нимъ, я спросила: «Здоровы ли вы?»—«Я здоровъ. Что вы мнѣ скажете, какъ утро провели: весело ли?» Я сказала: «По обыкновенію—очень хорошо». Онъ очень пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ: «Больше вы мнѣ ничего не скажете?»—«Нѣтъ, батюшка, нечего сказать. Мнѣ кажется, вы мной недовольны, то сдѣлайте милость,—скажите мнѣ!»—«А вы сами не знаете ничего?» И у меня какъ будто какая тягость на языкѣ сдѣлалась, что я, зная свою вину, не хотѣла признаться и повторила прежній отвѣтъ. «Такъ мнѣ и спрашивать нечего! Извольте идти и приниматься за работу! Намъ съ вами сегодня говорить нечего!» И такъ, я ушла и сама себя внутренно бранила, для чего я не сказала и рѣшилась вечеромъ сказать. Пришелъ и вечеръ. Я пошла съ нимъ проститься и испросить благословенія, что я и всегда дѣлала. Онъ очень сухо со мной простился и не благословилъ, а мое упорство продолжалось и, опять ничего не сказавши, ушла и легла спать, но цѣлую ночь не могла спать, такъ меня мучила неискренность моя! Вставши, по утру, рано, не заходя ни къ кому, прямо въ кабинетъ пришла и со слезами бросилась къ нему: «Отецъ мой, я васъ огорчила, и знаю—чѣмъ, но я не виновата»—и рассказала все ему и увѣряла его, что всю правду открыла. «Я не выйду отъ васъ! Спросите у него, какъ было, и точно ли такъ, какъ я вамъ сказала!» Онъ обнялъ меня и сказалъ: «Я вѣрю тебѣ, другъ мой, и хвалю тебя за благоразуміе твое. Но для чего ты не хотѣла мнѣ сказать?»—«Я сама не знаю; простите меня, я довольно наказана мученіемъ, которое мнѣ спать не дало всю ночь».—«Вотъ, мой другъ, ты и это испытала, какъ дурно скрывать отъ тѣхъ, которыми ты дорожишь. И я не меньше тебя безпокоился, но теперь все кончилось, и я увѣренъ, что это послѣдній разъ». Я спросила у него: «Кто вамъ это сказалъ?»—«Никто. Я самъ видѣлъ, стоя у дверей. Знай, моя любезная: мои глаза и уши всегда тамъ, гдѣ ты».

Съ того времени я ничего не скрывала происходящаго въ сердцѣ моемъ и видѣла къ себѣ привязанность племянника моей благодѣтельницы, и чѣмъ больше его узнавала, тѣмъ больше его любила. И, наконецъ, онъ сдѣлался моимъ и мужа моего другомъ, что онъ и послѣ во многихъ случаяхъ намъ показывалъ. Наконецъ, ему было

надо на нѣсколько мѣсяцевъ съѣздить видѣться съ матерью, и я очень грустила, съ нимъ разставаясь. Пришелъ тотъ день, въ который ему должно было ѣхать. Всѣ его жалѣли и всѣ грустили тетка плакала. Стали прощаться; онъ подошелъ и обнялъ меня, назвавши мной сестрой, и уѣхалъ. Мнѣ такъ сдѣлалось скучно, что невольнымъ образомъ полились слезы, и я ихъ не скрывала. Благодаритель; мой, примѣтя, позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, и я съ радостью пошла за нимъ. Онъ спросилъ у меня: «Объ чемъ ты, мой другъ, плачешь?»— «Объ уѣхавшемъ другѣ, который столько меня любитъ».— «Для чего же другіе объ немъ не плачутъ?»— «Видно, они не умѣютъ такъ любить и чувствовать».— «Я знаю, что онъ слишкомъ много всеми нами любимъ и достоинъ этого. Остались здѣсь другіе племянники, которые также тебя любятъ и могутъ тебѣ быть друзьями».— «Нѣтъ, отецъ мой, они, конечно, меня любятъ, но я ихъ такъ много не могу любить, и они мнѣ не замѣняютъ его».— «Вѣдь, онъ уѣхалъ не на долго».— «Знаю; это только меня и утѣшаетъ, и меня будетъ очень веселить то время, въ которое мы его ожидать будемъ».— «Не можетъ ли, мой милый другъ, выйти изъ этой дружбы что-нибудь неприятнаго (sic) для тебя же самой? Какъ ты думаешь?»— «Я, кромѣ сердечнаго удовольствія, ничего не представляю и не знаю, какимъ тутъ быть неприяностямъ».— «А я такъ предвижу. Скажи мнѣ, по любви ли ты шла замужъ и съ удовольствіемъ ли?»— «Я не ненавидѣла и не была привязана, а исполняла волю матери моей и вышла за него».— «А ежели бы онъ, [не] взявши тебя, куда-нибудь уѣхалъ,—жалѣла ли бы ты объ немъ и стала ли бы плакать?»— «Нѣтъ, и тосковать бы не стала».— «Почему жъ такъ?»— «Потому, что я привязанности сильной не имѣла, да и онъ со мной неласково обходился».— «Стало, ты еще прямо никого не любила и не знаешь, какъ любить».— «Ахъ, знаю и очень; да я васъ люблю,—вы сами знаете».— «Это другая любовь, мой другъ: ты меня любишь, какъ отца и друга».— «А какъ же еще надо любить и какая другая есть любовь?»— «Скажи мнѣ: покойно ли ты любишь уѣхавшаго друга? Когда его нѣтъ,—что ты чувствуешь?»— «Скуку».— «А когда онъ съ тобой?»— «Какое-то пріятное чувство, но, правда, и безпокойствіе; мудреное—я вамъ не могу пересказать».— «Ты сказала, что ты и меня очень любишь, чему я вѣрю; но, сидя со мной, что ты чувствуешь?»— «Истинное удовольствіе быть съ вами!»— «Покойна ли ты тогда?»— «Очень!»— «Ежели меня нѣтъ дома,—тогда что?»— «Я тогда сижу съ благодарительницей моей».— «И не грустишь?»— «Нѣтъ, зная, что вы здоровы и покойны!»— «Почему жъ къ другу твоему любовь такъ тебя безпокоитъ? Ты его люби такъ же, какъ и меня любишь. Мнѣ кажется, по твоимъ словамъ—между той и другой любовью великая есть разница. Подумай и скажи мнѣ, какъ тебѣ кажется?» Я долго молчала, наконецъ, сказала:

«Это правда. Но, что жъ это значитъ? Не то ли, что я недавно слышала, говорили,—а кто—не знаю,—что онъ въ нее влюбленъ и она также, но говорили такъ, что эту любовь какъ будто не одобряли; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось».— «Я только тебѣ скажу, что ежели бы ты не была за-мужемъ, то я бъ старался тотчасъ отдать за друга твоего, а какъ ты ужъ имѣешь мужа и мужа достойнаго, то вся твоя любовь должна къ нему быть. А эта любовь, которую ты чувствуешь къ другому, можетъ разорвать союзъ столь священный, какимъ ты ужъ соединена. И сколько-бъ она принесла горести и стыда мужу твоему, а тебѣ самой—вѣчный стыдъ и укореиіе совѣсти! Я тебя прошу, моя милая, остерегаться допускать въ сердце твое, мягкое и невинное, ничего не позволеннаго. Старайся друга твоего любить любовью тихой и непостыдной; старайся не быть съ нимъ никогда на-единѣ». Я, слушая его, такъ испугалась, что цвѣтъ лица тотчасъ перемѣнился, и я молчала. Онъ спросилъ, что я въ такой горести: «Не больно ли тебѣ, что ты не можешь такъ любить?»— «Нѣтъ, отецъ мой, увѣряю васъ, что теперь очень буду остерегаться, чтобъ не довести себя до посрамленія и не потерять вашей любви. Вы мнѣ открыли глаза, и я, разобравши все это, очень испугалась, увидя, что безъ помощи вашей я бъ этого не увидѣла и была бъ несчастна и мужа бы моего сдѣлала, можетъ быть, несчастнымъ. Для чего вы мнѣ давно не сказали? Вѣдь, вы видѣли; я не скрывала моей привязанности къ другу нашему!»— «Я не воображалъ, мой другъ, чтобъ мои замѣчанія были справедливы, и не смѣлъ тебѣ говорить, чтобъ не оскорбить чувствительность твою, а отъѣздъ его мнѣ больше открылъ въ тебѣ,—что происходитъ въ твоемъ сердцѣ. Не сокрушайся только, будь тверда и добродѣтельна и убѣгай ото всего того, что можетъ возмутить твое спокойствіе».

Тогда мнѣ былъ ужъ восемнадцатый годъ и я чувствовала очень милости Божіи посланіемъ мнѣ такого благодарителя и наставника, который умѣлъ видѣть въ глубину моего сердца и который умѣлъ мнѣ всѣ пороки показать ужасными и утвердить въ добродѣтели. Что бъ я была безъ него? Онъ меня сохранялъ, какъ слабый цвѣтокъ отъ вѣтру. Я даже и отъ того сохранена была, что мнѣ никто никогда не говаривалъ и не льстилъ, какъ обыкновенно водится—говорять молодымъ женщинамъ и выхваляютъ хорошее лицо, къ лицу уборку,—а только я слышала, что всѣ меня называли: «милая наша, кроткая наша», и не было во всемъ ихъ семействѣ челоуѣка, кто бъ меня истинно не любилъ; всѣ меня охраняли и предостерегали.

Наступало время пріѣзда племянника ихъ, но я была спокойна. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ такое время, когда я была больна и лежала въ постели. Мужа моего дома не было: онъ былъ въ посылкѣ не на

долго и не далеко ¹⁾). Пришелъ ко мнѣ мой благодѣтель и сказалъ о прїѣздѣ и спросилъ, хочу ли я видѣть? Я сказала: какъ онъ за лучшее найдетъ, такъ и будетъ сдѣлано. «Но не опасайтесь: я истинно говорю, что я очень спокойна!» Однако, я не видала его, пока ужъ стало мнѣ лучше, и я стала въ другую комнату выходить,—тогда онъ пришелъ со мной увидѣться. Радъ очень былъ, что я выздоровѣла, и сказалъ: «Грустно мнѣ очень было слушать, что другъ мой боленъ, и мнѣ нельзя видѣть». Я сказала: «Очень увѣрена, что вы, любя моего мужа и считая его другомъ, конечно и въ женѣ его возьмете участіе, за что и онъ много вамъ благодарны». И съ тѣхъ поръ я, какъ только можно, съ благопристойностью отдаляла всѣ случаи быть съ нимъ. Онъ очень замѣтилъ сіе, но почтеніе его ко мнѣ никогда не терялось. Прїѣхала и свекровь моя, которая, увидя все семейство, не знала, какъ благодарить. Брата моего отдали въ корпусъ.

Благополучіе мое приходило къ концу; благодѣтели мои начали собираться въ Москву, но не такъ скоро еще ²⁾, но у меня упало сердце и куда веселость моя пропала? Тоска и замираніе сердца мучили меня, и я вспомнить не могла, какъ останусь и что со мной будетъ? Съ приближеніемъ времени разлуки начала я очень увядать, потеряла сонъ и аппетитъ, пропалъ румянецъ, такъ что всѣ обо мнѣ страдали и увѣряли меня, что всѣ ихъ оставшіеся родные меня не оставятъ, въ чемъ и я была увѣрена. Но замѣнять ли они мнѣ ихъ? Оставалось ужъ самое короткое время, въ которое я еще съ ними могла быть. Мужъ мой и квартиру нанялъ, но я не хотѣла въѣхать въ нее, пока не уѣдутъ мои благодѣтели. Наканунѣ ихъ отъѣзда я спать не пошла, и благодѣтель мой далъ мнѣ послѣднее наставленіе, какъ мнѣ жить. Знакомство мое ограничилъ тѣми, съ которыми ужъ я была знакома; мужу моему сказалъ, чтобъ не заводитъ новаго знакомства, особливо неизвѣстнаго, а мнѣ сказалъ: «Ты, мой другъ, столько благоразумна, что, не спросясь и не посоветовавшись съ твоей матерью, ничего не будешь дѣлать. Она—добрая, умная и тебя любить»; выслалъ всѣхъ вонъ, оставилъ меня одну: «Я съ горестью расстаюсь, дочь моя, съ тобой; успокойся и послушай меня. Ты теперь только начинаешь жить съ мужемъ, и я вижу, что неизвѣстенъ тебѣ его и нравъ и склонности,—то я тебѣ скажу. Онъ любитъ большія и шумныя общества; карты—его страсть и другой порокъ—не лучше картъ,—то безъ насъ его некому

удерживать: онъ тотчасъ найдетъ компанію, которая по его склонностямъ, и ты его отвести отъ сего не можешь, но, какъ невозможно, удаляйся отъ сихъ обществъ! Часто будутъ собранія и у васъ—я это предвижу, но ты удаляйся въ свой уголокъ и занимайся работой или чтеніемъ. Говори ему дружески и съ кротостью, чтобъ онъ оставлялъ пороки. Но, ежели ты примѣтишь, что ему неприятно—оставь и проси Бога, чтобъ Онъ его спасъ. Нельзя тебѣ и этого не сказать, что еще можетъ быть, хотя я и огорчу твое кроткое и невинное сердце: онъ, можетъ быть, будетъ имѣть любовницъ и тебѣ будутъ сказывать его же сообщники нарочно, чтобъ разстроить тебя съ нимъ,—не вѣрь, а ежели и увѣришься, то имъ не показывай и мужу никакъ не говори объ этомъ порокѣ, хотя тебѣ и горько будетъ. Оставляй его въ тѣхъ мысляхъ, что будто ты и не подозрѣваешь его. Онъ самъ не будетъ смѣть обнаружить и будетъ таиться отъ тебя и почитать тебя будетъ. Это только и можетъ одно избавить васъ обоихъ отъ явныхъ ссоръ; но какъ скоро ты дашь ему чувствовать, что ты знаешь, то сама поможешь ему снять маску, и онъ будетъ развязанъ и дома имѣть не постыдится эту для тебя неприятность; но тебя прошу, моя неоцѣненная дочь, будь добродѣтельна и веди себя такъ, чтобъ онъ тебя ничѣмъ укорить не могъ и чтобъ ты могла составить его славу и честь. Онъ тебѣ не сдѣлаетъ своимъ поведеніемъ стыдъ и не отниметъ твоей чести, а возвыситъ твою добродѣтель и сдѣлаетъ тебя у всѣхъ почтенной и любезной. Но ежели ты споткнешься и войдешь въ порокъ, то обезчестишь его и себя и у всѣхъ будешь въ презрѣніи. Не жалуйся на него никому: помочь тебѣ никто не можетъ. Защищай его всегда, ежели при тебѣ кто объ немъ будетъ дурно говорить; послѣ сего никто не будетъ смѣть ничего тебѣ говорить. Скуку твою провождай не разсѣяніемъ, но трудами и чтеніемъ полезныхъ книгъ. Опасайся читать романы: они тебѣ не принесутъ пользы, а вредъ сдѣлать могутъ. Книги ты можешь получать у моего брата ¹⁾, который знаетъ, какія тебѣ давать. Свекровь почитай и люби и совѣтуйся съ ней, а чего нельзя съ ней говорить и захочешь ее пощадить въ разсужденіи сына ея, то молчи, ежели можно. Да хотя ты и не будешь ей сказывать, она сама будетъ видѣть. Родныхъ моихъ не оставляй, ѣзди къ нимъ,—они всѣ тебя очень любятъ; у брата моего бывай чаще, который тебя не меньше меня любитъ и который не отречется и совѣтъ тебѣ подать. [На] деньги, которыя за тобой есть, старайся купить домъ; по крайней мѣрѣ, будетъ

¹⁾ А. М. Карамышевъ, по приказанію Бергъ-Коллегіи, съ января по октябрь 1776 года находился въ командировкѣ въ Москву (Архивъ Горваго Департамента).

²⁾ Еще 10-го іюля 1775 г. Херасковъ былъ уволенъ отъ должности вице-президента Бергъ-Коллегіи, но въ Москву переѣхалъ нѣсколько позже.

¹⁾ У Хераскова было два брата: Александръ Матвѣвичъ, умершій въ чинѣ генераль-поручика и бывший президентомъ Ревизіонъ-Коллегіи (въ Москвѣ), и Петръ Матвѣвичъ, служившій въ Банковой С.-Петербургской Конторѣ для дворянства.

свой уголокъ. Я боюсь, чтобъ не поставлены были деньги на карту. Теперь же онъ любимъ Потемкинымъ²⁾ и будетъ часто съ нимъ и у него, и я увѣренъ, что и тебя будетъ возить, особливо въ Царское Село, въ Петергофъ и въ увеселительные Потемкина загородные дома; самъ заниматься будетъ, чтò ему пріятно, а тебя будетъ оставлять самой себѣ, и ты будешь безпрестанно съ мужчинами молодыми придворными, которые тебѣ будутъ льстить и услуживать. Самъ Потемкинъ не оставитъ, чтобъ тебя ласкать, то смотри, мой другъ, ты будешь на самомъ величайшемъ опытѣ, какой можетъ въ жизни твоей случиться. Скользкокъ путь очень для твоей добродѣтели, а въ путеводители тутъ я никого тебѣ не могу представить, кромѣ Бога и твоего благоразумія; не теряй, мой милый другъ, данныхъ тебѣ правилъ: отъ твоего поведенія зависитъ вся твоя будущая жизнь; старайся заслужить себѣ уваженіе и отъ высокихъ особъ. Не будь горда, но и не унижай себя; не слушай отъ мужчинъ того, что благопристойность запрещаетъ, и не давай ни малѣйшаго повода, чтобъ они смѣли безъ почтенія и уваженія съ тобой обходиться. Не прельщайся ни величествомъ, ни богатствомъ, ни подарками, а будь довольна тѣмъ, что тебѣ Господь далъ и впредь дастъ. Ежели бы у тебя и отнялось бы временное твое богатство, то останется у тебя самое драгоценное—твоя добродѣтель, и не будешь ты оставлена Спасителемъ нашимъ безъ награжденія. Онъ тебѣ дастъ силу и крѣпость, только ты Его не оставляй и всегда проси Его помощи. Вотъ тебѣ даетъ послѣднее наставленіе твой другъ и отецъ, и ты, конечно, его исполнишь! Мнѣ будутъ о тебѣ писать мои родные, и я знаю, что кромѣ радости сердечной я ничего не буду чувствовать, слыша о тебѣ и о твоёмъ поведеніи». Я обливала руки его слезами. «Буду все исполнять и помнить ваши наставленія. Молитесь за меня, отецъ мой, чтобъ Богъ меня спасъ!» Онъ самъ обнималъ меня и плакалъ...

Итакъ, настала для меня самая горестная минута. Они поѣхали, и я упросила, чтобъ мнѣ ѣхать за городъ проводить; и мужъ мой поѣхалъ. Проводивши до назначеннаго мѣста, разсталась я, не помню какъ; привезли меня домой, и я думала, что я теперь-то осталась одна во всемъ мірѣ сиротой безъ путеводителя. Свекровь меня утѣшала и плакала со мной. «Будемъ вмѣстѣ жить, мой милый другъ, и молиться за твоего благодѣтеля, и будемъ все то исполнять, что онъ предписалъ, и такъ будемъ думать, какъ будто онъ съ нами. Богъ намъ поможетъ!»

Очень долго я была неутѣшна о потерѣ моихъ милыхъ благодѣтелей, и я занемогла. Родные ихъ меня навѣщали, и это меня очень утѣшало. Наконецъ, я стала выѣзжать и болѣе всѣхъ бывала у брата моего благодѣтеля; мы же близко его жили. И я находила въ немъ большую

²⁾ Князь Г. А. Потемкинъ-Тавричскій.

отраду. Мужъ мой началъ заводить свои знакомства. Съ первымъ познакомился съ Нар[товымъ]¹⁾, который началъ вводить его во всѣ пороки, и, не въ долгомъ времени, сдѣлалось у нихъ общество довольно велико. Пошли карточные игры, пьянство; распутныя дѣвки были ихъ собесѣдницы... Я съ горестью увидѣла предсказаніе моего благодѣтеля совершившимся, и, кромѣ слезъ, никакой отрады не было. Мать моя видѣла все, но нечего было дѣлать. Она всѣ свои ласки употребляла для услажденія моей горести и дѣлила все со мной; старалась меня занять книгами, работой; упросила одного знакомаго учителя, чтобъ ходилъ ко мнѣ и училъ меня рисовать, я же имѣла склонность; въ хорошее время ходила со мной прогуливаться, и я, видя ея любовь къ себѣ, старалась скрывать отъ нея горестъ мою, зная, что и такъ довольно велико было ея страданіе. Брата отдали въ корпусъ. Наконецъ, и у насъ въ домѣ началась карточная игра, и цѣлые дни и ночи просиживали. И можно себѣ представить, чтò я слышала: шумъ, крикъ, брань, питье, сквернословіе; даже драки бывали!.. Ворота и двери запирали, и, кто бы ни пришелъ, особливо отъ начальника, — велѣно сказывать, что боленъ и никого не принимаетъ. Я въ это время сиживала въ самой отдаленной комнатѣ съ матушкой и только плакала и вспоминала мою счастливую и спокойную жизнь. Когда они расходились, то на мужа моего взглянуть было ужасно: весь опухши, волосы дыбомъ, весь въ грязи отъ денегъ, манжеты отъ рукавовъ оторваны; словомъ—самый развратный видъ, какой только можно видѣть! Сердце мое кровью обливалось при взглядѣ на него. Ложился тотчасъ спать, и сія тишина давала и мнѣ нѣкоторое успокоеніе. Когда онъ просыпался отъ этого чаду, тогда входила матушка и говорила ему все то, что могла и чѣмъ думала сколько-нибудь его остановить. И онъ всегда обѣщаль ей исправиться... Но что она могла сдѣлать? Онъ сталъ передъ ней скрытенъ и лгалъ ей безпрестанно и сказывалъ, что у него частыя пробы, которыя присланы были отъ Потемкина, для которыхъ и ночи должно быть въ корпусѣ. Только та была выгода, что къ намъ не такъ часто стали ходить.

¹⁾ Андрей Андреичъ Нартовъ (род. въ 1737, ум. въ 1813 г.), писатель-стихотворецъ, драматургъ и переводчикъ, воспитанникъ Академической гимназіи и Шляхетнаго корпуса, съ 1755 г. служилъ въ военной, а съ 1765 г. въ статской службѣ, въ 1772—1774 г. онъ вмѣстѣ съ кн. М. М. Щербатовымъ и М. М. Харасковымъ, былъ членомъ учрежденныхъ Екатериною II комитетовъ «для составленія медалической со временемъ государя императора Петра Великаго исторіи». 27-го февраля 1770 г. произведенный въ статскіе совѣтники, онъ служилъ въ Бергъ-Коллегіи, гдѣ въ 1772—1779 г. состоялъ въ «особливомъ департаментѣ по монетнымъ дѣламъ», съ 1777—1784 г. вице-президентомъ и членомъ Монетнаго Департамента, а съ 1796 г.—президентомъ Коллегіи. Нартовъ умеръ въ чинѣ дѣйствит. тайн. совѣтника и въ званіи президента Императорской Россійской Академіи и Вольно-Экономическаго Общества.

Деньги, которыя были за мной даны, въ два года были прожиты на карты и на дѣвокъ. Вещи, которыя были, — въ ту же дорогу пошли... И такъ, мы остались безо всего и бывали въ такомъ положеніи, что за квартиру нечего было заплатить.

Къ счастью нашему, былъ у насъ человѣкъ, собственный мой, который смотрѣлъ за всѣмъ домою. Онъ насъ въ нуждахъ не оставлялъ и, — можно сказать, — кормилъ и пекся объ насъ и, сколько можно, старался охранять и мужа моего. Онъ узнавалъ всѣ тѣ мѣста, въ которыя ѣздилъ мой мужъ, и онъ вѣрно зналъ всякій день, гдѣ онъ. И часто случалось, пріѣзжали отъ Потемкина за моимъ мужемъ, и этотъ человѣкъ рѣдко сказывалъ, что нѣтъ дома, а всегда отвѣчалъ, что будетъ, — и тотчасъ бралъ верховую лошадь и сыскивалъ его и привозилъ домой. И сколько можно было рабу говорить господину, — то онъ со слезами умаливалъ его не погублять себя и несчастныхъ жену и мать. «Вы можете очень скоро потерять честь, здоровье; даже и жизнь ваша подвержена опасности! Что тогда съ нами будетъ? Мнѣ стыдно вамъ говорить, но я принужденъ... Неужто вы не знаете, что у вашей матери и жены нѣтъ ужъ имѣнія, чѣмъ бы они могли содержать домъ и себя? Я пока имѣю, то все отдаю для нихъ, но и у меня скоро ничего не будетъ, — тогда пойду работать, а ихъ не оставляю: хоть хлѣбъ одинъ, да будутъ имѣть!» И, говоривши, горько плакалъ... Мужъ мой все слушалъ спокойно и сказалъ: «Я тебя никогда не забуду и буду тебя считать другомъ, только не оставь жену и мать. Я не обещаю тебѣ такъ скоро оставить это знакомство — нельзя: въ этомъ обществѣ мой начальникъ, который требуетъ этого. Онъ можетъ мнѣ всякое дурно сдѣлать!» — «Нѣтъ, батюшко, не можетъ тебя начальникъ ни къ чему дурному принудить, и вы не должны опасаться, чтобъ онъ могъ вамъ что сдѣлать, только были бъ вы исправны въ своей должности. Да у васъ есть и другой старшій начальникъ, — для чего вы къ тому рѣдко ходите? Стало, вамъ пріятнѣе быть у перваго, который васъ разоряетъ, а болѣе всего — разлучилъ васъ съ женой, которая день и ночь въ страданіи. Еще милосердъ къ ней Господь, что далъ ей добрую свекровь, которая сколько-нибудь улаживаетъ и облегчаетъ горестное ея сердце. Но иногда она и сама не лучше ея!» И бросился къ нему въ ноги... «Ахъ, добрый мой господинъ, не сведите старости матери вашей во гробъ и не лишите бѣдную мою юную госпожу послѣдней подпору! Не разгнѣвайтесь на вашего раба, который васъ любитъ и почитаетъ и осмѣливается вамъ давать совѣты! Отецъ мой, ты самъ себя лишаешь спокойной жизни и счастливой!...» Мужъ мой поднялъ его, самъ заплакалъ... «Я знаю, что ты правъ, и я тебя прошу: докажи мнѣ свою любовь и не оставь мать и жену!» — «Чѣмъ, батюшко, я могу ихъ не оставить? У меня скоро не будетъ, чѣмъ имъ помогать, — я вамъ уже сказалъ. Вы сегодня вы-

играли, я знаю, — то дайте мнѣ на содержаніе дома, жены и матери!» Онъ подалъ ему кошелекъ съ пятью стами, и человѣкъ взялъ четыреста, а сто оставилъ ему. Хотя и очень было ему не хотѣлось разставаться съ такой суммой, но онъ только сказалъ: «Кажется, ты много взялъ». — «Нѣтъ, батюшко, немного: мы всѣ въ долгу. Платить долгъ и закупить многое надо; еще недостанетъ! Ахъ, бѣдная моя госпожа! Думала ли, мать твоя, отдавши тебя, что твое пропитаніе будетъ зависѣть отъ раба, и что ты будешь мужемъ своимъ оставлена!» Мужъ мой торопился очень уѣхать со двора; пришелъ со мной проститься... Я только, заплакавши, спросила: «Надолго ли съ тобой прощаюсь?» Онъ, не говоря ни слова, ушелъ; а я, одѣвшись, поѣхала къ доброму моему сосѣду, который спросилъ у меня: «Что ты, мой другъ, какъ уныла и похудѣла? Неужто ты еще скорбишь объ отъѣздѣ моего брата?» Я только отвѣчала слезами, и онъ вздохнулъ и пересталъ говорить. Ѣздила и къ президенту ¹⁾ нашему, гдѣ меня очень полюбили и, наконецъ, часто за мной присылали. И я цѣлые дни у нихъ просиживала. У него была племянница моихъ лѣтъ, дѣвушка любезная, кроткая, умная, и мы съ ней сдѣлались друзьями. Въ одинъ день я пріѣзжаю къ нимъ и вижу ее очень не веселу; спрашиваю у ней причину. Она мнѣ отвѣчаетъ, что за нее сватается женихъ выгодный, и мать ее принуждаетъ сказать дядѣ, что она согласна. У меня сердце замерло, вспомя мою жизнь и замужество... Я ей совѣтовала дядѣ открыться, но она не рѣшилась по кротости своей, чтобъ не огорчить мать. Я, найдя случай говорить съ ея дядей, сказала ему весь мой разговоръ съ ней. Онъ меня много благодарилъ за довѣренность, которую я ему сдѣлала, и отказалъ жениху, сказавши сестрѣ своей ²⁾, что ему женихъ не нравится, и, хотя бы его племянница хотѣла, но онъ такъ, какъ отецъ, ей запрещаетъ, — и тѣмъ кончилось. Послѣ сего болѣе еще меня начали любить, все семейство, особливо дядя и племянница.

Одинъ разъ я у нихъ была: они за мной присылали — нельзя было не ѣхать, да и свекровь меня прислала, видя мое уныніе отъ того, что мужа моего не видала три дня, хотя и знали отъ моего человѣка, что онъ живъ и здоровъ. И такъ, я пріѣхала очень съ грустнымъ и горькимъ лицомъ. Сколько ни старалась себя принуждать, но все было видно мое уныніе. Начальникъ у меня спросилъ: «Гдѣ твой мужъ?» Я отвѣчала: «Думаю, что у должности», — и невольный вздохъ вырвался у меня. Онъ посмотрѣлъ очень пристально на меня.

¹⁾ Михаилъ Ѳеодоровичъ Соймоновъ съ 1771 г., послѣ смерти гр. А. Е. Мусина-Пушкина, состоялъ до 1779 г. президентомъ Бергъ-Коллегіи; онъ умеръ въ 1804 г. въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника.

²⁾ У М. Ѳ. Соймонова была одна замужняя сестра — Марія Ѳеодоровна Прокофьева (кн. Лобановъ-Ростовскій. Родословная книга, т. II, С. Пб. 1895, стр. 237).

«Ты, мой другъ, что-нибудь скрываешь отъ друзей твоихъ, и въ сердцѣ твоёмъ есть какая-то горестъ, которую ты сказать не хочешь. Я съ тобой послѣ наединѣ поговорю. Однако, цѣлый день были гости, и я была рада, что не удалось ему со мной говорить. Я бы не рѣшилась безъ позволенія свекрови ничего сказать. Приѣхавши домой, я сказала весь мой разговоръ. Она подумала и сказала: «Кажется, ты можешь сказать, только прося его, чтобъ онъ не сдѣлалъ мужа твоего несчастнымъ, и чтобъ онъ не узналъ, что ты говорила; а то, — можетъ выйти бѣда!» На другой день я занемогла лихорадкой, и болѣзнь моя продолжалась мѣсяць. Мужъ мой всякій день приходилъ домой ночевать и, какъ кажется, заботился обо мнѣ... Въ болѣзнь мою начали меня посѣщать его пріятели, и одинъ, смотря на меня, сказалъ: «Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль!» Я спросила: «Почему вы меня жалѣете? Я, кажется, довольно счастлива и спокойна: мужъ меня любитъ»...—«Того-то и нѣтъ, хотя вы и говорите. Ежели бы онъ васъ любилъ, такъ бы не удалялся отъ васъ на нѣсколько дней; и можетъ ли мужъ оставить жену, которая не заслуживаетъ этого, и развѣ вы не знаете, что онъ расточилъ все имѣніе на дѣвокъ, да и здоровье его подвержено опасности? И вы все это сноситѣ великодушно! Другая бы жена на вашемъ мѣстѣ ему отплатила тѣмъ же и не стала сокрушаться о безпутномъ мужѣ!»—«Меня удивляетъ очень, какъ вы смѣли мнѣ говорить о моемъ мужѣ такія мерзости, о которыхъ я и помыслить стыжусь, не только, что вамъ вѣрить. И какіе вы смѣли мнѣ давать совѣты, постыдные для меня? Али вы думаете, что я молода и не буду видѣть вашего коварства и мерзкой жи, — то вы ошиблись! И можете ли вы назваться послѣ этого пріятелями мужа моего? Я теперь объ немъ жалѣю, что онъ ошибается въ васъ, считая честными и добрыми!»—«Такъ вы намъ не вѣрите?»—«Стыдно бѣ было мнѣ вамъ повѣрить!»—«Мы васъ увѣряемъ, что все сіе правда, и ежели бы мы васъ не почитали и не любили, то бѣ никогда не сказали». — «Очень худое ваше почтеніе и любовь, когда вы вздумали меня ссорить съ моимъ мужемъ! Но я васъ увѣряю, что вамъ не удастся сего произвести, на это вамъ скажу: ежели бы вы истинно меня любили и почитали, то бы вы меня поберегли и не сказали-бъ мнѣ, ежели бы и правда была, что вы мнѣ рассказываете объ моемъ мужѣ. Но опять-таки вамъ подтверждаю, что я не вѣрю и никогда не повѣрю, а знаю, что мужъ меня любитъ, и я его люблю и не требую отъ него, чтобъ онъ безпрестанно былъ со мной. И прошу васъ не имѣть обо мнѣ напраснаго сожалѣнія. Увѣряю васъ, что я скучна никогда не бываю и время мое провождаю очень весело и хорошо. Занятіевъ у меня довольно, и для меня время всегда кажется коротко. И такъ, прошу васъ, чтобъ вы избавили меня вашихъ посѣщеній; мнѣ нѣтъ времени васъ принимать!» Одинъ изъ нихъ пожалъ плечами. «Я удивляюсь вамъ, что вы всему сему не

вѣрите. Я даже вамъ мѣсто скажу, гдѣ съ дѣвками бываетъ собраніе и тамъ наняты бачи на цѣлое лѣто, гдѣ всѣ вмѣстѣ веселятся!» «Стало, и вы въ этой же компаніи, то что жъ вы себя не пощадите, ежели не щадите другихъ? Но увѣряю васъ, что вы меня не можете поколебать въ томъ мнѣніи, которое я привыкла имѣть объ моемъ мужѣ. Еще вамъ повторяю мою просьбу оставить меня, и будьте увѣрены, что васъ больше не примутъ здѣсь». Встала и вышла вонъ, а они отправились и болѣе ко мнѣ не приходили, а хотя и прихаживали, но имъ велѣно было отказывать. Я весь мой разговоръ рассказала моей свекрови. Она одобрила мои отвѣты и сказала: «Надо, мой другъ, терпѣть и молиться за него. А тебя прошу, какъ другъ и мать, веди себя такъ, чтобъ совѣсть твоя тебя не укоряла и мужъ твой ничѣмъ бы не могъ тебя укорить. Будетъ время, что онъ во всемъ раскается и тебя будетъ почитать. Я много виновата передъ тобою, мой милый другъ, — не зная сына моего, заставила тебя очень молоду чувствовать горести. Безъ меня была бѣ ты счастлива, но не сѣтуй на меня — довольно я наказана за тебя: сердце мое никогда не бываетъ спокойно и всегда въ мученіи за тебя!» Я заплакала. «Не безпокойтесь, милая матушка, я никогда на васъ не сѣту. Вы, конечно, любя меня хотѣли составить мнѣ счастье, но Богу было угодно, чтобы я не была таковой — я повинуюсь Его опредѣленіямъ и буду терпѣть. Онъ не вовсе меня оставилъ, давши васъ мнѣ. Будто это мало, что я въ васъ имѣю друга и мать, и наставницу!»

Въ самое это время пріѣзжаетъ племянникъ моихъ благодѣтелей и узнаетъ обо всемъ, — отъ кого, не знаю; спрашиваетъ у меня, но я отговариваюсь незнаніемъ; и такъ какъ онъ всякій день у насъ бывалъ, то и утвердился въ слухахъ, не видя мужа моего никогда дома. И это его чрезвычайно огорчило. Онъ сталъ ему говорить и, наконецъ, сказалъ: «Я все расскажу князю Григорію Александровичу [Потемкину] и ничего не утаю. Вы бѣ старались больше быть у него и у вашего добраго начальника! И вы ихъ обманываете, скрывая, что вы всегда у вашей должности! Я вѣдь вижу несчастное положеніе ваше, которое все разстроено и нѣтъ надежды поправить! Что вы думаете о бѣдной жещѣ вашей и матери, которыхъ вы заставляете страдать и всѣ ваши дурныя поведенія вытерпывать? Думаете ли вы, что терпѣнье жены вашей, наконецъ, кончится? Тутъ что будетъ? А кромѣ васъ никто причиною не будетъ. И вы ее можете потерять безвозвратно, да и мы всѣ, ее любящіе, потеряемъ. Вы имѣете всѣ случаи ей доставить невинныя удовольствія: она можетъ съ вами, особливо лѣтомъ, вездѣ бывать; князь васъ любитъ, и вы можете вездѣ тамъ быть, гдѣ онѣ, и жена ваша тоже. Не осердитесь на меня, ежели я все это выведу: это для вашего блага и спасенія!»

И съ этого времени сталъ лучше; начали ѣздить всюду, и намъ всегда были даваны комнаты, куда мы пріѣзжали. Меня очень и князь полю-

билъ, и вся его свита старалась мнѣ угождать. И я очень была весела: молодость все веселитъ.

Одинъ разъ въ Сар[скомъ] Се[лѣ] я гуляла съ мужемъ, поутру, въ саду и встрѣтили императрицу, которая остановилась и спросила: «Это, князь, твои гости? Потчивай же ихъ и вели, чтобъ столъ и фрукты имъ были!» Онъ далъ мнѣ знать, чтобъ я пошла, и она пожаловала руку. И ей было сказано, кто я. Съ тѣхъ поръ я очень часто ее видѣла. И какъ все сіе питало мою гордость и самолюбіе, видя, что всѣ мнѣ служатъ и смотрятъ въ глаза,—что надо. Но во всѣхъ я видѣла самое благородное обхожденіе и почтительное противъ меня. Тогда я ни въ чемъ не стала терпѣть нужды: мнѣ всего присылали отъ князя.

У него въ домѣ я познакомилась съ однимъ откупщикамъ, котораго мужъ же мой князю рекомендовалъ; и онъ ужъ имѣлъ чинъ капитана и записанъ былъ въ полкъ. Онъ, узная меня короче, сталъ къ намъ ѣздить, и, увидя и узная наше состояніе, сталъ мужу моему говорить, чтобъ купилъ онъ домъ. И нашли. И онъ далъ денегъ, но въ тотъ же вечеръ деньги были проиграны... Я узнала объ этомъ,—но дѣлать было нечего. Приѣхалъ нашъ благодѣтель и спросилъ, купленъ ли домъ. Мать моя сказала: «Не только что не купленъ, но и деньги проиграны. Я надѣюсь на вашу дружбу, что это далѣе не пойдеть». Онъ, не говоря ни слова, поѣхалъ и домъ купилъ на мое имя и началъ его отдѣлывать. И намъ онъ ни копейки не стоилъ. Мебели, столярная работа и все, что надо было для дома, получили отъ столяровъ, которыхъ дѣти были въ корпусѣ; и вся мебель изъ краснаго дерева и штофомъ обита, зеркала, люстры и прочіе уборы—всѣ получены отъ заводчиковъ въ подарокъ. И такъ мы перешли въ свой домъ, гдѣ даже и запасъ весь нашли и погребъ, наполненъ винами и всѣмъ. И такъ, нашъ благодѣтель насъ въ домъ принялъ и все показалъ и сдалъ нашему человѣку. Даже не забылъ и корову, и птицъ домашнихъ купить. И зная, что я охотница до пѣвчихъ птицъ и цвѣтовъ, и того нашли въ домѣ довольно. И такъ, мы начали жить въ своемъ домѣ, и мы съ матушкой очень веселились и успокоились; и мужъ мой былъ очень веселъ. Поживши съ недѣлю, я, сядя подь окошкомъ, сказала мужу: «Одного только недостаетъ—сада; желала бы я имѣть». Онъ сказалъ: «Будетъ и садъ». И такъ, не прошло еще и мѣсяца, какъ въ одно утро меня разбудилъ мой мужъ, и сѣли подь окошко пить чай. Я взглянула нечаянно и, увидя, что подь окошкомъ садъ большой, съ деревьями и цвѣтами и дорожки подѣланы,—я не знала, что подумать. И какимъ волшебствомъ въ одну ночь явился садъ и въ такомъ порядкѣ? Люди, которые шли мимо, всѣ останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли. Я стала благодарить моего мужа и такъ была обра-

дована сею нечаянностью, что сама себѣ не вѣрила: не сплю ли еще я? Мужъ мой очень веселился моимъ изумленіемъ, наконецъ, рассказалъ мнѣ, что давно было все заготовлено и, такъ какъ садовники были всѣ ему пріятеля, то всѣ деревья, цвѣты и работники были привезены изъ Петергофа, и самъ садовникъ съ ними былъ, котораго сынъ былъ въ командѣ у моего мужа. И такъ, садъ намъ ничего не стоилъ.

Устроившись въ своемъ новомъ жилищѣ, начали жить спокойнѣе. Я говорила моему мужу: «Теперь главное мое желаніе, чтобъ ты былъ почаще дома и мы бъ вмѣстѣ веселились, а то, какъ ни весело, но одной неприятно. Все одна: не съ кѣмъ дѣлить моихъ радостей. Я не прошу тебя, чтобъ ты дѣлилъ со мной скорби мои: я одна ихъ перенесу. Ты знаешь, что у меня теперь и брата нѣтъ (который былъ уже отданъ въ полкъ или записанъ и оставался пока еще въ корпусѣ)!» Онъ обнялъ меня и сказалъ: «Ты увидишь, что я буду съ тобой чаще. Я все знаю, сколько ты терпишь, за то я тебѣ доставлю всѣ удовольствія, какія могу. Веселись и утѣшайся: ты всѣми любима, и кто только тебя узнаетъ—всякій полюбитъ». — «Но могу ли я имѣть совершенное удовольствіе? Безъ тебя же не называются удовольствія радостями, когда раздѣлять не могу съ милымъ человѣкомъ. Ты давно отъ меня отнять злодѣемъ твоимъ Нарто[вымъ], и не знаю, будешь ли когда мнѣ возвращенъ!» Слезы мои мѣшали мнѣ говорить. «Я бы охотно промѣняла теперешнія радости на возвращеніе тебя. Я не знаю, любишь ли ты меня?»—«А какъ ты думаешь?»—«Я думаю, что нѣтъ: ежели бы ты меня любилъ, могъ ли бы ты не видать меня по три и по четыре дни? Стало, ты ни мало не печешься о моемъ спокойствіи. Что жъ я должна дѣлать? Еслибъ не мать твоя и данныя мнѣ правила моимъ благодѣтелемъ, то я не знаю, что бъ изъ меня вышло». «А что жъ бы изъ тебя вышло? Только то, что бъ ты себѣ нашла по сердцу друга, съ которымъ бы ты могла дѣлить время. Я самъ тебѣ позволяю и, ежели хочешь, то я самъ тебѣ выберу. Выкинь, мой милый другъ, изъ головы предрасудки глупые, которые тебѣ вкоренены глупыми твоими наставниками въ дѣтствѣ твоёмъ! Нѣтъ грѣха и стыда въ томъ, чтобъ въ жизни нашей веселиться! Ты все будешь—моя милая жена, и я увѣренъ, что ты вѣчно меня любить будешь. А это временное удовольствіе!»

Я, слушая, окаменѣла и даже перебить его предложенія не могла. И долго я не могла говорить; наконецъ, сказала: «Только этого и не доставало къ моимъ горестямъ, чтобъ выслушать предложенія самыя мерзкія и постыдныя отъ того, который бы долженъ меня утверждать въ тѣхъ правилахъ, которыя мнѣ даны! А ты самъ хочешь, чтобъ я потеряла все то почтеніе, которое теперь ко мнѣ имѣютъ! И съ какими я глазами покажусь тѣмъ людямъ, которые

меня и любить за мое поведеніе? Ахъ, какъ ты безсовѣстенъ: хочешь послѣднее у меня отнять! Но знай, что я твоимъ совѣтамъ не послѣдую и добродѣтели мои ни за что въ мірѣ не потеряю! Ты ошибаешься, говоря, что, выбравши себѣ друга, я все тебѣ буду любезна и ты мнѣ также. Я для тебя буду такъ же любезна, какъ теперь,—это правда, я очень этому вѣрю, потому что ты ко мнѣ истинной любви никогда не имѣлъ,—но я, ежели бы рѣшилась на твое безбожное предложеніе, то знай, что я тебя перестала навсегда любить! Я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси и знать ее!—а я хочу любить чистой и непостыдной любовью. Вотъ одно благо для меня! Или ты хочешь для того меня видѣть безпутной, чтобъ я тебя не укоряла,—то и безъ этого я ни слова тебѣ не говорю и общаюсь тебѣ никогда не говорить. Ежели бы я и захотѣла говорить,—то пользы не будетъ, пока знакомство твое не прервется съ начальникомъ зла. Объ одной милости тебя прошу,—чтобъ не учащала эта постыдная компанія моего дому, отъ которой, кромѣ наглости и буянства, ожидать нечего, и предупреди предводителя вашего во всѣхъ распутствахъ, чтобъ онъ не осмѣливался мнѣ виду какого-нибудь неблагопріостойнаго сдѣлать. Я напередъ вамъ сказываю, что я не вытерплю отъ него ничего и не посмотрю, что онъ твой командиръ! Я знаю, что есть у тебя начальникъ добрый и честный, къ которому ты не ходишь иначе, какъ по должности, а меня они любятъ,—то не заставьте меня все ему высказать; сами себя сохраняйте отъ стыда, а обо мнѣ не печитесь: у меня есть Попечитель, которому я отъ рожденія моего препоручена и который меня до сихъ поръ хранитъ. Мнѣ и это прискорбно—видѣть тебя безо всякаго закона и безъ правилъ. Я за тобой девятый годъ и не видала, когда бъ ты хоть перекрестился; въ церковь не ходишь, не исповѣдаешься и не причащаешься. Чего жъ я могу ожидать лучшаго? Нѣтъ мнѣ, несчастной, никакой надежды къ возвращенію моего потеряннаго спокойствія! Не сердись на меня: ты самъ меня заставилъ вести съ тобой такой неприятный для тебя разговоръ!» Кончилось тѣмъ же, что онъ, отобѣдавши, ушелъ и два дни я его не видала. Да я и не грустила, потому что спокойнѣе и приятнѣе время проводила безъ него съ моей милой и почтенной матерью, которой любовь ко мнѣ была безпредѣльна.

Въ одинъ день онъ сказалъ, что не пойдетъ со двора, а хочетъ со мной провести время и велѣлъ все мнѣ отказывать. И онъ отменно былъ спокоенъ и веселъ. Послѣ обѣда мы сѣли въ спальню, и я занялась работою, а онъ сѣлъ читать. Приходятъ отъ Нар[това] за нимъ, и сказано, что нѣтъ дома. Наконецъ, онъ самъ пришелъ съ Дмитре[вскимъ?] и прямо къ спальней, отодвинулъ задвижки и растворилъ спальню. Я такъ разсердилась, что забыла всю благопріостойность я, сидя на моемъ мѣстѣ, спросила: «Не забыли-ль вы, куда пришли, по вашей привычкѣ,

ходя по спальнямъ, гдѣ вамъ не запрещаютъ. И какъ вы смѣли это сдѣлать—войти туда, куда, кромѣ меня и мужа моего, никто не ходитъ! Я чрезвычайно жалѣю, что мужа моего пріятель такъ дерзки и наглы! Я ни отъ кого въ свѣтѣ ни малѣйшей наглости не перенесу, и я буду жаловаться тамъ, гдѣ должно; и не думайте, чтобъ за меня не заступились! Вы довольно сдѣлали, что отняли у меня мужа и ввели его во всякія распутства! А со мной вы не можете безъ уваженія обходиться!» Онъ такъ былъ сраженъ, что не помѣшалъ мнѣ все высказать. Послѣ сказалъ мужу моему: «Что вы ея не уймете? И какъ она можетъ съ начальникомъ мужа своего такъ говорить!» Я отвѣчала: «Мужъ мой не можетъ мнѣ запретить говорить. Я сама знаю, съ кѣмъ я говорю. У насъ есть еще главный начальникъ, къ которому я могу отнестись, который и вамъ начальникъ! У меня домъ—не трактиръ, ко мнѣ лучше васъ ѣздить съ почтеніемъ и въ гостиную не смѣютъ войти, ежели она затворена. Я прошу васъ меня избавить такихъ дерзкихъ посѣщеній; я къ нимъ не привыкла, и ни отъ кого еще въ жизни моей не видала такой обиды, какъ отъ васъ!». Онъ такъ озлился, что сказалъ: «Я брата вашего не выпущу и не аттестую въ офицеры! Вы не знаете, съ кѣмъ говорите,—который можетъ сдѣлать добро и худо вамъ!»—«Ошибаетесь вы, ежели думаете, что я угрозы вашихъ испугаюсь. Братъ мой будетъ и безъ васъ офицеромъ. Добра отъ васъ ожидать нельзя, а худа вы мнѣ ужъ успѣли много сдѣлать. Пожалуйте, не беспокойте себя, а меня ничто не устрашитъ. Я знаю себя, кто я, и знаю васъ, кто вы, и болѣе съ вами и говорить не стану, а только скажу: ежели вы осмѣлитесь еще сдѣлать такую наглость и какъ разбойникъ ввалиться въ спальню, то, будьте увѣрены, я далѣе буду просить, нежели у своего начальства, и увѣрена, что получу полную satisfакцію. Я съ собой не дамъ никому шутить!» Свекровь моя весь этотъ разговоръ слышала. Я пришла къ ней и молча сѣла. Мужъ мой пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Что ты сдѣлала! Пойди помирись и извинись!».—«Стыдись мнѣ сіе говорить, чтобъ я была такъ подла и пошла у этого подлаго челоуѣка просить прощенія? Онъ долженъ у меня просить! Я вамъ сказываю, что я буду искать защищенія и жаловаться буду за эти наглости князю Григорію Александровичу [Потемкину] и скажу, что это сдѣлано въ присутствіи мужа моего, который за меня не вступился, то не стыдно ли тебѣ будетъ? И что ты его трусишь, этого подлеца и безбожника!» И такъ, они ушли, и мужъ мой пришелъ рано вечеромъ домой. Я удивилась, и онъ очень ласкался ко мнѣ. На другой день онъ сталъ мнѣ говорить, что я очень обидѣла Нар[това]. «Опять за то же! Да онъ-то что жъ, развѣ не обидѣлъ меня? И съ какой онъ гордостью со мной говорилъ, думая, что я такъ же струшу, какъ и ты! Онъ очень ошибся!»—«Онъ теперь не хочетъ брата твоего атте-

ствовать—вотъ, что ты сдѣлала!»—«Я и не прошу его».—«Онъ можетъ по должности моей много мнѣ худа сдѣлать!»—«И это вздоръ: ничего не можетъ; зная нашу связь съ Поте[мкинѣмъ], онъ, трусь, не осмѣлится. Да, пожалуй, не безпокойся о братѣ: я безъ него и безъ тебя сдѣлаю». Мужъ мой сказалъ: «Надо позвать его отобѣдать и ласковѣе его принять!»—«Дѣлай обѣдъ, ежели тебѣ угодно, но я дома не буду». «Что тебѣ угодно со мной дѣлать? Черезъ недѣлю ты можешь его позвать, а не ранѣе. Тогда и я своихъ пріятелей попрошу».

На другой день я послала за двумя пріятелями, которые были близки къ князю Григорію Александровичу, и просила ихъ, чтобъ они сдѣлали мнѣ милость и довели князю, чтобъ онъ потребовалъ моего брата и далъ бы ему офицерскій чинъ. И причину сказала ту, что я не хочу просить Нар[това]: онъ по гордости своей можетъ быть не такъ скоро сдѣлаетъ. Они меня увѣрили, что это будетъ на сей же недѣлѣ сдѣлано. И точно, такъ и было: на третій день его потребовали въ канцелярію и велѣли выключить изъ корпуса, не спрашивая и аттестата. И самъ князь поздравилъ его поручикомъ и опредѣлил въ пикинерный полкъ. Братъ мой пришелъ съ радостію. Мужъ мой, узнавъ, очень былъ радъ и на другой день поѣхалъ благодарить князя; и, какъ пріѣхалъ домой, я ему сказала, что теперь, ежели онъ хочетъ звать своего пріятеля, то пусть зоветъ, да и тѣхъ непременно позвать, которые старались о братѣ. И такъ, черезъ нѣсколько дней, всѣ у насъ обѣдали, и я благодарила друзей моихъ за стараніе ихъ. Нар[товъ] такъ былъ учтивъ и тихъ, что я его никогда таковымъ не видала. Черезъ недѣлю отправился братъ мой въ Полтаву, съ которымъ я прощалась съ великою горестію. И онъ, зная мою жизнь, больше грустилъ обо мнѣ.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда пріѣхали два племянника моего благодѣтеля ¹⁾, которые меня любили, какъ сестру, и были у меня всякій день, видя, что я всегда одна. И часто заставляли меня въ слезахъ, брали великое участіе въ моей горестной жизни. Одинъ изъ нихъ больше былъ къ намъ привязанъ, который всегда меня уговаривалъ, чтобъ я терпѣла и не сѣтовала на свою участь. «Есть еще тебя несчастіе. У тебя есть мать, въ которой ты друга имѣешь и которая съ тобой дѣлитъ все и утѣшаетъ тебя. Есть и другіе друзья, которые тебя не меньше любятъ и желаютъ тебѣ всякаго добра. Увѣрена ли ты, мой другъ, во мнѣ, что я тебя искренно люблю и почитаю и не могъ бы больше любить, какъ сестру милую,—то прими совѣтъ отъ твоего друга. не принимай много къ себѣ мужчинъ, не наведи на себя нареканія, хотя съ твоей стороны и невиннаго. Бога ради не потеряй своего добраго имени! Ъзди чаще къ нашимъ роднымъ, которые тебя много

¹⁾ Хераскова.

любятъ. Помни наставленіе дяди моего: люби всегда добродѣтель. Ты нонче часто бываешь у князя, то берегись ласкательства и не довѣрай многимъ; будь всегда осторожна. Я слышалъ о тебѣ великія похвалы отъ самого князя и ото всѣхъ окружающихъ его. Сердце мое радовалось, слыша, какъ выхваляли твое поведеніе, осторожность и добродѣтельную скромность. Даже князь любопытствовалъ у меня, зная нашу дружескую связь, какъ ты съ мужемъ живешь и любить ли онъ тебя. Я отвѣчала, что жизнь твоя очень хороша и ты счастлива,—то и ты берегись открывать участь твою для многихъ причинъ: главная причина—зная ваше разстройство и видя тебя въ такой цвѣтущей молодости, будутъ многіе разставлять сѣти для твоей добродѣтели. Послушайся друга твоего, который тебя привыкъ любить и который, кромѣ добра, ничего тебѣ не желаетъ. Всѣ наши родные гордятся твоимъ поведеніемъ и скромностію, то не потеряй и поддержи ихъ мысли о тебѣ. Не перемѣняя своего поведенія, ты будешь всѣми уважаема. Жизнь твоя несчастная всѣмъ нашимъ роднымъ извѣстна, и они тебя уважаютъ за то, что ты не жалуешься; и я тебя увѣряю, что твое терпѣніе и добродѣтель все, наконецъ, превозможетъ—и нельзя [иначе]. Долго или коротко это продолжится, но ты, наконецъ, будешь счастлива и восторжествуешь надъ мужемъ, который ничѣмъ тебя укорить не можетъ. Вотъ въ чемъ ты должна полагать все свое счастье и славу! А намъ какую ты принесешь радость, всѣмъ любящимъ тебя, а болѣе всего дядѣ моему, который и до сихъ поръ о тебѣ сокрушается и молится за тебя, чтобъ спасъ тебя Господь ото всѣхъ преткновеній. Ежели ты такъ себя всегда будешь вести, то самый дерзкій мужчина не будетъ смѣть безъ уваженія смотрѣть на тебя! Добродѣтель далеко отгоняетъ порокъ!»

Какъ живо я чувствовала цѣну его дружескихъ совѣтовъ и видѣла великую его любовь къ себѣ и съ чувствомъ сердца наполненнымъ благодарила его и общала слѣдовать его совѣтамъ. Вы молитесь, мои милые друзья, за меня, чтобъ Богъ утвердилъ сердце мое въ добродѣтеляхъ! Послѣ сего разговора я стала гораздо осторожнѣе и съ неизвѣстными мужчинами остерегалась короткаго обхожденія. Въ это лѣто я жила въ Са[рскомъ] Се[лѣ] три недѣли, гдѣ и другъ мой былъ по своимъ дѣламъ. И онъ всякій день былъ съ нами вмѣстѣ и радовался, смотря на почтительное обхожденіе со мной всѣхъ и даже самого князя. Бывала тамъ часто и княгиня Вяземская, которая всякій день меня видѣла, даже въ мою квартиру хаживала ко мнѣ. И, видя всѣ ея со мной обхожденіе и любовь ко мнѣ, болѣе стали еще меня уважать; и я гордилась симъ преимуществомъ противъ прочихъ. И одинъ разъ она сказала мужу моему: «Чувствуешь ли свое счастье, имѣя такую жену, и знаешь ли ты ей цѣну?» Онъ очень смѣшался и не зналъ, что отвѣчать,

и она тотчасъ сама прервала разговоръ сей, для него неприятный. Онъ очень скучалъ жизнью въ Са[рскомъ] Се[лѣ], и ему очень хотѣлось въ городъ, но я просила окружающихъ князя, чтобъ они сдѣлали мнѣ милость, — ежели можно, чтобъ князь удержалъ его подолѣ. Я просила подъ видомъ тѣмъ, что мнѣ здѣсь очень весело, и для воздуха, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ отвести его отъ ненавистной мнѣ и вредной для него компаніи.

Наконецъ, должно было ѣхать въ городъ, и тотчасъ, какъ скоро пріѣхали, то онъ и ушелъ къ Нар[тову] и побывалъ въ Корпусѣ. И опять началась точно такая же жизнь, какова и прежде была... И къ себѣ сталъ водить; и очень часто игра карточная продолжалась сутки по трое, и я ужъ рѣшилась ничего не говорить. Онъ же ужъ и сердиться на меня начиналъ. И я иной разъ съ игроками принуждена была сидѣть цѣлую ночь, видѣла и драки, слышала и всякую мерзость отъ пьяныхъ, но выйти не смѣла, — развѣ кто изъ игроковъ сжалится и уприситъ мужа, чтобъ отпустилъ. Вышедши, бросалась въ постелю и слезами обливала подушку: вотъ вся моя отрада была!

Въ одинъ день я узнала, что они съ дѣвками поѣхали на Ка[менный?] ¹⁾ въ бани, гдѣ и президента племянникъ былъ. Я поѣхала къ нимъ обѣдать и рѣшилась сказать президенту, который, отобѣдавши, поѣхалъ гулять и намъ предложилъ. Только-что мы переѣхали черезъ мостъ по берегу, — и увидѣли всю компанію, послѣ бани прогуливающихся, и съ дѣвками. Онъ велѣлъ тотчасъ остановиться и подозвалъ своего племянника и моего мужа и велѣлъ имъ къ намъ сѣсть въ карету. И поѣхали назадъ. Онъ первое спросилъ, что за дамы съ ними были? Они ничего не отвѣчали, но, пріѣхавши домой, племянника посадилъ подъ караулъ и не велѣлъ со двора больше ходить, а мужа моего въ Корпусъ на двѣ недѣли — дѣлать разныя пробы, куда самъ ѣздитъ всякій день, но не въ назначенное время — иногда по утру, иногда вечеромъ, — то мужъ мой и не смѣлъ отлучиться. И послѣ этого немного сдѣлался получше и больше сталъ опасаться, а на меня очень долго сердился: двѣ недѣли не говорилъ со мной ни слова; но я терпѣла, видя, что онъ подозрѣвалъ меня и поставлялъ причинойъ ѣзды президента на рѣчку къ банямъ.

Пришелъ Петровъ день и въ Пете[ргофѣ] былъ обыкновенный праздникъ. Я сколько съ нимъ ни просилась, но онъ меня не взялъ и уѣхалъ одинъ, поутру, рано. Я осталась вся въ слезахъ и въ горести большой. Послѣ обѣда пріѣзжаетъ къ намъ старикъ шамбелянъ Голынской ²⁾ и удив-

¹⁾ На Каменный Островъ?

²⁾ Въ 1780 году шамбелянъ Иванъ Осиповичъ Голынской жилъ около Могилева, гдѣ у него было имѣніе на рѣкѣ Пронѣ (Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. IX, М. 1901, стр. 4, 6,

ляется, что я до сихъ поръ не одѣта. Я ему сказала, что мнѣ съ мужемъ ѣхать было нельзя: онъ очень рано поѣхалъ къ князю [Потемкину], а мнѣ велѣлъ кого-нибудь искать знакомыхъ, съ кѣмъ бы я могла ѣхать, но всѣ мои знакомые разѣхались прежде, нежели я успѣла къ нимъ послать. Онъ предложилъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Я очень обрадовалась, побѣжала къ матушкѣ и сказала ей. Она, прежде посмотря на меня, сказала: «Что ты хочешь дѣлать? Вѣдь ты его разсердишь, — онъ и такъ на тебя сердить!» Я стала у ней цѣловать руки. Она сказала: «Поѣзжай и скажи, что я тебя прислала!» Я тотчасъ одѣлась и поѣхала и всю дорогу была весела и спокойна, но, какъ скоро стала подѣзжать къ Пете[ргофу], то сердце замерло: какъ я покажусь, — а не показаться — нельзя. Наконецъ, я сказала: «Я очень боюсь, господинъ Голынской!» — «А чего вы боитесь? Неужто меня, старика, будутъ подозрѣвать?» — «Нѣтъ, я не того боюсь!» — «Такъ чего жъ?» — «Меня мужъ оставилъ дома и не хотѣлъ, чтобъ я ѣхала; я, вѣдь, васъ обманула.» — «А на что же вы ѣхали? Мужъ вашъ будетъ имѣть все право еще больше сердиться за непослушаніе ваше къ нему, и меня, старика, вы ввели въ хлопоты. Ежели бы я узналъ сіе хоть на половинѣ дороги, то бы вернулся и отвезъ васъ домой. Что теперь дѣлать?» — «Вы скажите, что я не хотѣла ѣхать съ вами, но меня сильно прослала свекровь!» — «Ну, добре; я на старости и лгать стану по вашей милости, панья! Быть такъ! Не пугайся; не дѣлать бы того, отъ чего совѣсть бываетъ нечиста и безпокойна!» Пріѣхали и пошли въ садъ, но я упрашивала, чтобъ скорѣе идти во дворецъ и показаться моему мужу, а то, чтобъ кто не сказалъ прежде, нежели онъ самъ не увидитъ. И такъ, мы пошли и нашли мужа моего, играющаго въ карты. Онъ, увидя меня, чрезвычайно удивился и только сказалъ: «А, и вы здѣсь? Съ кѣмъ изволили пріѣхать?» Я отвѣчала, что съ паномъ Голынскимъ. Онъ и съ нимъ поклонился очень сухо и сказалъ: «Извольте идти гулять! Чего здѣсь душиться?» Но лицо его было такъ сердито, что у меня сердце замерло, и я не рада была, что и поѣхала. Пошли мы въ садъ, и кто со мной изъ знакомыхъ ни повстрѣчается, всякій спроситъ: «Здоровы ли? Лицо ваше доказываетъ, что вы очень нездоровы». И самъ мой сопутникъ сказалъ: «Вы такъ

32—33). Въ 1781 году, 25-го іюля, Голынской, съ двумя депутатами, представлялся императрицѣ Екатеринѣ II въ качествѣ губернскаго предводителя дворянства Могилевской губерніи и говорилъ ей привѣтственную рѣчь на польскомъ языкѣ (Камеръ-Фурьерскій журналъ 1781 г., стр. 447); въ этомъ званіи онъ состоялъ до 1788 года, при чемъ неоднократно представлялся императрицѣ и даже былъ приглашаемъ къ ея столу (см. Камеръ-Фурьерскіе журналы 1784, 1787, 1789, 1791 гг.); съ 1790 г. могилевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства значится уже полковникъ войскъ польскихъ Михаилъ Осиповичъ Голынской.

блѣдны, что иначе почестъ нельзя, какъ, что вы очень больны. Вотъ вашъ обманъ и самое неприятное гулянье! Вы сами себя наказали, но надо думать, какъ дѣло поправить». Я ему сказала: «Сдѣлайте милость,— какъ отсюда поѣдемъ, упросите его, чтобъ онъ сѣлъ въ вашу карету, и вы поѣдете къ намъ ночевать и упросите его, чтобъ онъ не сердился. Онъ васъ любить и послушаетъ!» Въ третьемъ часу мы увидѣли его идущаго и пошли къ нему на встрѣчу. Онъ, не смотря на меня, сказалъ, что «Я сейчасъ ѣду. Ежели вамъ угодно остаться, то можете». Я сказала, что я не хочу оставаться, а ѣду съ нимъ. И такъ, пошли изъ сада, а людямъ велѣли искать экипажи. Голынской сталъ просить его сѣсть лучше въ его карету, чтобъ веселѣе ѣхать. Мужъ мой посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Я знаю, что это значитъ: она тебя просила». И онъ насилу могъ его упросить; и такъ мы сѣли въ его карету, и тутъ-то мужъ мой далъ волю сердцу своему. И мы оба молчали; наконецъ, Голынской сказалъ: «Ужъ довольно вы наговорили колкаго и жесткаго вашей женѣ, позвольте же и мнѣ, старику, теперь сказать. Конечно, она неправа, что поѣхала сверхъ воли вашей, но, увѣряю васъ, что она съ воли вашей матери ѣхала, и она, подѣзжая сюда, была ужъ очень безпокойна. И какъ можно молодую женщину наказывать тѣмъ, что ее лишаютъ удовольствія такого, которое бываетъ только въ годъ разъ! Прошу васъ, какъ другъ, сказать мнѣ: какъ велика ея вина, чтобъ я могъ знать,—можно ли за нее ходатайствовать, или нѣтъ, и всегда ли она вамъ не повинуется?» Мужъ мой долго молчалъ, наконецъ сказалъ: «Вины ея нѣтъ, а я хотѣлъ только попробовать, будетъ ли она послушна и въ этомъ мнѣ, какъ во всемъ; и это непослушаніе еще первый разъ ею сдѣлано, тѣмъ-то мнѣ и больнѣ!»—«А вы ея слушаетесь ли? Вѣдь, это должно быть взаимно? Но я по дружбѣ вашей у васъ бываю очень часто, то я еще не видалъ, чтобъ вы ее въ чемъ-нибудь послушались. А она во всемъ вамъ покорна и послушна. За что жъ вы ее безвинно хотѣли наказать? Теперь вамъ самимъ отдаю на судъ: правы ли вы? Конечно, ей бы надо выдержать и этотъ опытъ, но молодость ея не устояла и живой ея характеръ,—то я васъ прошу ее простить. Уважьте лѣта мои!» И сталъ на колѣни. Мужъ мой его поднялъ; старикъ заплакалъ. «Ежели бы я къ ней не пріѣхалъ, то она, конечно бы, не была виновата, а съ другимъ, я увѣренъ, она бъ не поѣхала. Но она повѣрила себя моимъ лѣтамъ и дружеству, которое я къ вамъ имѣю!» И такъ, мой мужъ простилъ меня и обнялъ. И я, видя, что онъ пересталъ сердиться и спросилъ у меня: «Ты впредь этого не сдѣлаешь?»—я отвѣчала: «Нѣтъ, потому что ты меня впредь не станешь оставлять и уѣзжать одинъ на праздникъ?» Онъ засмѣялся и сказалъ: «Видишь ли, Голынской? Давно ли плакала и боялась моего гнѣва, а теперь что говорить?» Однако, сіе было сказано безо всякаго

сердца. «Ты знаешь, что я искренна и не даю тебѣ въ томъ слова, чего сдержать не могу, а ты меня можешь предостеречь самъ отъ того, чтò тебѣ неприятно». И такъ, мы пріѣхали домой, и Голынской у насъ ночевала. Матушка вышла насъ встрѣтить и выговорила Александру Матвѣвичу [Карамышеву] за то, что онъ не взялъ меня. «А я ее послала, чтобъ она ѣхала,—и знай, что и впредь сіе будетъ! Я и сама съ ней поѣду: она и такъ довольно видитъ неприятностей, а еще и это невинное удовольствие отнять отъ нея хочешь!»

Наконецъ, онъ, по дѣламъ, препорученнымъ отъ начальника, принужденъ былъ чаще быть дома, но всегда былъ скученъ. Сколько я ему ни говорила, что неужто я не могу усладить его жизни, и развѣ ему пріятнѣе быть съ чужими,—онъ отвѣчалъ: «Развѣ ты думаешь, что я могу тебя промѣнять на тѣхъ дѣвокъ, о которыхъ ты говоришь? Ты всегда моя жена и другъ, а это—только для препровожденія времени и для удовольствія».—«Да что жъ это такое? Я не могу понять, какъ безъ любви можно имѣть любовницъ? Ежели бы со мной сіе случилось, то я бы перестала тебя любить, но это выходитъ—скотство и грѣхъ передъ Богомъ и нарушеніе тѣхъ клятвъ, которыя ты давалъ мнѣ передъ Евангелиемъ! Остерегайся, мой другъ, чтобъ правосудіе Божіе не постигло тебя!» Онъ засмѣялся и сказалъ: «Какъ ты мила тогда, когда начнешь философствовать! Я тебя увѣряю, что ты называешь грѣхомъ то, что только есть наслажденіе натуральное, и я не подверженъ никакому отвѣту!» Я заплакала и замолчала, внутренно прося у Бога ему прощенія. И онъ нѣсколько разъ меня уговаривалъ, чтобъ я согласилась имѣть любовника и выкинула бы изъ головы глупые предразсудки. Я просила его, чтобъ онъ оставилъ меня въ глупыхъ моихъ мнѣніяхъ и не говорилъ мнѣ больше о такомъ постыдномъ дѣлѣ для меня. «Ты властенъ былъ отнять у меня имѣніе и спокойствіе, но совѣсти моей и добраго имени отнять не можешь. Меня сохранить тотъ Богъ, который сохраняетъ отъ чрева матери моей до сихъ поръ. Тебѣ какъ угодно, такъ и мысли, а меня оставь въ моихъ правилахъ. И я тебя увѣряю: пока хранить меня рука Божія, то я не сойду съ пути добродѣтели и не приму твоихъ совѣтовъ: они вредны душѣ моей и тѣлу! Боже милосердый! Тотъ, въ которомъ думала найти путевода и наставника,—тотъ хочетъ меня свести съ истиннаго пути и поставить на распутьѣ! Но Ты меня не оставишь и будешь хранителемъ! На Тебя одинаго моя надежда и упованіе, и я увѣрена твердо, что пока не отступлю отъ Тебя,—не буду Тобой оставлена!» Я весь разговоръ сказала матушкѣ, которая горько заплакала и просила меня не говорить съ нимъ больше на этотъ счетъ и какъ можно избѣгать сего разговора.

Итакъ, жизнь моя вся текла въ горести, но молодость и веселый

характеръ дѣлали то, что я забывала часто о своемъ горестномъ положеніи. Меня всякая бездѣлица утѣшала. Два моихъ друга, одинъ—племянникъ мой къ благодѣтелямъ, а другой—который домъ купилъ намъ, любили меня оба и, зная, что я люблю цвѣты и всякія бездѣлицы, то и утѣшали меня, и сдѣлали мнѣ маленькую оранжерею, чтобъ и зимой я пользовалась зеленью и цвѣтами,—словомъ, они старались мысли мои узнавать, только чтобъ я была утѣшена. Я же по простотѣ моей не иначе ихъ считала, какъ братьями,—то, когда они пріѣзжали ко мнѣ, я съ радостью бросалась къ нимъ, обнимала и цѣловала, называла самыми пріятными именами, друзьями и утѣшителями. Они сами меня ласкали и часто, смотря на невинное мое обхожденіе съ ними, плакали. Я же свои ласки не остерегалась имъ дѣлать при свекрови и мужѣ, когда онъ былъ дома, потому что они были самыя чистыя. Я тогда не знала другой любви, и была съ этой стороны счастлива и спокойна, и,—признаться,—что я была гораздо спокойнѣе, когда не было моего мужа дома, даже и веселѣе, и я не скрывала этихъ чувствъ отъ матери моей.

Итакъ мы жили до самаго того времени, пока не поѣхали въ Сибирь. И на это было собственное его желаніе. Онъ просилъ у к[нязя] П[отемкина], какъ милости какой-нибудь, чтобъ его опредѣлить въ Иркутскій банкъ директоромъ¹⁾: онъ больше ничего не хочетъ; а причина главная была та, что его не сдѣлали членомъ Бергъ-Коллегіи, а посадили на это мѣсто другого. Сколько я его ни упрашивала, чтобъ онъ не ѣхалъ въ такое отдаленное мѣсто, гдѣ я не буду имѣть ни друзей, ни благодѣтелей, и, ежели онъ не переменится, то что я буду дѣлать и некому будетъ открыть сердца моего и сложить тягости? Я буду имѣть одного друга—мать мою, которую надо мнѣ беречь и даже скрывать отъ нея многое то, которое меня огорчаетъ. Она и такъ мало видитъ радостей, и здоровье ея становится слабо. «Недоставало только этого несчастія, которое ты не упустилъ сдѣлать, лишивши меня послѣдняго удовольствія и блага!» И я съ горестью разставалась съ домомъ, съ друзьями и благодѣтелями. Братъ же мой былъ ужъ въ полку, съ которымъ и уѣхалъ въ Полтаву, и я была лишена удовольствія и проститься съ нимъ! Друзья мои его уговаривали, чтобъ онъ оставилъ свое предпріятіе, но ничто не помогло. Самъ к[нязь] П[отемкинъ] предлагалъ другое ему мѣсто у себя и хотѣлъ сдѣлать счастливымъ, общалъ все то, что только онъ потребуетъ, но онъ просилъ его сдѣлать ту милость, о которой онъ проситъ. Итакъ, к[нязь] доложилъ императрицѣ,—и въ тотъ же день сдѣлано было; и не въ примѣръ другимъ опредѣлено двойное жалованье, какъ ему, такъ и всѣмъ подчиненнымъ, по его просьбѣ. И мы все продали, что имѣли, и торопились, какъ будто насъ кто гналъ; и все продали за бездѣнокъ.

¹⁾ Это назначеніе состоялось 23-го мая 1773 г.

Въ это время съ грустью въ сердцѣ и рано поутру, я вышла въ садъ и увидѣла любимую мою вишню, которая была вся въ цвѣту, увявшую и сронившую всѣ цвѣты, и листочки всѣ пожелтѣли. Я долго стояла и смотрѣла, наконецъ сказала: «Неужто ты, милое деревцо, обо мнѣ грустишь до того, что потеряло всю свою красоту, и жизнь твоя исчезаетъ? Я бы хотѣла, чтобъ ты и безъ меня цвѣло, тебя такъ же будетъ любить новый твой хозяинъ и будетъ ходить за тобой! Нельзя тебя не любить: ты прекрасна и плоды твои вкусны!» И слезы мои полились... Я, пришедши въ комнату, сказала тому молодому человѣку, который изъ дружбы смотрѣлъ за садомъ. Онъ, не повѣря мнѣ, самъ пошелъ, сказавши, что «я вчерась самъ его поливалъ и любовался имъ». Вошедши въ садъ и увидя самъ то, чему не вѣрилъ, чрезвычайно удивился и съ горестью сказалъ: «Не знаю, будете ли вы счастливы и спокойны тамъ, куда вы ѣдете. Я боюсь за васъ, добрая моя и почтенная А[нна] Е[вдокимовна]; я слышалъ отъ батюшки, который слишкомъ сорокъ лѣтъ садовникомъ при дворѣ, что и у деревцовъ есть чувство, когда оно лишается добраго хозяина, и, ежели еще и несчастіе въ жизни какое-нибудь будетъ,—то оно засыхаетъ и умираетъ. Онъ утверждалъ, что имъ замѣчено это нѣсколько разъ въ жизни его,—то и я за васъ боюсь; однако, посмотрю, нѣтъ ли въ корнѣ черви, который портитъ дерево?» И тотчасъ отрылъ его и осмотрѣлъ весь корень. Ничего не нашелъ, и корень довольно здоровъ. Мы еще послѣ сего мѣсяца жили, и деревцо совсѣмъ умерло, сколько онъ ни прилагалъ къ нему трудовъ и знанія, хотя его имѣть у себя; но не могъ спасти...

Итакъ, я, простившись съ моими друзьями и благодѣтелями, отправилась въ дальнюю дорогу. Заѣхали въ деревню къ моему милому и почтенному отцу и благодѣтелю¹⁾ и прожили двѣ недѣли, а барка дождалась насъ въ городѣ Яро[славль]. Прощанье мое было самое горестное; они меня такъ оплакивали и проводили, какъ-бы я умерла. И я выѣхала отъ нихъ съ растерзаннымъ сердцемъ, и духъ мой такъ упалъ, что я ѣхала до самаго Ярославля, почти ни слова не говоря, и не ѣла, а все лежала. И меня привезли больную на барку, гдѣ я двѣ недѣли лежала. Мужъ мой показывалъ все свое вниманіе и уваженіе ко мнѣ и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ нерѣдко и плакалъ, говоря: «Видно, я сотворенъ для твоего несчастія! Ты, кромѣ огорченія, еще ничего отъ меня не видѣла: я умѣлъ у тебя все любезное отнять, а дать ничего не могу. Но вѣришь ли ты, что я тебя люблю, и что ты для меня драгоценна?» Я вздохнула и сказала: «До сихъ поръ еще я не видѣла, мой другъ, этого, а что будетъ впредь,—не знаю. Только прошу тебя вспо-

¹⁾ Деревня Хераскова, въ которой онъ жилъ каждое лѣто, называлась Очаково и находилась недалеко отъ Москвы, по Можайской дорогѣ.

мнить, что я теперь безъ благодѣтелей, безъ брата, безъ друзей,—то дай самъ мнѣ все найти въ тебѣ! Вотъ мое благо;—тогда я бы все въ мірѣ забыла и жила бы для одного тебя!» Онъ заплакалъ и сказалъ: «Будетъ, мой милый другъ, это ты увидишь, только не грусти! Твое спокойствіе мнѣ дорого становится, и я тебя истинно люблю!»—«Дай Богъ, чтобъ все это совершилось, и я бы была счастливое твореніе!» Наконецъ, я выздоровѣла. Бѣжавшіе съ нами камериръ и кассиръ съ женами, которые меня сердечно полюбили, старались меня всячески утѣшать.... Наконецъ, грусть моя стала проходить. Мужъ мой сталъ очень ласковъ ко мнѣ и дѣлалъ мнѣ все удобное, что только отъ него зависѣло. И я такъ обнадѣялась на свое благополучіе, что ни объ чемъ больше не думала, какъ дѣлать моему мужу удобное, и старалась не поминать ни объ чемъ неприятномъ и прошедшемъ.

Итакъ, вся наша дорога кончилась въ совершенномъ спокойствіи. Наконецъ, мы пріѣхали въ Иркутскъ ¹⁾; отвели намъ квартиру довольно порядочную. На третій день нашего пріѣзда, сдѣлалъ мнѣ визитъ губернаторъ ²⁾, вице-губернаторъ ³⁾ съ женою и обласкали меня чрезвычайно; и всѣ тамошніе дамы и кавалеры начали пріѣзжать. Побывавши у меня, на другой день губернаторъ прислалъ карету съ лошадьми, пока мы не заведемъ своихъ; купечество прислало все нужное для дома, повѣренныя—водки и винъ, двѣ коровы и даже сѣна и разныхъ домашнихъ птицъ; и я ничего не покупала. Наконецъ, я поѣхала съ визитами, и меня вездѣ принимали какъ-бы принцессу какую, и очень меня всѣ полюбили, особливо домъ губернатора и вице-губернатора,—и самолюбію моему очень было приятно. Мужа моего чрезвычайно полюбилъ губернаторъ, и я, казалось, начала блаженствовать... Но не долго продолжалось мое спокойствіе...

Живши мѣсяца четыре, я занемогла, и мужъ мой легъ спать на канале. Ночь, такъ какъ отъ болѣзни сна у меня не было, и я лежала молча, опасаясь обезпокоить мужа моего,—вижу, что онъ встаетъ очень тихо и подходитъ ко мнѣ, спрашиваетъ, сплю ли я? Но я не отвѣчала ему, и онъ, увѣрившись, что я сплю, пошелъ въ другую комнату, гдѣ спала

¹⁾ Августъ-сентябрь 1779 года.

²⁾ Это былъ генераль-маіоръ Францъ Николаевичъ Кличка, занимавшій должность иркутскаго губернатора съ 24-го сентября 1778 до 1783 г., когда былъ назначенъ генераль-губернаторомъ калужскимъ и орловскимъ; умеръ онъ въ Орлѣ 28-го октября 1786 года въ чинѣ генераль-поручика. О немъ см. „Русскій Біографическій Словарь“, С.-Пб. 1897, стр. 742.

³⁾ Съ 22-го сентября 1778 по 1783 г. иркутскимъ вице-губернаторомъ былъ бригадиръ (съ 24-го ноября 1780 г. генераль-маіоръ) Александръ Юрьевичъ фонъ-Цедельманъ (род. въ 1723, ум. 5-го октября 1793 г.), съ 1787 года проживавшій въ пожалованномъ ему имѣніи въ Эстляндской губерніи („Русскій Біографическій Словарь“ С.-Пб. 1901, стр. 466).

дѣвка, — и я увидѣла всѣ мерзости, которыя онъ съ ней дѣлалъ! Сердце у меня кровью облилось, и я увидѣла свое несчастіе и считала худшимъ, нежели было, потому что дома онъ никогда не имѣлъ дѣвки. Поутру подали мнѣ чай, а мужъ мой услуживалъ мнѣ очень, но, видя, что я очень невесела и насилу удерживаю слезы, началъ спрашивать, кто меня огорчилъ и что со мною сдѣлалось? Я отвѣчала, что у меня сильная боль въ головѣ, но, кажется, онъ догадывался и примѣчалъ, не знаю ли я чего. Матери моей я сказать боялась—не знала, вынесетъ ли она по слабости своей. Итакъ, рѣшилась терпѣть и молчать... Лѣкаръ, пріѣхавши, удивился, нашедши меня хуже, нежели я наканунѣ была, и сказалъ: «Что съ нею сдѣлалось? У ней кровь въ сильномъ волненіи, и ей сію минуту надо пустить кровь!» Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ губернаторъ, и, увидя меня, сказалъ: «Не отъ духа ли ваша болѣзнь происходитъ? Нѣтъ ли горести въ сердцѣ вашемъ? Я на лицѣ вижу не болѣзнь, а скорбь. Откровенности отъ васъ требовать не смѣю, потому что вы меня еще коротко не знаете, но желалъ бы я доказать вамъ, сколько я васъ люблю и почитаю, и сколько я беру участія во всемъ, касающемся до васъ! Узнайте меня короче и будьте искренны; требуйте отъ меня всего того, что вамъ угодно!»—«Я ни въ чемъ не имѣю нужды, кромѣ совѣтовъ добрыхъ, и чтобъ вы были моимъ наставникомъ и благодѣтелемъ; не откажите мнѣ въ семъ моемъ покорномъ прошеніи: я до сихъ поръ не жила безъ друга и путеvodителя,—но я теперь съ вами говорить не могу»... Въ самое это время пришелъ мужъ мой изъ Банка,—и такъ разговоръ кончился. Послѣ я думала: «Какъ я открою стыдъ мужа моего, и помогутъ ли мнѣ въ томъ несчастіи, которое я должна сносить? Нѣтъ помощника, кромѣ Создателя моего! буду Его просить, Онъ меня не оставитъ!» И мнѣ гораздо сдѣлалось отраднѣе. На третій день я встала съ постели, и мужъ мой былъ, повидимому, очень радъ и просилъ нашихъ камерира и кассира, чтобъ ихъ жены меня посѣщали. Они меня очень любили и никогда меня не оставляли; ихъ любви я никогда не забуду. Нельзя было отъ нихъ укрыться, хотя я имъ и не говорила никогда ничего, но, бывши всякій день вмѣстѣ, сами примѣчали. Одинъ разъ были мы на покосѣ, гдѣ недѣлю пробыли. Тутъ они многое увидѣли, какъ онъ ходилъ къ дѣвкамъ и всякія мерзости дѣлалъ и никому не спускалъ—ни бабамъ, ни дѣвкамъ, которыя его часто толкали и называли самыми неприятными именами; но ему не стыдно было; только всегда запрещалъ имъ мнѣ сказывать и грозилъ ихъ выеѣчь плетьюми. Вся моя была отрада въ слезахъ... Матушка потеряла зрѣніе и сдѣлалась очень слаба, то я и не могла съ ней дѣлить мои горести.

Въ самое это время губернаторъ отправилъ насъ въ Нерчинскъ ¹⁾

¹⁾ Въ началѣ 1780 года.

въ разсужденіе смерти тамошняго начальника ¹⁾, чтобъ не остановилась плавка серебра. Мужъ мой хотѣлъ меня оставить, но я не захотѣла и поѣхала съ нимъ, оставивши матушку и весь домъ, и препоручили нашему благодѣтельному губернатору.

Приѣхавши туды, вступилъ онъ въ должность, а я стала заниматься хозяйствомъ. И съ самаго моего приѣзда я увидѣла всѣхъ служащихъ при домѣ безъ ноздрей и съ клеймами. Сердце у меня замерло, и я въ великомъ была страхѣ; особливо я одного очень боялась, называемаго Феклистомъ, у котораго звѣрское лицо и видъ ужасный, а онъ всякій день входилъ въ комнаты топить печки. Въ одно утро я лежала еще на постели и слышу, что кто-то вошелъ въ комнату. Я тихонько встала и посмотрѣла черезъ ширмы, которыми была заставлена кровать наша, и, увидя этого страшнаго Феклиста, не помню, какъ упала въ постель и дожидалась, когда онъ придетъ меня убить, но вошла моя женщина и сказала, что поданъ самоваръ. Я встала и послала за полицеймейстеромъ и просила его избавить меня сего страшнаго человѣка. Онъ меня увѣрялъ, что это самый лучший человѣкъ изъ несчастныхъ. «Узнаете его короче,—вы его полюбите, а у меня нѣтъ лучше его и къ такой должности не могу никого, кромѣ его опредѣлить. Будьте покойны: я за него вамъ отвѣчаю!» Я послѣ этого сдѣлалась поспокойнѣе, но не могла все-таки безъ страха на него смотрѣть. Узнала я многихъ несчастныхъ и изъ благородныхъ, которымъ старалась всевозможныя показывать ласки. Тутъ во мнѣ снова родились чувства и наставленія моей матери, и живо представились всѣ ея добрыя дѣла и дружеское обхожденіе съ несчастными, въ которыхъ и меня дѣлала участницей,—и съ радостнымъ сердцемъ предприняла, сколько возможно, облегчать ихъ участь: помогать имъ и стараться ихъ любить. Съ сими мыслями я вышла въ сѣни, которыя вели во дворъ, гдѣ встрѣтила Феклиста и опять испугалась. Онъ меня остановилъ и съ робостью просилъ выслушать. Я остановилась и спросила: «Что тебѣ надобно?» Онъ упалъ мнѣ въ ноги. «Я вижу, что вы меня боитесь; иначе—нельзя: печать злодѣйствъ моихъ осталась на страшномъ моемъ лицѣ, но меня убиваетъ то, что вы меня не любите. Знаю, что нельзя любить, но хотъ терпите меня и не бойтесь. Меня Христосъ Спаситель простилъ; я смѣю потому думать, что дано мнѣ сердце новое, а не то звѣрское, которое я прежде имѣлъ». Я

¹⁾ Иона Вендиктовичъ Аршеневскій (род. въ 1727 г.), начавшій службу въ 1742 г. лакеемъ высоч. двора, въ 1748 г. получившій чинъ поручика, а въ 1773—бригадира, 27-го января 1777 г. былъ назначенъ командиромъ Нерчинскихъ заводовъ; умеръ 19-го декабря 1779 года. (Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская Родословная книга, т. I, С. Пб. 1895, стр. 26—27).

обняла его и сказала: «Я тебѣ даю мое слово, что буду стараться не только терпѣть, но и любить тебя»,—и опредѣлила его смотрѣть за птицами, чтобъ мнѣ съ нимъ чаще быть. И вскорѣ послѣ этого вдругъ приходятъ и сказываютъ, что Феклистъ умираетъ у насъ на дворѣ. Я пошла и увидѣла его безо всякихъ чувствъ; велѣла его внести къ себѣ въ комнату, послали за лѣкаремъ и пустили кровь. И какъ онъ пришелъ въ чувство, то осмотрѣлся вокругъ себя, и, увидя, что лежитъ у меня въ комнатѣ, сказалъ: «Теперь я вижу, что вы меня начинаете любить». Я спросила, что ему сдѣлалось?—«Вы не знаете еще моихъ злодѣяніевъ. Я былъ разбойникъ и ходилъ по Волгѣ 17 лѣтъ. Первое было мое удовольствіе—рѣзать себѣ подобныхъ и оставлять имъ нѣсколько жизни,—и ихъ мучительное трепетаніе дѣлало мнѣ радость. Сегодня я отдалъ повару цыплятъ для стола, и, идя по двору, нечаянно взглянулъ на крыльцо у кухни и увидѣлъ заколотыхъ цыплятъ,—и они трепещутъ. Я, вспомя свое злодѣйство, вся кровь во мнѣ остановилась, и я больше ничего не помню. Вотъ, моя благодѣтельница, теперь тебѣ извѣстны мои злодѣйства и причина моей болѣзни!» И я запретила, чтобъ остерегаться дѣлать все то, что можетъ ему привести на память первую его жизнь, и съ тѣхъ самыхъ поръ онъ былъ моимъ любимцемъ,—да и стоилъ того: весь домъ порученъ былъ ему, и когда мы уѣзжали куда, то и комнаты ему же поручались. Онъ часто доставлялъ мнѣ случай дѣлать добро несчастнымъ, ходатайствуя за нихъ и объявляя ихъ нужды, и я была счастлива, что исполняла опять волю матери моей: посѣщала больныхъ, чѣмъ могла награждала бѣдныхъ, несчастныхъ посѣщала въ ихъ жилищахъ ¹⁾.

Тамъ нѣтъ тюрьмы и всѣ ходятъ по волѣ, живутъ другіе своими домами. Одинъ разъ я ходила гулять съ двумя моими пріятельницами и очень устала и зашла къ несчастному, который былъ изъ благородныхъ, Жилинъ. Пришедши къ нему, сказала: «Я пришла къ вамъ отдохнуть и напиться чаю»... Онъ такъ былъ симъ моимъ посѣщеніемъ тронутъ, что зашатался и упалъ. Я ничего не понимала, отчего съ нимъ сіе сдѣлалось; бросились всѣ ему помогать; наконецъ, онъ опомнился, и мы его посадили. Я спросила, что онъ чувствуетъ, и не надо ли послать за лѣкаремъ, и отчего сдѣлалась такая дурнота? Онъ отвѣчалъ: «Отъ радости сильной и чувства благодарности. Могъ ли я ожидать въ моемъ несчастномъ положеніи такого милостиваго посѣщенія? Ты—ангелъ, принесшій мнѣ радость и миръ въ сердце мое, въ шестнадцать лѣтъ

¹⁾ Разказу объ этомъ Феклиствѣ, который былъ взятъ А. Е. Карамышевой въ Иркутскѣ и жилъ у нея въ качествѣ садовника, она посвятила (въ 1817 г.) особый очеркъ, предназначавшійся для печати и находящійся въ настоящее время у насъ; ему предпослана замѣтка „Взглядъ на Сибирь“, писанная, вѣроятно, А. Е. Лавзинимъ.

въ первый разъ! Я вижу посѣщеніе жены начальника моего и вижу, что и онъ меня не презираетъ. Да награждать васъ Творецъ всеми дарами!» Я стыдилась слушать такую благодарность и сказала: «Вы говорите, что рады моему приходу, а чаю мнѣ не дадутъ, а я очень пить хочу!» Онъ сидѣлъ весь въ слезахъ... Итакъ, мы напились чаю. Я, прощавшись съ нимъ, пригласила его на другой день къ себѣ отобѣдать, и съ тѣхъ поръ онъ очень часто бывалъ у меня и хаживалъ гулять со мной. И я радовалась, что доставляла ему спокойствіе хоть на нѣсколько времени. Вотъ какъ мало стоитъ въ тѣхъ мѣстахъ начальнику дѣлать несчастныхъ счастливыми! Одинъ разъ онъ, сидя у меня, сказалъ: «Вы столько добры и милостивы, что я осмѣливаюсь васъ просить: не можете ли вы увеличить еще вашего благодѣянія и спросить у супруга вашего? Есть одинъ несчастный мой товарищъ, за триста верстъ живущій, сосланный по одному дѣлу со мной, котораго я съ самаго несчастья не видалъ,—то не позволено ли мнѣ будетъ съ нимъ увидѣться на нѣсколько времени? Пусть бы онъ узналъ моихъ милостивыхъ благодѣтелей и увидѣлъ, что и въ несчастіи человекъ можетъ наслаждаться счастьемъ!» Я не могла ему сего обѣщать, а только взялась поговорить съ моимъ мужемъ, можно ли сіе сдѣлать? И нашедши случай, когда онъ былъ хорошо расположенъ, просила его; и онъ подъ видомъ осмотра заводовъ поѣхалъ въ городъ Нерчинскъ, и я съ нимъ, и Жалина онъ взялъ съ собою. Приѣхавши въ городъ, Александръ Матвѣевичъ послалъ за Озеровымъ, который тотчасъ и явился. И какое было свиданіе горестное сихъ двухъ несчастныхъ! Сколько слезъ было пролито! И они оба упали въ ноги къ мужу моему и мнѣ, называли отцемъ и благодѣтелемъ... Итакъ мы цѣлую недѣлю прожили. И Озеровъ воспитанъ очень хорошо: на разныхъ инструментахъ игралъ, пѣлъ, въ обхожденіи любезенъ. Поѣхавши, мы Озерова взяли съ собой подъ видомъ излѣченія болѣзни: у насъ въ городѣ лѣкарь былъ очень хорошій. Итакъ онъ жилъ семь мѣсяцевъ съ нами, и уѣхалъ тогда, когда намъ ужъ надо было выѣхать.

Узнавши они все о нашемъ отъѣздѣ¹⁾, въ такое пришли уныніе, что я видѣть ихъ не могла безъ сердечнаго чувства скорбнаго. Я же скажу: сколько я тамъ была нелестно всеми любима, это доказали они все мнѣ. При моемъ отъѣздѣ цѣлыя двѣ недѣли безвыходно все у меня были, особливо несчастные, руки мои обмывали слезами, и я искренно съ ними плакала и жалѣла ихъ. Я точно ихъ считала самыми ближайшими къ сердцу моему, и эти полтора года, проведенные мною въ Нерчинскѣ, никогда не возвратятся. Всякій день Богъ подавалъ мнѣ случай дѣлать добро для ближнихъ; я все

¹⁾ Въ первой половинѣ 1781 г.

приказанія матери моей тутъ выполняла: страждущихъ и больныхъ посѣщала всякій день, лѣчила. Даже мнѣ были случаи въ отдаленности дѣлать добро: узнавши черезъ несчастныхъ, ѣзжала и по деревнямъ дѣлать вспоможеніе. Ахъ, какъ сердце мое тогда было спокойно! Совѣсть моя ничѣмъ меня не упрекала, мыслей даже дурныхъ никогда не имѣла, и меня меньше трогали поступки мужа моего постыдные, дѣланные противъ меня. Я веселилась тѣмъ, что онъ меня ничѣмъ упрекнуть не можетъ, и я противъ него не была виновата, даже не обличала его въ порокахъ. Я въ Нерчинскѣ тѣмъ была спокойнѣе, что дома не было у меня такихъ женщинъ, къ которымъ бы онъ могъ идти, и я этого не боялась, чтобъ онъ могъ пристраститься къ одной: ему все равно, была красавица ли, или безобразная, лишь бы была женщина.

Наконецъ, мы собрались ѣхать обратно въ Иркутскъ, и въ который день поѣхали мы изъ Нерчинска, тотъ день для меня будетъ памятенъ по смерти моему. Все несчастные собрались къ нашему дому, а многіе и ночевали у насъ, а благородные и не спали, и я цѣлую ночь съ ними просидѣла. Разговоровъ было очень мало, но стоны только были слышны. Въ пять часовъ поутру привели лошадей, и какъ начали закладывать, то сдѣлался глухой шумъ и стонъ. Заложили лошадей, и мы стали прощаться. Тутъ ужъ они не могли удержать своего рыданія, бросились все въ ноги и закричали: «Простите, наши благодѣтели, осиротѣли мы, несчастные, и участь наша опять станетъ насъ тяготить и облегчить нашей горести будетъ некому! Богъ да награждаетъ васъ и благословитъ за насъ, несчастныхъ!» И такъ, распрощавшись, поѣхали; они все за нами бѣжали съ воемъ и крикомъ, въ отчаяніи. Полицеймейстеръ хотѣлъ ихъ гнать,—они все закричали: «На этотъ разъ убей насъ, но мы не послушаемся! Знаешь, что мы теряемъ и чего лишаемся? Отца и матери!» Мы остановились, и Александръ Матвѣевичъ сталъ ихъ уговаривать: «Друзья мои, вы такъ же будете счастливы и спокойны, какъ и при мнѣ. Начальникъ у васъ добрый: онъ васъ будетъ беречь. Я его просилъ объ васъ, только будьте таковы, каковы были при мнѣ!»—«Мы давно таковы, но намъ все было худо! Мы до тебя были голодны, наги и босы и многіе умирали отъ стужи! Ты насъ одѣлъ, обулъ, даже работы наши облегчалъ по силамъ нашимъ, больныхъ лѣчилъ, завелъ для насъ огороды, заготовлялъ годовую для насъ пищу, и мы не хуже ѣли другихъ. И мы знаемъ, что ты много твоего издерживалъ для насъ и выѣзжаешь не съ богатствомъ, а съ долгами,—но Богъ тебя не оставитъ! Ты это въ долгъ давалъ и тебѣ десятиро возвратитъ Отецъ Небесный! То какъ же хотѣть, чтобы мы не рыдали? Позвольте намъ проводить себя до горы!» (разстояніемъ 18 верстъ). И никто не могъ остановить, и Александръ Матвѣевичъ выпросилъ для нихъ это удовольствіе, и мы ѣхали шагомъ, а они все, повѣся голову, шли пѣшкомъ.

Какъ доѣхали до горы, тутъ остановились, и я не могу описать того отчаянія и горести, которое я въ нихъ видѣла. И съ страшнымъ стономъ пошли назадъ, и эхо повторяло ихъ стоны... Я истинно не помню, какъ я съ ними разставалась ужъ въ послѣднюю минуту, и мужъ мой горько плакалъ. Въ немъ много было добраго, и эта добродѣтель въ немъ велика была, чтобъ дѣлиться съ бѣдными. Случалось такъ, что и у себя не оставитъ, а послѣднее отдастъ! Ему, конечно, вмѣнится сія добродѣтель во что-нибудь и покроетъ другія его дѣла...

Ѣхавши дорогой, было время самое пріятное,—весной ¹⁾; мѣстополюженія были живописныя: горы, наполненныя цвѣтами душистыми и персиками, яблонями; изъ горъ били ключи и между цвѣтовъ протекали по долинамъ. Я, смотря, вспоминала тѣ виды, подобные симъ, въ самомъ Нерчинскѣ, гдѣ съ пріятностію сживала на горахъ, при восходѣ солнца, когда оно бросало лучи свои на блестящія капли росы, и всѣ цвѣты, подымая свои головки, испускали благовоніе. Сердце мое въ тишинѣ радовалось, нерѣдко и слезы лились, хотя я и не знала еще тогда познанія натуры и не находила, или не умѣла находить и видѣть Творца въ твореніи, но внутренняя радость и тогда меня улаждала и умирала чувства мои; и я въ такомъ мирѣ приходила домой, что, кажется, никакая досада тогда не могла меня растрогать; всѣ тогда матери моей наставленія и слова живо возродились въ моей памяти, и я часто говаривала такъ, какъ будто бѣ она слышала меня: «Вотъ, почтенная родительница моя, дочь твоя исполняетъ теперь твои завѣщанія! Ты, конечно, слышишь и видишь; ежели это возможно,—то ты радуешься. Долго твои наставленія во мнѣ были погребены и недѣйствительны, и, ежели выѣду отсюда, можетъ быть опять то же будетъ. Я здѣсь совсѣмъ безъ путеvodителя, но пусть духъ твой будетъ моимъ хранителемъ!»

И такъ, мы пріѣхали въ Иркутскъ. Губернаторъ ²⁾ былъ очень радъ нашему пріѣзду, и, смотря на меня, сказалъ:

— «Мнѣ кажется, тамошній воздухъ болѣе на васъ имѣлъ благотворное свое дѣйствіе, нежели здѣсь. Вы совсѣмъ перемѣнились: я вижу спокойствіе на лицѣ вашемъ. Я этого ожидалъ,—меня увѣдомляли о вашей тамошней жизни; я все знаю, какъ вы жили и чѣмъ вы занимались».

Я сказала: — «Ежели вы все знаете, — то кто жъ мнѣ доставилъ тамошнюю мирную жизнь, какъ не вы, то я и отношу всю мою перемѣну къ вамъ, моему почтенному благодѣтелю. Одно только жалѣю, что я не могла жить тамъ до конца дней моихъ: я бѣ могла всякій день видѣть новыя радости!»

¹⁾ 1781 г.

²⁾ Ф. Н. Кличка.

— Не скорбите: вы и здѣсь можете быть счастливы и наслаждаться пріятностями жизни. Примите меня въ друзья ваши и не откажите въ семъ для меня пріятномъ названіи!

— Я должна сего испрашивать у васъ, а не вы у меня!

— И такъ, дайте руку, что ваше сердце будетъ открыто вашему другу, и ваши тайны будутъ заключены въ моему сердцу!

Я заплакала и сказала: «Будьте не только другомъ, но и отцомъ; мнѣ нужны ваши совѣты и наставленія!»

И такъ, мы начали опять нашу жизнь по-прежнему; мать оставалась въ Иркутскѣ и была очень рада нашему пріѣзду. «Спокойно ли ты, мой другъ, тамъ жила?» Я ей все рассказала, и она благодарила Бога, что хоть это короткое время я нашла для сердца своего пищу и удовольствіе. «Но я предвижу, что здѣсь опять твои страданія начнутся; но прошу тебя, какъ другъ: тебѣ ужъ двадцать второй годъ, и я могу съ тобой говорить. Скрывай, моя любезная, что ты знаешь худое поведеніе мужа твоего,—это одно только можетъ его остановить, чтобъ все дѣлать явно, и по поведенію твоему будетъ бояться обнаружить свои дѣла. Знаю, что тебѣ горько и несосно, но молись Ходатаю нашему Иисусу Христу, чтобъ Онъ послалъ тебѣ свою помощь и терпѣніе. Онъ тебя не оставитъ и наградитъ тебя за твое терпѣніе великими дарами!»

Мужъ мой принялся опять за свои старыя дѣла, и такъ какъ у насъ была квартира очень тѣсна,—двѣ комнаты и на другой половинѣ у матушки двѣ комнаты,—то ему много мѣшало исполнять свои похоти, и въ разсужденіи сего, онъ меня часто посылалъ со двора подъ видомъ, чтобъ не пріѣхали ко мнѣ гости и ему не помѣшали въ его упражненіи. И я всегда ему повиновалась, а ежели не послушаюсь его, то чрезвычайно былъ сердитъ; то, избѣгая всего, я уѣзжала, и всѣ мои выѣзды были больше къ губернатору, а ужъ ежели мнѣ бывало очень горько, то я уѣзжала къ нашей секретаршѣ, которая жила за городомъ. И тамъ, сидя на берегу, давала вольное теченіе слезамъ, и они со мной плакали, зная всю мою жизнь, не отъ меня, но отъ людей. И опять черезъ нѣсколько времени духъ мой пришелъ въ уныніе, и ничто меня не веселило, хотя я и показывала наружно, что я весела. Но иной разъ, забывши, вздохи мои открывали состояніе души моей.

Одинъ разъ, бывши я у губернатора, онъ сказалъ мнѣ: «Я жалѣю, что вы тѣсно живете; вамъ бы надо свой домъ имѣть; отъ меня недалеко продаютъ домъ за триста рублей: онъ ветхъ очень, но мѣсто хорошо и велико, то вы могли бы выстроить».

— Конечно бѣ, это было хорошо, но мы не въ состояніи сего сдѣлать.

На другой день былъ домъ купленъ на мое имя и приказано было ломать и возить бревна, и планъ былъ сдѣланъ. Я столько была симъ

тронута, что не было словъ, но слезы мои изъявляли мою благодарность. На закладкѣ самъ былъ нашъ благодѣтель и велѣлъ и садъ развестъ, и это все шло вмѣстѣ—и строеніе дому, и саду; и всякій день самъ ходилъ, надсматривалъ надъ работой. И такъ, я зимой была съ домою, и что было надо въ домъ,—все нашла, и благодѣтель нашъ у насъ обѣдалъ на новосельѣ; и въ домѣ были для меня двѣ комнаты: одна—диванная, а другая—самая уединенная, и убраны съ самымъ лучшимъ вкусомъ: не богато, но просто и чисто. Онъ привелъ меня въ эти комнаты и сказалъ:

— Вотъ, мой другъ, собственно для тебя. Ежели могутъ сіи комнаты тебѣ въ смутные часы твоей жизни хоть сколько-нибудь дать спокойствія, то я ужъ заплаченъ отъ тебя буду. Вотъ и распятый Иисусъ, котораго проси помощи и успокоенія. Онъ тебя не оставитъ, только ты Его не оставляй!

И я, оставшись одна, первое было мое чувство—идти въ мои комнаты и упасть передъ распятіемъ—благодарить, что Онъ опять мнѣ далъ отца и друга, въ которомъ я найду моего проводника и наставника. Мужъ мой, увидя меня въ слезахъ, спросилъ: «Что тебѣ сдѣлалось?»—«Не оскорбляйся, мой другъ: ты видишь слезы благодарности къ Спасителю моему и къ нашему благодѣтелю!» Онъ самъ заплакалъ и сказалъ: «Чѣмъ мы заплатимъ за толика милости?»—«Другъ мой! Богъ не требуетъ отъ насъ больше ничего, какъ чистоты сердецъ нашихъ и преданія себя въ волю Его, и чтобъ мы жили въ чистой супружеской любви и прославляли бѣ Его милосердіе жизнью нашею и поведеніемъ и чистою любовью къ Нему: Онъ не требуетъ словъ, но смотритъ на дѣла наши; а благодѣтелю нашему будемъ стараться всячески показывать дѣтскую любовь и благодарность, и будемъ къ нему искренны. Особливо мнѣ надо хвалить Господа моего: у меня опять есть отецъ, которому я могу открывать все чувства мои, и, конечно, мое сердце будетъ ему открыто!» Мужъ мой, все сидя, плакалъ; вставши, очень тяжело вздохнулъ и сказалъ: «Твое сердце можетъ открыто быть,—оно чисто, а я не могу: мнѣ надо скрывать, что въ немъ происходитъ!» Обнялъ меня и ушелъ спать.

Полуночи мы пошли оба къ нашему благодѣтелю благодарить его. Я, вошедши къ нему въ кабинетъ, хотѣла благодарить, но рыданіе прервало слова мои. Онъ всталъ, обнялъ меня и назвалъ самымъ пріятнымъ именемъ: «Дочь моя и другъ мой! Сколько мое сердце желаетъ тебѣ добра и спокойствія, это видитъ мой Спаситель. Твое спокойствіе тѣсно сопряжено съ собственнымъ моимъ спокойствіемъ; сердце мое открыто для тебя, пусть и твое будетъ таково! Ежели я буду столько счастливъ, что ты будешь во мнѣ видѣть друга и отца и будешь открывать мнѣ твое сердце, — я буду сколько можно об-

легчать грусть твою и раздѣлять съ тобою; и совѣты мои будутъ тебѣ, можетъ быть, полезны!» Оборотясь къ мужу моему, сказалъ: «Ты, мой другъ, также для меня дорогъ, и я увѣренъ, что ты меня любишь. Отъ тебя требую, чтобъ ты со мной былъ всякій день. Я не думаю, чтобъ жена твоя была недовольна тѣмъ, что ты часто будешь ее оставлять одну. Я въ ней увѣренъ, что она не будетъ въ скукѣ, потому что у ней есть занятія. А ежели ей будетъ когда скучно, то и она можетъ съ нами дѣлить время. Ее же ваши подчиненные очень любятъ,—это я знаю,—то она одна не будетъ,—они ея не оставятъ. Да, она столько счастлива, что все ей радуются и хотятъ съ ней быть, только бѣ она захотѣла».

И такъ, мы начали жить въ новомъ своемъ жилищѣ, но не было у меня спокойствія. Мужъ мой, часъ-отъ-часу, дѣлался хуже въ своемъ поведеніи, но я ему ничего никогда не говорила. Мать моя была ужъ слѣпа, то я старалась и отъ нея скрыть, но она часто слыхала, что я плачу, и спрашивала меня: «Что тебѣ, мой другъ, сдѣлалось, что ты всегда плачешь; хоть я не вижу, но слышу и по ночамъ слезы твои; скорбитъ сердце мое, но помочь тебѣ не могу. Бывши съ глазами, я могла тебя спасти отъ многого, но теперь сама насилу таскаюсь. Молись Господу и не отчаивайся: Онъ тебя не оставитъ. Ты, можетъ быть, сими жестокими опытами приготавливаешься къ чему-нибудь важному, только умѣй все сіе вытерпѣть съ покорностью!» И послѣ сего разговора скоро очень сдѣлался съ ней ударъ, и въ сутки скончалась ¹⁾. И я съ ней потеряла послѣднюю мою отраду и спокойствіе. Мужъ мой чрезвычайно плакалъ, а я о себѣ ужъ и говорить не могу: я только была, какъ помѣшанная. Все шесть недѣль мужъ мой грустилъ очень, послѣ началъ забывать и отъ скуки, въ немъ еще оставшейся, препровождать время съ дѣвками, сказывавшимся благодѣтелю своему больнымъ. А я часто ухаживала къ моему доброму отцу, но не могла всего того сказать, что онъ дѣлалъ,—стыдъ мнѣ запрещалъ, но онъ зналъ отъ постороннихъ людей еще больше, нежели я думала. Сколько разъ говаривалъ ему, но онъ отвѣчалъ, что: «Я ее очень люблю, и она жаловаться на меня не можетъ», и мнѣ очень много доставалось самыхъ грубыхъ выговоровъ. Сколько я ни увѣряла его, что я никогда и никому объ немъ здѣсь не говорю, но онъ не вѣрилъ, и, наконецъ, все знали мою жизнь и, кромѣ сожалѣнія, ничѣмъ мнѣ помочь не могли. Но я истинно никогда не жаловалась никому, потому что помочь мнѣ никто не могъ, а старалась еще скрыть и быть сколько можно веселѣе, зная, что горестная физіономія не можетъ никому быть пріятна, и я боялась, чтобъ мной скучать не стали; только изливала мою горечь отцу моему и благодѣтелю, и то

¹⁾ 1781—1782 г.

рѣдко, когда не могу уж и лицо показать веселое, невольно вырываются вздохи и слезы выступают на глаза,—тогда только складывала съ сердца моего тягость гнетущей меня горести. Но, что онъ могъ мнѣ сдѣлать, какую подать помощь страждущей, кромѣ сожалѣнія обо мнѣ? и часто плакалъ со мной, уговаривалъ терпѣть и повиноваться волѣ Божіей: «Не мудрено, мой другъ, любить добраго мужа, но умѣй любить и уважать такого, каковъ у тебя. Терпѣніе твое не останется безъ награжденія,—молись Иисусу распятому, чтобъ онъ сохранилъ тебя отъ всѣхъ искушеній. Не повѣрай тайны сердца твоего мужичиѣ, который можетъ симъ случаемъ воспользоваться. Ежели кто осмѣлится при тебѣ говорить дурно о твоёмъ мужѣ, то запрети и вступишь за него, и покажи, что ты ничему не вѣришь, что объ немъ говорятъ; самымъ этимъ ты заслужишь къ себѣ уваженіе и остановишь самага дерзкаго мужчину сдѣлать тебѣ малѣйшій видъ неблагопристойности». Мужъ мой не могъ меня ничѣмъ укорить,—мое поведеніе и невинность защищали меня. Наконецъ, онъ сталъ со мной гораздо ласковѣе обходиться, и продолжалось сіе довольно долго. Сдѣлался онъ нездоровъ; я одна сидѣла съ нимъ вечеромъ; онъ очень показался мнѣ горекъ, я спросила у него:

«Что тебя беспокоитъ: болѣзнь твоя или что-нибудь другое?»

— «Я становлюсь слабъ; дѣтей у насъ нѣтъ; деревнишки, которыя у меня есть ¹⁾,—мои родные у тебя возьмутъ,—съ чѣмъ ты останешься? Меня это чрезвычайно огорчаетъ!»

— «Поздно, мой другъ, началъ ты объ этомъ мыслить; помочь теперь нечѣмъ. Не безпокойся, я останусь богата и ничуть не бѣдна; совѣсть моя чиста предъ Богомъ и ничѣмъ меня не укоряетъ; противъ тебя—тоже невиновна; любима всѣми не по заслугамъ моимъ, — и это все по милости Даятеля всѣхъ благъ. Имѣю сіи сокровища, чего жъ мнѣ болѣе желать? Онъ меня сохранялъ и защищалъ до самой сей минуты, за что же Онъ меня и впредь не помилуетъ? Только бъ я Его не оставила, а Онъ никогда не оставляетъ тѣхъ, которые къ Нему прибѣгаютъ, и у меня, кромѣ Его—другого помощника нѣтъ!»

Онъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и спросилъ: «Неужто ты считаешь грѣхомъ имѣть, кромѣ меня, другаго мужчину, который бы замѣнилъ меня и отъ котораго бъ ты могла имѣть дѣтей? Они бы были для меня любезны, потому-что твои, и это бы самое меня успокоило. Я бъ самъ тебѣ представилъ того человѣка, въ которомъ я могу быть увѣренъ, что онъ сохранитъ сію тайну и твою честь. А о комъ я говорю, я знаю, что онъ тебя любитъ. Неужто ты мнѣ въ этомъ откажешь?»

Я долго молчала, потому-что окаменѣла, услышавши, до чего меня

¹⁾ См. предисловіе.

хочетъ довести тотъ, который долженъ быть моимъ путеводителемъ и наставникомъ! Наконецъ, я спросила: не шутка ли это, которая меня чрезвычайно огорчаетъ? Онъ отвѣчалъ:

«Нѣтъ, мой другъ, это истинное мое желаніе, въ которомъ заключается мое спокойствіе, и ты не должна мнѣ отказывать, а должна повиноваться!»

«Во всемъ, кромѣ этого! Здѣсь граница моего къ тебѣ повиновенія и почтенія! Все, что ты ни дѣлалъ противъ меня—я простила, но этого простить нельзя! Чѣмъ ты и кѣмъ меня хочешь сдѣлать? Я знаю, что тебѣ больно, для чего ты ничѣмъ меня укорить не можешь,—будь увѣренъ, что я научена до тебя еще быть добродѣтельной, и никакія твои угрозы меня довести до безчестныхъ и мерзкихъ дѣлъ не могутъ! Все можешь мнѣ приказывать, кромѣ сего для тебя же постыднаго предложенія! Я удивляюсь, какъ ты могъ мнѣ говорить о такомъ дѣлѣ, въ которомъ ты, конечно, увѣренъ, что я тебя не послушаю!» Слезы текуція и рыданія прервали голосъ мой...

Онъ сказалъ: «Какъ ты дурачишься! Я думалъ, что ты нынче умнѣе стала. Тебѣ теперь двадцать-два года ¹⁾, то пора бы перестать называть то грѣхомъ и порокомъ, что служить къ удовольствію человѣка,—и я увѣренъ, что ежели ты размыслишь хорошенько и узнаешь того человѣка, который тебя страстно любитъ, то, наконецъ, съ удовольствіемъ согласишься!»

«Мнѣ не объ чемъ размыслить: тебѣ отвѣтъ сдѣланъ, а знать того человѣка, о которомъ ты говоришь, не хочу! Удивляетъ меня то, почему ты знаешь о страстной его любви ко мнѣ; ежели онъ самъ тебѣ сказывалъ, то какъ онъ смѣлъ тебѣ говорить о безчестіи той, которая составляетъ часть самого тебя? Но ежели ты самъ далъ поводъ къ сему открытію, то не безчестно ли съ твоей стороны? И за какую ты меня выдаешь? Не думай, чтобъ меня могло сіе замарать; я теперь буду обходиться со всякимъ мужчиной еще осторожнѣе, нежели прежде, и увѣрена, что моимъ поведеніемъ самага дерзкаго мужчину удержу въ границахъ благопристойности. Ты заставилъ меня сказать тебѣ правду, что я въ тебѣ никогда не имѣла и не надѣялась имѣть ни путеводителя, ни наставника; видно, Господу угодно было, чтобъ мной управляли совсѣмъ посторонніе люди и научали быть добродѣтельной, а отъ тебя, кромѣ разврата, я еще ничего не видала! Ты самъ въ этомъ признаешься! Меня и здѣсь Господь не оставилъ сиротой и далъ мнѣ отца и благодѣтеля, которому все сердце мое открыто, и ежели вы мнѣ еще будете говорить о семъ, то я рѣшусь про васъ сказать все и просить наставленія у бла-

¹⁾ 1781—1782 г.

годителя моего, что мнѣ дѣлать въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ!»

Онъ такъ разсердился, что началъ меня ругать и сказалъ:

«Я то съ тобой сдѣлаю, чего ты никогда не ожидала!»

— Буду все терпѣть, доколѣ будетъ угодно Господу повелѣть, но тѣмъ буду утѣшаться, что я невинна!

Онъ сказалъ: «Вотъ тебѣ срокъ на три дня рѣшить,—или приготовься видѣть то, чего еще ты не видала!»

— Какой вамъ угодно положить срокъ,—великъ или малъ,—отвѣтъ будетъ одинъ, и я готова на все, что вы мнѣ обѣщаете, и меня ничто не утешитъ: я буду знать, за что я терплю, и сіе терпѣніе будетъ еще мнѣ доставлять нѣкоторое удовольствіе,—но я жалѣю объ васъ,—будете ли вы спокойны, и не будетъ ли совѣсть васъ укорять, что вы мучите ту, которая хочетъ васъ одного любить, но вы стараетесь сами меня съ собой раздѣлить!

Разговоръ нашъ прерванъ былъ приходомъ его племянника, который пріѣзжалъ закупать для полку сукна и долго у насъ жилъ и съ женою. Всѣ его родные меня очень любили, и я имъ тѣмъ же платила, а особливо этотъ племянникъ старался всячески мнѣ угодить. Я старалась быть всегда не одна, чтобъ опять не возобновилась у меня съ мужемъ непріятная матерія.

Прошло недѣли двѣ, какъ племянникъ жену свою отправилъ напередъ въ крѣпость, въ которой ихъ полкъ стоялъ, а самъ на нѣсколько времени остался у насъ. Въ одинъ день мужа моего не было дома, и я сидѣла одна въ своей комнатѣ и въ самыхъ горькихъ размышленіяхъ о моей скорбной жизни, молила Иисуса, Господа моего, чтобъ Онъ подалъ мнѣ силы и крѣпость къ перенесенію всего того, что еще мнѣ предстоитъ. Вдругъ отворяются двери и входитъ его племянникъ и, увидя меня въ слезахъ, сказалъ: «Долго ли вамъ, милая тетупка, плакать? Будьте веселы; я знаю вашу жизнь и ваше терпѣніе. Пусть онъ васъ не любитъ,—есть такіе люди, которые васъ обожаютъ и лучше умѣютъ цѣнить, но вы не примѣчаете или не хотите примѣчать. Вамъ только стоитъ сказать слово, то все будетъ исполнено!» Я никакъ не могла понять, что онъ хочетъ сказать, и просила его, чтобъ онъ яснѣе говорилъ. Онъ началъ прямо изъясняться въ своей страсти. Я горько заплакала и сказала: «Господи мой и Боже! Всѣ на меня возстали,—защити меня! Могла ли я ожидать такого безчестнаго предложенія и отъ кого—отъ того, который видитъ мое поведеніе и знаетъ, сколь мнѣ дорога чистота души моей? Почему вы вздумали и осмѣлились мнѣ сказать, что мужъ мой меня не любитъ? Кто вамъ это сказалъ? Если вы скажете, что изъ обхожденія его со мной это примѣтили,—то вы солжете: его со мной обхожденіе самое лучшее, котораго по наружности

больше я и требовать не могу, а во внутренности вы видѣть не можете. Но, ежели бы и справедлива была ваша догадка, то вамъ бы осталось только жалѣть меня, а не дѣлать мнѣ мерзкихъ предложеніевъ, которыя меня чрезвычайно огорчаютъ, а васъ дѣлаютъ въ глазахъ моихъ самымъ подлымъ и презрительнымъ человекомъ, и вы не заслуживаете, чтобъ я съ вами могла больше говорить. Для меня низко быть съ такимъ человекомъ, каковъ ты! Прошу васъ мой домъ оставить навсегда и сегодня же, а ежели вы не сдѣлаете сего, я объявлю мужу моему и буду жаловаться на васъ губернатору, который какъ мнѣ отецъ, то онъ за дочь свою вступится!»

И я насилу могла говорить; рыданія меня задушали, и хотѣла выйдти, но онъ упалъ къ ногамъ моимъ, испрашивая прощенія, и сказалъ:

— Я думать никогда не смѣлъ объ этомъ, въ чемъ теперь сдѣлался виновнымъ! Меня къ этому подвинулъ мужъ твой, увѣряя меня, что вы сами этого желаете и онъ согласенъ на это. Потому-то я и сказалъ, что онъ васъ не любитъ!

Я вся затрепетала и не могла даже произнести ни одного слова; наконецъ, насилу собралась съ силами и сказала: «Не думаете ли, что я вамъ повѣрю? Это вы говорите въ свое оправданіе и хотите замарать другого въ семь мерзкомъ дѣлѣ! Мнѣ нечего съ вами долго оставаться, я и такъ много для васъ сдѣлала, что могла слушать васъ. Прошу васъ непременно сегодняшній день отправиться въ путь вашъ; я теперь иду обѣдать къ моему благодѣтелю и не войду въ мой домъ иначе, какъ узнаю, что вы уѣхали но ежели не сдѣлаете сего,—я все обнаружу!»

Сказавши сіе, я вышла вонъ и ту минуту пошла къ моему отцу и благодѣтелю. Пришедши, нашла и мужа моего тутъ. Увидѣвши его, всѣ члены мои затрепетали, и я насилу могла держаться на ногахъ. Губернаторъ, увидя меня блѣдную, вскочилъ, посадилъ, кликнулъ жену свою, которая мнѣ дала нюхать что-то. Я сказала: «Не беспокойтесь: я была очень далеко и устала, а больше отъ жару. Теперь прошло, и мнѣ лучше!» И пошла съ губернаторшей въ ея кабинетъ, гдѣ невольно полились слезы и облегчили сердце стѣсненное. И губернаторша сочла, что у меня истерика, и мужа моего увѣряла, который догадался, что это значитъ. Немного погодя, входитъ мой благодѣтель и съ горестнымъ лицомъ спрашиваетъ: «Какова ты, мой другъ? Я вижу, что чему-нибудь надо быть чрезвычайному, но теперь спрашивать не хочу». Я только просила, чтобъ онъ удержалъ мужа моего цѣлый день у себя. И такъ, мы пробыли до двѣнадцати часовъ; племянникъ его приходилъ къ губернатору прощаться, и мужъ мой очень удивился, что онъ такъ скоро вздумалъ ѣхать. Губернаторъ сказалъ на это ему: «Ужъ давно бы пора было отправляться и, кажется, здѣсь жить незачѣмъ!» Пришедши мы

домой, мужъ мой чрезвычайно былъ сердитъ и ни слова со мной не говорилъ. Я, помолвившись Богу и препоручая себя въ Его покровительство, легла спать. Вставши поутру, пошла поздороваться съ мужемъ моимъ. Только я вошла, то онъ спросилъ:

— Что это значитъ—скорый отъѣздъ моего племянника, котораго я столько много люблю, и онъ совершенный другъ?

— Ты ошибаешься въ его дружбѣ: онъ ничуть тебѣ не другъ, а больше врагъ, и не стѣитъ объ немъ и говорить!

Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердито, и спросилъ: «Почему, сударыня, вы это изволите говорить и смѣете обижать того, въ которомъ я увѣренъ, что онъ ничего не сдѣлаетъ того, что бъ служило къ его стыду. Чѣмъ онъ тебѣ не угодилъ?»

— Я отъ него никогда не требовала угожденія, а старалась сама всей твоей роднѣ угождать и дѣлать все то, что только отъ меня зависѣло. Правда, есть еще у тебя племянникъ, К. Ф. И., котораго я не только люблю, но и почитаю, и который входитъ въ мое скорбное положеніе и совѣтами своими много улаживаетъ горести мои, но онъ не помыслить дѣлать мнѣ никакихъ предложеній, которыя бы меня могли оскорбить; хотя онъ молодъ и холостъ, но правила его честныя не допустить ни до чего такого, которое бы могло укорять совѣсть его. Онъ не отыметъ у другихъ спокойствія!

— Да кто жъ у тебя отнимаетъ спокойствіе и кто тебѣ дѣлаетъ постыдныя предложенія?

И, говоря, пристально очень смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я замолчала, но онъ требовалъ самымъ сердитымъ голосомъ, чтобъ я говорила, почему я возненавидѣла уѣхавшаго племянника, котораго онъ хочетъ звать сюда жить.

— Когда ты заставляешь меня говорить, то знай же, что я его выгнала и запретила никогда не вѣзжать ко мнѣ въ домъ! Онъ-то самый и дѣлалъ мнѣ безчестныя предложенія и смѣлъ еще лгать на тебя, что будто ты его заставилъ говорить и увѣрилъ его о моей къ нему непозволенной любви: только стыдъ будто меня удерживалъ самой ему это открыть,—то, послѣ всего этого, я васъ спрошу: честенъ ли онъ и другъ ли вамъ?

Онъ сказалъ: «Что ты такъ много о себѣ думаешь? И принцессамъ объявляютъ любовь, которые смѣютъ; объявить кто любовь непозволенную,—и такого выслушаетъ!».

— То именемъ только принцесса, то я выше себя считаю таковой и не позволю никому себѣ говорить, что касается до чести моей, а паче твоей!

— Не безпокойся, сударыня, о моей чести: я самъ умѣю ее сохранить, а это пустые предрасудки, которые ты называешь честью. Не

мѣшаетъ любить другого тебѣ, только умнымъ и скромнымъ образомъ, и я тебѣ всегда позволялъ и позволяю, зная и увѣренъ, что въ этомъ нѣтъ грѣха. Тебѣ натолковано глупыми твоими наставницами, и всякимъ вздоромъ голова твоя набита; и я ничѣмъ не могу сего изъ тебя истребить и заставить тебя жить, какъ я хочу. Знай, что племянникъ мой опять здѣсь будетъ и возобновитъ свои исканія!

Я отвѣчала: «Племянникъ твой не въ твоей командѣ и ты не можешь приказывать ему и назначать, гдѣ жить, и я буду просить моего благодѣтеля, чтобъ онъ его далѣе удалилъ отъ насъ, и буду принуждена ему все рассказать, для чего я сіе дѣлаю!»

Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Тѣмъ-то ты плотишь за любовь мою къ тебѣ и за дружеское позволеніе наслаждаться жизнью и и всѣми утѣхами?»

— Много васъ благодарю за любовь и за позволеніе на самыя лучшія дѣла, по-вашему, но я сама себѣ не позволяю, и ничто въ свѣтѣ меня принудить не можетъ! Ты говоришь, что глупыя мои наставницы меня сей глупости научили,—пусть такъ! Да поможетъ мнѣ Господь всѣ ихъ наставленія исполнить!

Онъ вскочилъ въ превеликомъ сердцѣ и бросился ко мнѣ. Я думала, онъ хочетъ ударить меня, но я съ мѣста не тронулась, и онъ только сказалъ самымъ звѣрскимъ голосомъ: «Я теперь знаю, что съ тобой дѣлать! Будешь жалѣть, но поздно!»

Я горько заплакала и сказала: «Я вся во власти твоей,—что тебѣ угодно, то и дѣлай; ты властенъ надъ тѣломъ моимъ, но не надъ душой! Богъ мой ее соблюдетъ отъ нечистоты!»

Онъ ушелъ, хлопнувши дверью, и уѣхалъ въ банкъ. Я пошла въ свою комнату, упала передъ распятымъ Иисусомъ, молила Его о помилованіи мужа моего, а меня чтобъ сохранилъ отъ паденія и далъ мнѣ силы и крѣпость къ перенесенію всего того, что противъ меня мужъ мой будетъ предпринимать. Въ самое это время приходитъ мой благодѣтель и находитъ меня въ жестокомъ волненіи и слезахъ: «Что тебѣ, милая дочь, сдѣлалось? Какая скорбь тебя угнетаетъ? Открой сердце твое любящему тебя отцу. Ты сама меня назвала симъ для меня пріятнымъ именемъ».

Я зарыдала. «Что я тебѣ скажу, отецъ мой? Я гибну; научи меня, что мнѣ дѣлать въ моихъ горестныхъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ!» И все ему рассказала; онъ ужаснулся и долго молчалъ; наконецъ, со слезами, сказалъ:

— Принимай отъ Господа твоего все сіе за опыты, на тебя посланные, будь тверда и постоянна. Съ помощію Божіею все преодолѣешь. Ты не согрѣшишь, ежели не будешь повиноваться волѣ мужа твоего въ такихъ случаяхъ, а племянника его никогда здѣсь не будетъ,—въ этомъ

я тебя увѣряю. Вотъ тебѣ мой самый дружескій совѣтъ: молись и проси Отца Небеснаго! Онъ ужъ найдетъ способы, какъ тебя избавить, а я только могу сдѣлать, чтобъ мужъ твой чаще былъ у меня, и, можетъ быть, что-нибудь успѣю изъ него сдѣлать. А тебя прошу, моя любезная, быть противъ него какъ можно кротче и показывать ему, сколько ты его любишь и стараешься ему угодить. Но не наружно, а внутренно старайся любить его. Немудрено любить добраго мужа, но ты старайся исполнить законъ Христовъ—люби и твоего мужа и помни, что и онъ тебѣ данъ отъ руки Создателя твоего. Судьбы Его неисповѣдимы, и не намъ ихъ испытывать, а наше дѣло—повиноваться Его велѣніямъ и не роптать на Него. Ежели ты скажешь, что жить съ нимъ не можно, то подумай, будетъ ли твоя участь лучше и будетъ ли твоя душа спокойнѣе, ежели ты его оставишь? Одни будутъ винить его, а другіе—тебя, да еще и болѣе тебя обвиняютъ, нежели его. Ты же такъ молода, да и будешь ли спасена отъ преткновенія? Можетъ, самая жестокость мужа твоего дѣлаетъ тебя сильной и добродѣтельной. Терпи, мой другъ, и ежели ты все это превозможешь, то какая тебѣ будетъ радость при воспоминаніи прошедшихъ твоихъ бѣдствіевъ, и какую любовь и благодарность ты будешь чувствовать къ Спасителю твоему, Который спасъ тебя, подкрѣплялъ, услаждалъ, давалъ тебѣ друзей? Не даръ ли драгоценный и теперь Онъ тебѣ далъ—кротость и терпѣніе и что ты всѣми любима искренно? Нѣтъ человѣка, который бы о тебѣ не говорилъ добраго! Но ты не возгордись этимъ: это не твои достоинства, а посланныя тебѣ отъ Господа, то ты и обращай къ Нему безпрестанно съ наполненнымъ сердцемъ любви и благодарности къ Нему единому. Не грусти же, моя неоцѣненная и добрая, не разрывай сердца, любящаго тебя, какъ самую налюбезнѣйшую дочь! Я бы былъ совершенно счастливъ и спокоенъ, если бъ твоя жизнь была спокойна. Твое счастье тѣсно связано съ собственнымъ моимъ счастьемъ и спокойствіемъ. Будь, мой милый другъ, спокойна, сколько возможно, а я поговорю съ твоимъ мужемъ; онъ не дуракъ и, какъ кажется, и сердце должно-быть хорошо, но не дано ему направленія къ добру. Увидимъ, что будетъ, и не станемъ отчаиваться, а ты за него молись и проси ему милости Божіей!»

Я съ горькими слезами сказала ему: «Всѣ буду твои совѣты и приказанія исполнять, неоцѣненный мой отецъ и благодѣтель! Молитесь за вашу несчастную дочь, чтобъ она не ослабѣла въ терпѣніи!»

Онъ обнялъ меня и горько заплакалъ, и ушелъ, но я осталась гораздо спокойнѣе. Мужъ мой тотчасъ пришелъ послѣ его и узналъ, что былъ у насъ губернаторъ. Вошедши, спросилъ:

— Зачѣмъ былъ у тебя губернаторъ, или ты за нимъ послала?

— Я за нимъ никогда не посылаю, а онъ самъ, привыкши насъ видѣть часто, пришелъ посмотрѣть и узнать, здоровы ли мы.

— Въ какомъ положеніи онъ тебя засталъ? Сказывай и не лги!

— Я никогда тебѣ не лгала и не намѣрена лгать. Онъ меня засталъ въ слезахъ и въ жестокой горести!

— Спрашивалъ ли онъ у тебя, отчего ты въ слезахъ?

— Спрашивалъ!

— Что ты ему на это отвѣчала?

— Что я несчастлива въ моей жизни и желала бы, чтобъ скорѣе прекратилась жизнь моя, нежели жить и мучиться, да и мужа моего мучить, которому бы я хотѣла доставлять однѣ радости, а не мученія!

— Что жъ онъ тебѣ на это сказалъ?

— Велѣлъ терпѣть и за тебя молиться!

— И ты правду говоришь?

— Я тебѣ ужъ сказала, что ни изъ чего во мѣръ лгать не буду;—остается въ твоей волѣ—вѣрить, или не вѣрить!

— Берегись, ежели ты мнѣ не то сказала. Я узнаю отъ самого твоего благодѣтеля, на котораго ты надѣешься. Я сегодня же къ нему пойду!

— Изволь идти и спрашивай обо всемъ!

Онъ посмотрѣлъ на меня и, помолчавши, сказалъ: «Я еще тебѣ повторяю, что ты должна рѣшиться на мои требованія, а иначе твоя жизнь не будетъ спокойна!»

Я отвѣчала, что я рѣшилась: сказала—и не перемѣню своего слова, что «въ этомъ случаѣ не могу тебѣ повиноваться, хотя бъ ты меня всѣми муками хотѣлъ принуждать,—но не принудишь». Онъ посмотрѣлъ на меня, и сказалъ:

— Посмотримъ! Я тебѣ запрещаю ходить къ твоему благодѣтелю. Сказывайся больной и его къ себѣ не принимай, ни жены его!

— Первому я повинуюсь, но послѣднее не знаю, можно ли будетъ сдѣлать, чтобъ не принимать къ себѣ тѣхъ, которые намъ благодѣтельствуютъ. И онъ твой начальник!

— Это не твое дѣло мнѣ давать наставленія!—И ушелъ обѣдать къ губернатору и тамъ сказалъ, что я больна.

Что ужъ тамъ было и что ему говорилъ губернаторъ—я не знаю, но я въ самомъ дѣлѣ занемогла очень, и женщина моя, испугавшись, послала тотчасъ за лѣкаремъ, который ту минуту пустилъ кровь мнѣ, и я ничего не помнила, что со мной было. Лѣкарь поѣхалъ отъ меня къ губернатору и сказалъ имъ, что я больна очень, и жизнь моя была въ опасности; ежели бы онъ не пустилъ мнѣ крови, то были бы слѣдствія очень дурныя. Мужъ мой испугался, прибѣжалъ домой и нашелъ меня въ великой слабости, и смертная блѣдность на лицѣ. За нимъ вслѣдъ и благодѣтели моя оба пришли, сѣли возлѣ меня. Отецъ мой взялъ руку

мою и нашель, что пульсъ очень скоръ и внутренній жаръ великъ, посмотрѣлъ на мужа моего и сказалъ:

— Что теперь вы думаете? Она можетъ и умереть, и кто будетъ ея убійца?

Онъ зарыдалъ и сказалъ: «Я безъ нея самъ жить не могу! Она—ангелъ кротости и терпѣнія!» Упалъ на колѣни передъ кроватью: «Живи для того, чтобъ простить меня во всѣхъ моихъ несправедливостяхъ противъ тебя!»

Я сказала, что я прощаю его и никогда не помню его досадъ. «Одно твое доброе поведеніе можетъ навсегда истребить изъ памяти моей всѣ тѣ горести, которыя ты мнѣ причинялъ!»

Онъ сказалъ: «Я тебѣ обещаю при благодѣтелѣ твоемъ, что буду другомъ твоимъ и никогда не оскорблю тебя съ намѣреніемъ!»

Благодѣтели мои оба плакали и, обнявши его, сказали: «Исполни свое обѣщаніе и будь добрымъ мужемъ; услади ея жизнь скорбною и дай ей чувствовать то добро, котораго ты лишилъ ее!»

И такъ какъ я была очень слаба, то они не хотѣли много при мнѣ говорить, а ушли съ нимъ въ другую комнату, а я, оставшись, благодарилась Господу моего за болѣзнь посланную, чрезъ которую я примирилась съ мужемъ моимъ и увидѣла, что онъ меня еще любитъ.

Но сія моя радость недолго продолжалась... Съ мѣсяць я жила счастливо и спокойно, но опять мужъ мой началъ жить по-прежнему, и занятія съ дѣвками составляли все его удовольствіе, а я опять начала страдать, но ничего не говорила ему. Прибѣжище мое было одно—къ Создателю моему, чтобъ Онъ далъ мнѣ крѣпость и силы. Въ одинъ день онъ опять возобновилъ свои предложенія, чтобъ я выбрала непременно себѣ любовника.

— Я этого не хочу—я ему отвѣчала.—Гдѣ твои клятвы и обѣщанія, которыя ты давалъ—сдѣлать меня спокойной и счастливой? И что ты мнѣ говоришь о томъ, на что я никогда не рѣшусь и не сдѣлаю? Я тебѣ ужъ сказала и прежде, и нынѣ подтверждаю: не допущу себя никогда до того, чтобъ совѣсть моя меня укоряла, и не сдѣлаю стыда тѣмъ, которые меня воспитывали и давали мнѣ наставленія, чтобъ я была добродѣтельна,—чрезъ что я буду пріятна Создателю моему и любезна людямъ. Болѣе помню наставленія послѣдняго моего благодѣтеля и отца—Михаила Матвѣевича ¹⁾! И горько заплакала, сказавши: «Отецъ мой! Чувствуетъ ли твое сердце, что дочь твоя погибаетъ? Ты обѣщаль молиться обо мнѣ,—да услышитъ Господь твою молитву о несчастной твоей сиротѣ!» А болѣе ничего не могла говорить...

Онъ чрезвычайно разсердился и сказалъ: «Я дойду до моихъ намѣ-

¹⁾ Хераскова.

реній и укрошу твое жестокое и упрямое сердце! Съ сихъ поръ ты увидишь, что съ тобой будетъ!»

— Я на все готова: мнѣ нельзя ожидать отъ тебя лучшаго, но Богъ мой защититъ меня отъ всякаго зла, тобою мнѣ приготовленнаго!

Онъ затопалъ ногами и сказалъ: «Молчи и не говори ни слова!»

Я замолчала, и сердце мое окаменѣло такъ, что слезы остановились, и я какъ деревянная сидѣла, и никакихъ чувствъ не было. Онъ уѣхалъ со двора, а я насилу могла опомниться: что я и гдѣ я, и что со мной будетъ? Слезы облегчили мое страданіе. Я пошла къ обѣднѣ и съ великимъ усердіемъ молилась Спасителю моему, ежели возможно, чтобъ Онъ отвратилъ отъ меня то зло, которымъ меня угрожаетъ мужъ мой. «Но ежели угодно тебѣ, Боже мой, попустить сему злу, то подкрѣпи меня силою Твоею и буди моимъ хранителемъ!» И послѣ сего пришла домой очень спокойна. Передъ обѣдомъ онъ прислалъ сказать, что дома не обѣдаетъ. И такъ, я отобѣдала и сѣла за работу. Пришелъ вечеръ, я напилась чаю; со двора не поѣхала для того, что сильный былъ морозъ. И у меня тотъ день никого не было, что очень рѣдко случалось. Въ ожиданіи мужа моего, сѣла я почитать Арнта ¹⁾, но вдругъ сердце мое забилося, какъ-бы испугалось чего, и страхъ столько овладѣлъ всѣми моими чувствами, что я начала дрожать и духъ мой сталъ заниматься, такъ что я водой отпивалась и навѣрно знала, что будетъ со мной что-нибудь очень непріятное. Наконецъ, я начала со слезами молиться Спасителю моему, чтобъ Онъ не оставилъ меня и послалъ помощь свою.

Въ первомъ часу пріѣхалъ мужъ мой пьянъ и чрезвычайно сердитъ, раздѣлся и легъ; я уже была въ постелѣ. Первое—началъ меня бранить и называть непокорною женою и не любящею мужа своего и что онъ несчастливъ мной очень. Я молчала. Онъ сказалъ: «Что ты молчишь?» Вскочилъ, согналъ меня съ постели, ругалъ, сколько ему было угодно и вытолкнулъ меня на крыльцо въ одной юбкѣ и безъ чулокъ и сѣни заперъ. Сколько отъ горести, а болѣе отъ морозу, духъ у меня занимало. Вдругъ, вижу—идетъ кто-то къ крыльцу на стонъ мой, и я узвала, что это Феклисть, но я ужъ говорить не могла. Онъ взялъ меня на руки и снесъ въ баню, которая наканунѣ была топлена, надѣлъ на меня свою шубу, затопилъ печь, согрѣлъ воды съ шалфеемъ и напоилъ меня и горько плакалъ.

— Ты, мать наша, всѣхъ насъ несчастіе! Намъ доставляешь покой, а сама не имѣешь!

Я сказала: «Помолись, мой другъ, обо мнѣ, чтобъ Господь помило-

¹⁾ Иоганнъ Арндтъ (р. 1555, ум. 1621 г.), авторъ многихъ мистическихъ и аскетическихъ сочиненій, изъ которыхъ одно — „Das wahre Christenthum“ было переведено на русскій языкъ И. П. Тургеневымъ въ 1784 г. *

валь меня!» И у меня сдѣлалась сильная лихорадка; слезъ не было и тягость въ груди была несносная. Въ пятомъ часу прибѣжала дѣвка, хватаясь меня, гдѣ я; ранѣе не могла выйти: мужъ мой не спалъ и не выпускалъ изъ комнаты и прибилъ ее. Она бросилась ко мнѣ, зарыдала и закричала: «Жива ли она?» Упросила меня надѣть капоть теплый, обула меня, и, взявъ меня добрый Феклисть на руки, принесъ въ комнату, въ антресоли; и опасался, чтобъ не услышалъ мужъ мой. Тутъ я легла на канане и дѣвка меня напоила чаемъ, который я насиду глотала; и, кромѣ сихъ двухъ людей, никто не зналъ моего изгнанія, и я имъ запретила говорить.

Понутру, въ девятомъ часу, я велѣла заложить карету. Мужъ мой, услыша, вошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Куда ты ѣдешь такъ рано?» И, увидя страшную блѣдность и слабость, съ робостью спросилъ: «Что тебѣ сдѣлалось, матушка?» Я залилась слезами и сказала: «Безсовѣстный ты человѣкъ! Еще можешь ты спрашивать у меня, что мнѣ сдѣлалось? Ты бы спросилъ: еще ты жива послѣ того, что съ тобой произошло? И за что? За то, что я тебѣ не повинуюсь и мерзкимъ твоимъ желаніямъ? Знай, что я ѣду къ отцу моему и все расскажу, и ничто меня отъ сего удержать не можетъ! Нѣтъ болѣе моего терпѣнія, и послѣ этого я съ тобой жить не могу: избавлю тебя такой жены, которая тебѣ ненавистна, и ничего отъ тебя не потребую, въ одной рубашкѣ останусь, но съ спокойнымъ сердцемъ и чистою совѣстью. Я бѣдна не буду: у меня есть руки и глаза, а Богъ—мой помощникъ! Буду просить моего благодѣтеля, чтобъ онъ отправилъ меня въ Москву къ отцу моему¹⁾, гдѣ буду жить счастливо и спокойно. Они знаютъ меня, знаютъ и тебя, то не думай, чтобъ они меня повинили; винить будутъ тѣ, которые не знаютъ, да мнѣ до тѣхъ и дѣла нѣтъ, а ты меня ни въ чемъ не можешь упрекнуть!»

Онъ сталъ упрашивать меня и говорить, что онъ ничего не помнитъ. Я только это знаю, что сіе не въ первый и не въ послѣдній разъ будетъ и не вѣрю, чтобъ ты не помнилъ: ты не такъ былъ пьянъ, чтобъ можно было сказать, что ты безъ памяти былъ! Да что говорить! Я ѣду и исполню то, что предприняла, и ты не можешь меня остановить. Ты же самъ вѣчоръ сказалъ, что ты несчастливъ мною, и хотѣлъ избавиться отъ меня смертію моею, но я и безъ этого избавлю тебя,—и ты не будешь никогда видѣть ту, которая столько дѣлала жизнь твою несчастной; и жаловаться на тебя не буду, а буду молиться за тебя: да проститъ тебя Господь и дастъ тебѣ миръ и спокойствіе и счастье сего міра и будущаго! Пусть совершается надо мной его опредѣленіе: я съ покорностію все снесу!»

¹⁾ М. М. Хераскову; онъ въ это время былъ кураторомъ Московскаго Университета.

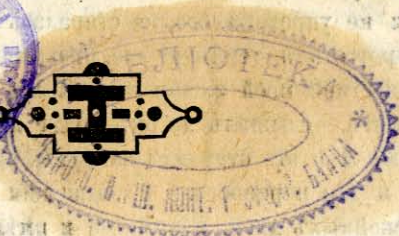
Приѣхала я къ моему благодѣтелю рано. Блѣдность лица моего сказала ему о моемъ душевномъ положеніи. Я упала передъ нимъ и съ рыданіемъ сказала: «Дочь твоя несчастная лежитъ у ногъ твоихъ: научи ее, что дѣлать и что предпринять!» И рассказала ему все случившееся со мной. Онъ залился самъ слезами, кликнулъ свою супругу и велѣлъ меня напоить горячимъ, потому что у меня сильная лихорадка сдѣлалась. Между тѣмъ, послалъ за моимъ мужемъ, который и приѣхалъ. Онъ ввелъ его въ ту комнату, въ которой я лежала, и заплакалъ. Благодѣтель мой спросилъ у него: «Правда ли то, что я слышалъ отъ жены твоей, и какъ ты съ ней поступилъ тирански и подло! Развѣ она заслужила отъ тебя? Вы можете мнѣ прямо сказать, что она противъ васъ сдѣлала. Вамъ лучше съ ней разстаться, ежели она не стоитъ вашей любви и уваженія!»

Онъ зарыдалъ и сказалъ: «Благодѣтель мой! Она права, и я ее ни въ чемъ винить не могу, но помоги мнѣ испросить у ней прощенія! Я не могу безъ нея быть счастливъ! Ежели она меня оставитъ, то не будетъ въ мірѣ человѣка несчастнѣе меня!» Подошедши ко мнѣ, говорилъ: «Неужто ты захочешь отнять отъ меня жизнь, честь и спокойствіе? Кротость твоя и терпѣніе не допустятъ тебя сіе сдѣлать! Прости меня,—у ногъ твоихъ лежу! Благодѣтель мой, будь поручителемъ, присоедини свои просьбы къ моимъ и дай мнѣ новую жизнь!»

Благодѣтель мой и отецъ подошелъ ко мнѣ, взявъ меня за руку, а супруга его, сидя возлѣ меня, заливалась слезами,—и оба начали говорить: «Мужъ твой раскаивается, кажется, чистосердечно и общается не огорчать тебя: согласишься, мой другъ, моя неоцѣненная дочь, послушайся отца твоего!»

Я залилась слезами, прижала его руку къ томному моему сердцу и сказала: «Ты—мой отецъ и благодѣтель, единая отрада скорбнаго моего сердца! Я все для тебя сдѣлаю: остаюсь съ нимъ жить, хотя и не думаю, чтобъ я была счастлива! Только одной у него прошу милости—не говорить мнѣ никогда о любовникѣ и никого не предлагать; другое,—чтобъ избавилъ меня видѣть то, что заставлялъ меня видѣть: я сего снести не могу, и оставилъ бы меня жить спокойно. Я ему никогда не говорила и не упрекала его, а старалась дѣлать ему угодное, думая, что моя кротость и терпѣніе все превозмогутъ, но очень обманулась: ничто несчастной моей жизни перемѣнить не могло! Онъ самъ здѣсь пусть скажетъ,—слышалъ ли онъ когда жалобы мои, видѣлъ ли когда скорбь мою? Я и это стараюсь запираеть внутри. Вина моя главная въ томъ, что я все переносила; и, вышедши за него, не видала радостныхъ и покойныхъ дней, а которые и имѣла, то онъ всячески старался отнять ихъ. И послѣ всего говорить, что онъ меня любитъ! Для меня не понятна сія любовь, по крайней мѣрѣ,—я не умѣю такъ любить!»

Скажи мнѣ теперь, при отцѣ моемъ, что я тебѣ сдѣлала? Ежели я тебѣ и говаривала когда, но не для себя: это Богъ видитъ, а боялась, чтобъ ты не потерялъ своего добраго имени. Вспомни почтенную мать твою, которая со слезами тебѣ говорила: «За что ты оскорбляешь жену твою и истиннаго твоего друга и дѣлаешь жизнь ея несчастною? Да и на меня наложилъ страшную тягость и скорбь, которая скоро меня сведетъ во гробъ! Я другу моему,—ея матери, клятву дала предъ Спасителемъ, чтобъ сдѣлать ея жизнь спокойной, и за тебя ручалась, что будешь ей добрый мужъ и другъ,—но то ли я теперь вижу: ты сдѣлался ея тираномъ! Пока я еще жива, то она во мнѣ имѣетъ мать и нѣжнаго друга, но ежели я умру,—что съ ней, бѣдной и сирой, будетъ? Кому она откроетъ сердце свое и кто съ ней раздѣлитъ ея несчастіе? Молю Господа моего, чтобъ Онъ сохранилъ жизнь мою, хотя и скорбна она для меня, но я нужна ей для успокоенія ея. Ежели ты не перемѣнишься, то не будетъ тебѣ счастья и совѣсти твоей спокойствія ни на минуту. Я вижу, что ты плачешь: дай Богъ, чтобъ эти слезы были слезы раскаянія и признанія! Прошу тебя со слезами: пожалѣй хоть старость матери твоей, которая хочетъ только жить для васъ, не сдѣлай смерть мою горькою!»—И ты вспомни, въ который день сдѣлался ей ударъ, каковъ ты былъ наканунѣ? Не это ли ей и смерть причинило? Лѣта ея не могли ужъ перенести видѣннаго ею несчастія моего! Вспомнить и теперь не могу о ея потерѣ; я съ ней все мое счастье потеряла невозвратно. Она одна была: мать, другъ и наставница,—и ту Господь отнял отъ меня! Да будетъ Его воля! Судьбы Его неисповѣдимы. Она меня учила всему покоряться и терпѣть и еще—благодарить Спасителя моего за тѣ страданія, которыя Онъ на меня щедро посылаетъ. Можетъ ли быть что мучительнѣе въ жизни, какъ имѣть мужа такого, который, вмѣсто дружескаго успокоенія, старается сдѣлать мою жизнь самую несчастною. Я еще никогда не была отъ тебя успокоена, но Господь мнѣ посылалъ такихъ благодѣтелей, которые любовію своею и дружескими соболѣзнованіями и совѣтами услаждали сколько-нибудь мою горестную жизнь. Я часто завидовала»...

43464

Абрагимовичъ
Андріевскій
Андреевъ
Алопеусъ
Алопеусъ М.
Алехинъ П.
Алехинъ М.
Артысевичъ
Баршъ
Божовскій
Быхавскій
Бобровъ
Борисоглѣбскій
Бѣльскій
Вакулевичъ
Воронецъ
Волковскій
Горошко
Гомолко
Главорубовъ
Донцовъ
Дуницъ-Мартинкевичъ
Ермолинскій
Ермоленко
Ивановъ И.
Кіокъ
Коваленко
Крыловъ
Крейманъ И.
Кольчевъ
Кольманъ
Колесниковъ
Костылевъ
Кушакевичъ
Лукьяновъ

Левченко Н.
Лыкошинъ
Лукасевичъ
Маевскій П.
Макаренко
Нарановичъ
Несторовичъ
Новышъ
Назимовъ
Николаевъ
Оныщукъ И.
Остенъ-Сакенъ А.
Палкинъ
Патонъ
Рудницкій
Рудковскій
Руцукъ
Сарычевъ Н.
Сарычевъ В.
Семенюкъ
Синековъ
Старосивильскій
Ступакъ
Славутинскій
Семеновскій
Тепловъ
Токарскій
Фидровскій
Цакони С.
Чичинадзе
Чечко
Шмидтъ
Шарый
Шумовскій